

Международная научная конференция
студентов, аспирантов и молодых учёных

ЛОМОНОСОВ 2026

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Ереван,
17 апреля 2026

МГУ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА
Филиал в Ереване

msu.am

ЕРЕВАН 2026

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ,
АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ
УЧЕНЫХ
«ЛОМОНОСОВ 2026»**

Ереван 2026

17 апреля 2026 года в Филиале МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ереван состоялась Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2026». Международная конференция «Ломоносов» проводится в рамках Международного молодежного научного форума «Ломоносов». Председателем Оргкомитета Форума «Ломоносов» является Ректор Московского университета академик Виктор Антонович Садовничий. Основная цель Конференции «Ломоносов» — развитие творческой активности студентов и молодых ученых, привлечение их к решению актуальных задач современной науки, сохранение и развитие единого международного научно-образовательного пространства, установление контактов между будущими коллегами.

Ректор МГУ имени М.В. Ломоносова, академик В.А. Садовничий, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Армения С.П. Копыркин и руководитель Российского центра науки и культуры в Ереване В.П. Фефилов отправили письменные приветствия участникам Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2026» в Армении.

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
М.В.ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА В ГОРОДЕ ЕРЕВАН

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ ПО СЕКЦИЯМ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Шагиданова Карина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент

ПРИКЛАДНАЯ МАТЕМАТИКА И ИНФОРМАТИКА

Саакян Карен Пайкарович, кандидат физико-математических наук, доцент

ЭКОНОМИКА

Гукасян Лилит Мкртычевна, кандидат экономических наук, доцент

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Атовмян Марат Левонович, преподаватель, практикующий юрист

ЛИНГВИСТИКА И ЖУРНАЛИСТИКА

Манукян Ирина Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент

Харатян Марина Жирайровна, кандидат филологических наук, доцент

Акопян Инга Гамлетовна, кандидат педагогических наук, доцент

Контактная информация

Ответственный секретарь региональной площадки:

Григорян Арина Асцатуровна

Тел. +37411 900110 (вн. 102); *E-mail* aascaturvna@msu.am

Помощник секретаря:

Геворкян Лиана Лиониковна

+37411 900110 (вн. 302); *E-mail* office@msu.am

Адрес оргкомитета: Армения, г. Ереван, ул. Вардананц, д. 17.

Приветствие ректора Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова академика В.А. Садовниченко участникам Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2026» в Армении

Глубокоуважаемые люди Московского университета: профессора, доценты, преподаватели, представители организационного комитета конференции, руководители секций, дорогие участники конференции!

Я рад приветствовать Вас на Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2026». Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ереван уже многие годы является основной площадкой конференции «Ломоносов» в Армении, объединив под сводами молодых исследователей из Республики и разных стран.

Студенческая наука — это не только первые шаги в исследовательской деятельности, но и важнейшая основа для формирования будущих профессионалов, способных мыслить критически, работать с информацией и находить нестандартные решения. Именно здесь рождаются идеи, которые в дальнейшем могут изменить общество и технологический прогресс.

Следует отметить, что участие в конференции требует не только глубоких знаний, но и смелости представить свои результаты широкой аудитории, вступить в научную дискуссию, услышать разные точки зрения. Это бесценный опыт, который станет важной частью вашего профессионального и личного роста.

Благодарю научных руководителей и организаторов за их труд, поддержку и вклад в развитие научного потенциала студентов. Благодаря вам создаётся среда, в которой молодые исследователи могут раскрыть свои способности и уверенно двигаться вперёд.

Желаю всем участникам и организаторам конференции плодотворной работы, конструктивного диалога и эффективного взаимодействия во благо российской и армянской науки!

Ректор Московского университета
академик

В.А. Садовничий

ПОСОЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

ОРГАНИЗАТОРАМ И УЧАСТНИКАМ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ,
АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«ЛОМОНОСОВ-2026»

От имени Посольства России в Армении приветствую организаторов и участников Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2026».

Научно-образовательное сотрудничество является важной частью многогранных отношений между нашими странами и в силу этого поддерживается на самом высоком уровне. Россия заинтересована в поступательном углублении связей на этом направлении, вкладывая в соответствующие проекты значительные ресурсы.

Многолетняя деятельность филиала Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова в Ереване является одним из ярких и успешных примеров двустороннего взаимодействия по линии науки и образования. Немаловажно, что на этой базе расширяются связи между педагогическими кадрами, молодыми учеными и студенческими поколениями наших стран.

Желаю участникам конференции плодотворной работы, интересных дискуссий и новых высот в образовании и в жизни.

С.КОПЫРКИН

« 17 » апреля 2026 года

**РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР
НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В ЕРЕВАНЕ**

Армения, 0019, Ереван,
проспект Маршала Баграмяна, 34
Тел.: +374 (10) 30-03-50
E-mail: armenia_erevan@rs.gov.ru
Исх. № Рз 33-230 от «17» «04» 2026 г.
На № _____ от «__» _____ 2026 г.

ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ
ДИРЕКТОРУ ФИЛИАЛА МГУ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА
В ЕРЕВАНЕ

П.Д. САФАРЯНУ

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС

Уважаемые преподаватели, студенты, аспиранты и молодые исследователи! Дорогие друзья!

От имени Российского центра науки и культуры в Ереване сердечно приветствую участников Международной научной конференции «Ломоносов-2026».

Выражаем искреннюю благодарность исполнителю директору филиала Университета П.Д. Сафаряну за приглашение на мероприятие и неизменное внимание к развитию образовательных и научных связей.

Особо отмечаем крепкое и многолетнее сотрудничество Российского центра науки и культуры в Ереване с Филиалом МГУ в Ереване. Это взаимодействие служит важным вкладом в укрепление гуманитарных и академических связей между Россией и Арменией.

Конференция «Ломоносов» по праву является одной из ведущих и наиболее авторитетных молодежных научных площадок, объединяющей талантливых студентов, аспирантов и молодых ученых из разных стран.

Желаем участникам конференции содержательных дискуссий, новых идей, полезных знакомств и дальнейших научных успехов.

Директор

В.П. Фефилов

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ 1 ЭКОНОМИКА.....	14
Сравнительный анализ инвестиционных стратегий Котайкского и Армавирского марзов.....	15
<i>Абрамян Гаяне Рафаеловна</i>	15
Территориальный и коммерческий брендинг: общее и особенное	17
<i>Аветисян Лика Тиграновна</i>	17
Современное состояние промышленности Армении	18
<i>Адамян Нане Артушевна</i>	18
Распределение налоговых доходов между уровнями бюджетной системы РФ в сравнении с опытом Республики Армения.....	20
<i>Айрапетян Жаклин Геворговна</i>	20
Специальная экономическая зона «Мегри» как фактор повышения инвестиционной активности регионов Армении (на примере Сюникского марза)	22
<i>Акобян Валерия Степановна</i>	22
Влияние реэкспорта на макроэкономические показатели: анализ системных рисков на примере экономики Армении в 2022-2024 гг.....	24
<i>Алиханян Ашот Санасарович</i>	24
Социальное неравенство и уровень доверия к институтам: межстрановой сравнительный анализ	26
<i>Апоян Анна Рубеновна</i>	26
Современные подходы к проведению промышленной политики.....	28
<i>Арутюнян Тигран Артакович</i>	28
Влияние цифровых технологий на трансформацию финансовых систем.....	30
<i>Асатрян Давид Тельманович</i>	30
Оценка латентных профилей качества жизни на основе индикаторов поискового интереса	32
<i>Бабаян Сергей Геворгович</i>	32
Анализ отраслевой структуры обрабатывающей промышленности в современных условиях.....	33
<i>Багдасарян Милена Гариковна</i>	33
Динамика мужского и женского стилей деловой коммуникации: тренды и перспективы	35

<i>Бадалян Анна Джониковна</i>	35
Перспективы торгово-экономического взаимодействия России и Индии на современном этапе.....	38
<i>Геворгян Геворг Артурович</i>	38
Влияние цифровых валют центральных банков (CBDC) на доверие к денежной системе.....	39
<i>Казарян Артур Ромикович</i>	39
Перспективы привлечения прямых иностранных инвестиций в Армению	42
<i>Кочарян Гаяне Арменовна</i>	42
Вьетнам как перспективный рынок для Российского СПГ.....	44
<i>Лоханова Ксения Дмитриевна</i>	44
Проблемы и перспективы расширения БРИКС: статистический и институциональный анализ.....	45
<i>Манукян Мане Севаковна</i>	45
Малые открытые экономики в эпоху глобальной трансформации: переосмысление внешнеэкономической политики в рамках новой геоэкономической архитектуры XXI века	46
<i>Мнацаканян Вилен Рафаелович</i>	46
Стратегические направления развития сектора информационных технологий в экономике Армении.....	49
<i>Овсепян Виктория Мартиковна</i>	49
Продвижение китайской инициативы «Пояс и Путь» в странах Южного Кавказа Плузян Асмик Айковна.....	51
Современное состояние внешнеторговых потоков Армении.....	53
<i>Согоян Гарник Терентович</i>	53
Зеленая экономика как инструмент глобальной экономической конкуренции.....	55
<i>Хлгатын Эдмон Самвелович</i>	55
Реэкспорт в условиях санкций: структурные сдвиги и товарная диверсификация во внешней торговле стран ЕАЭС, 2022-2024гг.	57
<i>Чечанова Юлия Норайровна</i>	57
СЕКЦИЯ 2. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.....	60
Туризм как инструмент мягкой силы в формировании международного имиджа Армении: сравнительный анализ швейцарской модели	61
<i>Авжисян Анна Михайловна</i>	61
Влияние партийно-политической ориентации аналитических центров на характер экспертных публикаций о внешнеполитических процессах (на примере США).....	63
<i>Биктимерова Лилия Ильдаровна</i>	63

Понятие «двойные стандарты» в международных отношениях	65
<i>Волобуев Никита Витальевич</i>	65
Решения Совета Безопасности ООН: пределы юридической обязательности и политические реалии	67
<i>Гарсоян Тина Эдгаровна</i>	67
Право народов на самоопределение в современном международном праве: проблемы реализации на примере Косово и Нагорного Карабаха.....	70
<i>Гурджинян Эвелина Ваноевна</i>	70
Цифровые практики армянских общин России, США и Франции в продвижении имиджа Армении.....	72
<i>Данилов Иван Сергеевич</i>	72
Раба: от символа сопротивления до политической тактики (семиотический анализ)	74
<i>Датоян Мелине Нверовна</i>	74
Концепция сообщества единой судьбы человечества в отражении публичных выступлений Си Цзиньпина.....	75
<i>Жэцзыя-Бачжабай</i>	75
Нюрнбергский прецедент как точка отсчёта глобальной этики: конфликт универсальных прав человека и культурного релятивизма в современном мире	78
<i>Ильченко Ольга Алексеевна</i>	78
Геоэкономические и геополитические реалии Восточного Средиземноморья в 2025 году.....	80
<i>Израелян Алина Норайровна</i>	80
Моргачев Алексей Вячеславович	82
<i>Магистрант</i>	82
Влияние этнического фактора на политическую стабильность в полиэтнических государствах	85
<i>Мхоян Аида Залибековна</i>	85
Международно-правовые аспекты реформирования системы ООН.....	87
<i>Погосян Марийка Петросовна</i>	87
Трансформация лидерства в мировой политике в условиях глобализации	89
<i>Родичева Софья Алексеевна</i>	89
СЕКЦИЯ 3. ПРИКЛАДНАЯ МАТЕМАТИКА И ИНФОРМАТИКА	92
Восстановление центрально-симметричного тела при помощи распределений длин хорд тела по направлениям	93
<i>Апинян Левон Арменович</i>	93

О задаче управления линейной динамической системой с неразделенными многоточечными и интегральными условиями	94
<i>Барсегян Эмиль Арменович</i>	94
Система трекинга и анализа взаимодействия игроков на футбольном поле.....	95
<i>Матевосян Гарник Багратович</i>	95
Проблемы и подходы к управлению памятью в высокопроизводительных вычислительных системах	97
<i>Петросян Амиран Григорович</i>	97
Lattice Path Enumeration: Forbidden Zones and a Derivation of the Catalan Numbers <i>Sargsyan M.Y.</i>	98
Повышение точности алгоритма отождествления данных в системе траекторной обработки радиолокационной информации	100
<i>Сирунян Ваагн Телемакович</i>	100
Применение диффузионных моделей для восстановления изображений с разными видами искажений	101
<i>Хечоян Ани Арутюновна</i>	101
СЕКЦИЯ 4. ЛИНГВИСТИКА И ЖУРНАЛИСТИКА	103
Лингвистическая одаренность в составе редких форм одаренности младших школьников.....	104
<i>Алимпиева Алена Алексеевна</i> ,.....	104
Сохранение культурного кода при переводе реалий в пьесах А.П. Чехова «Три сестры» и «Вишнёвый сад» на английский и армянский языки	106
<i>Атаджанян Лаура Тиграновна Студент (бакалавриат) Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Направление «Лингвистика»</i>	106
Рефлексия, автономия и обратная связь в университетском обучении иностранному языку: reworkive-подход.....	108
<i>Ахмаджонов Авазбек Акмалжон угли</i>	108
Искусственный интеллект в формировании иноязычной коммуникативной компетенции: возможности и ограничения.....	110
<i>Бабаян Адриане Бабкеновна</i>	110
В лабиринтах памяти: взаимодействие времени и памяти в романе Орхана Памука «Музей невинности».....	112
<i>Бадеян А. А.</i>	112
Новая роль преподавателя иностранных языков в современном, цифровом образовании	113
<i>Бондаренко Петр Андреевич</i>	113

Особенности культурной адаптации международных брендов на рынке Армении (на материале средств массовой информации)	116
<i>Григорян Джулиана Артуровна</i>	116
Фразеологические единицы, возникшие на основе свадебных обрядов: сопоставительный анализ и проблемы перевода	118
<i>(на материале армянского и русского языков)</i>	118
Конфликтный дискурс в интервью: стратегии провокации	120
<i>Егиазарян Мариам Саргисовна</i>	120
Типология и интерпретация речевых ошибок американских политиков в медийном дискурсе	122
<i>Искандарян Давид</i>	122
Гороскопы как тексты малого формата в американских средствах массовой информации	124
<i>Израелян Алина Камоевна</i>	124
Социокультурные особенности педагогической коммуникации в классе в России и Казахстане.	126
<i>Карапетян Р. Г.</i>	126
Речевой портрет телеведущего-интеллектуала (на примере Ивана Урганта)	128
<i>Маргарян Милена Гагиковна</i>	128
Гендерные стереотипы в языке телерекламы	130
<i>Мхоян Мэри Залибековна</i>	130
Специфика передачи безэквивалентной лексики в авторском переводе (на материале романа Н. Федоровой «Семья»)	133
<i>Оганнисян Сусанна Армановна</i>	133
Средства выражения источника движения в русском и китайском языках	134
<i>У Сяохэо</i>	134
Исследование конструирования цифровой идентичности в контексте социальных сетей: перспектива теории социальной идентичности	136
<i>Ван Сяньчжэ</i>	136
Этножурналистика как инструмент сохранения языкового разнообразия	138
<i>Гудевич Юлия Витальевна</i>	138
Применение искусственного интеллекта для анализа редакционной политики telegram-каналов (на примере армянских медиаресурсов) <i>Ерицян Давид Егшиевич</i>	141
Медиа как ключевые PR-каналы для международных организаций	143
<i>Закарян Изабель Арменовна</i>	143

Феномен фейковых новостей и методы их распознавания в современной журналистике (анализ реальных случаев и стратегии борьбы с дезинформацией)	145
<i>Минасян Эмма Вардановна</i>	145
Журналистика как инструмент дипломатии: теоретико-методологические подходы к исследованию	147
<i>Симович Диана Дмитриевна</i>	147
Инклюзивная культура в российском медиапространстве: контент-анализ на основе мониторинга СКАН-Интерфакс	149
<i>Слюнько Анастасия Олеговна</i>	149
Редактирование текстов, созданных нейросетями: проблемы достоверности и смысловой точности	151
<i>Тишкина Вероника Федоровна</i>	151
СЕКЦИЯ 6. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	154
Защита прав детей в период вооруженного конфликта.....	155
<i>Авагян Норайр Араевич</i>	155
Способы защиты вещных прав: проблема систематизации.....	157
<i>Аветисян Давид Гагикович</i>	157
Дискуссионные вопросы понятия личности преступника	159
<i>Григорян Ирина Самвеловна</i>	159
Функции нотариата в современном обществе.....	161
<i>Есаян Ева Ваграмовна</i>	161
Развитие бухгалтерского учета в современных экономических условиях.....	164
<i>Кузьмина Ксения Михайловна</i>	164
О некоторых особенностях организации прокуратуры в РФ и РА	166
<i>Ламбарян Давид Арменович</i>	166
Общие и специальные условия применения принципа «ne bis in idem»	168
<i>Минасян Давид Айкович</i>	168
Криминалистика вне уголовного процесса: теория и практика применения.....	170
<i>Никогосян Нелли Тиграновна</i>	170
Сравнительно-правовой анализ полномочий органов конституционного контроля в Республике Армения и Российской Федерации.....	173
<i>Петросян Карен Артурович</i>	173
Гражданско-правовая охрана жизни и здоровья граждан.....	175
<i>Празян Арминэ Арамовна</i>	175
Правовое регулирование правопреемства в гражданском праве	177

<i>Саакян Элен Самвеловна</i>	177
Конституционно-правовые проблемы ограничения информационных прав детей в Российской Федерации и Республике Армения.....	179
<i>Симонян Алёна Симоновна</i>	179
Особенности досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних	181
<i>Хачатрян Элен Гамлетовна</i>	181
Проблема признания сторон вооруженного конфликта в международном праве (на примере Судана)	183
<i>Харатян А.А., Мхоян Д.А. магистранты Российско-Армянский (Славянский) университет,</i>	183
Евразийский путь развития Республики Армения: интеграционно-правовой аспект	185
<i>Хачатрян Эрик Артурович</i>	185
Права человека в условиях цифровизации общества	187
<i>Шабоян Ани Артаковна</i>	187

СЕКЦИЯ 1 ЭКОНОМИКА

Сравнительный анализ инвестиционных стратегий Котайкского и Армавирского марзов

Абрамян Гаяне Рафаеловна

Студентка (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Экономика»

Ереван, Армения

E-mail: abramyan.g.r@gmail.com

Неравномерность социально-экономического развития территориальных единиц – устойчивая черта регионального управления Республики Армения за последнее десятилетие. Диспропорции в инвестиционной привлекательности марзов обусловлены различиями в ресурсной базе, отраслевой специализации, инфраструктурной обеспеченности и эффективности применения инструментов государственной поддержки.

Экономика Армении за 2021–2025 гг. демонстрировала положительную динамику, что сформировало благоприятный фон для реализации региональных инвестиционных стратегий. Как видно из таблицы 1, после роста ВРП в 2021 г. (12.6%) темпы увеличения стабилизировались на уровне 6–8%, а по итогам 2025 г. ожидается рост в 7.2%. Источник: составлено автором на основе [4;5]

Значительный рост чистого притока ПИИ в 2023 году (до 180.4 млн. долл.) свидетельствует об улучшении инвестиционного климата. Параллельно отмечается устойчивое снижение уровня безработицы с 15.5% до 11.8% и рост ВВП на душу населения более чем на 70% за пятилетие [3]. Важным показателем эффективности мер поддержки, особенно в аграрном секторе, является деятельность DISA. Как показано в Программе, совокупный кредитно-лизинговый портфель программ господдержки агросектора за период их реализации достиг 439 млрд. драмов (около 1.16 млрд. долл.), что свидетельствует о высоком спросе на данные инструменты [3].

В рамках Программы мероприятий Правительства РА на 2021–2026 гг. обозначена стратегическая задача диверсификации экономики и наращивания притока прямых иностранных инвестиций. Реализация этой цели на субнациональном уровне предполагает дифференцированный подход, при котором механизмы поддержки – налоговые льготы, субсидированное кредитование, инфраструктурные преференции – адаптируются к специфике каждого региона [3].

Котайкский и Армавирский марзы представляют контрастные модели регионального развития, инвестиционная специализация которых детерминирована географическим положением, ресурсной базой и сложившейся отраслевой структурой (таблица 2).

Таблица 1 – Сравнительная характеристика Котайкского и Армавирского марзов

Параметр	Котайкский марз	Армавирский марз
Географическое положение	Центральная часть страны, не граничит с другими странами.	Западная часть страны, долина Арарата, граничит с Турцией.
Ключевые ресурсы	Промышленные месторождения (туф, базальт), рекреационные ресурсы (горные ландшафты).	Высокоплодородные почвы долины Арарата, водные ресурсы, наличие Армянской АЭС.
Демография	Население 255 тыс. чел., средняя плотность.	Население 265 тыс. чел., самая высокая плотность в РА.
Экономическая специализация	Диверсифицированная: промышленность (стройматериалы, металлообработка), сельское хозяйство, туризм.	Агропромышленная специализация: растениеводство (виноградарство, плодоводство), пищевая переработка; энергетика.
Инфраструктурный профиль	Развитая транспортная сеть, туристическая инфраструктура (Цахкадзор).	Критически важная энергетическая инфраструктура (АЭС), развитая, но изношенная ирригационная система.
Стратегический фокус	Промышленно-инновационный и рекреационный центр, близость к Еревану.	Аграрный и энергетический хаб, развитие перерабатывающих производств.

Источник: составлено автором на основе [1;2]

Котайкский марз позиционируется как промышленно-инновационный и рекреационный центр. Его стратегия базируется на близости к столице Еревану, наличии квалифицированных кадров и развитой промышленной традиции. Инвестиции концентрируются в секторах с высокой добавленной стоимостью – производство стройматериалов, ИТ и высокие технологии (на базе HiZone), а также круглогодичный туризм (горнолыжный курорт Цахкадзор и культурные объекты Гарни и Гегард).

Армавирский марз, обладающий самым высоким демографическим потенциалом и находящийся в плодородной Араратской долине, исторически является аграрным и энергетическим хабом страны. Его инвестиционная стратегия сфокусирована на агропромышленном комплексе с акцентом на глубокую переработку сельхозпродукции и повышение экспортного потенциала. Наличие Армянской АЭС в Мецаморе создает предпосылки для развития энергоёмких производств и смежных сервисных кластеров. Однако регион сталкивается с острыми проблемами дефицита водных ресурсов, требующими масштабной модернизации ирригационных систем, и высокой демографической нагрузкой, отражающейся на социальной инфраструктуре.

Таким образом, наблюдается чёткая корреляция между отраслевой специализацией региона и применяемыми инструментами господдержки: в Котайке преобладают меры по созданию инновационной среды и налоговому стимулированию,

в Армавире – прямое финансовое (кредитное) и инфраструктурное субсидирование аграрного сектора.

Источники и литература

1. Армавирский марз Республики Армения в цифрах, 2024 // Статистический комитет Республики Армения (Армстат): официальный сайт. – URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99553343.pdf> (дата обращения: 28.02.2026).
2. Котайкский марз Республики Армения в цифрах, 2024 // Статистический комитет Республики Армения (Армстат): официальный сайт. – URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=983> (дата обращения: 28.02.2026).
3. Программа мероприятий деятельности Правительства Республики Армения на 2021-2026 годы (Приложение № 1 к Постановлению Правительства Республики Армения №2300-L от 25 декабря 2023 года). – URL: <https://www.gov.am/files/docs/4739.pdf> (дата обращения: 27.02.2026).
4. Статистический комитет Республики Армения (Армстат): официальный сайт. – URL: <https://www.armstat.am/ru/> (дата обращения: 26.02.2026).
5. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации (Росстат): официальный сайт. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 26.02.2026).

Территориальный и коммерческий брендинг: общее и особенное

Аветисян Лика Тиграновна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в г. Ереване. Направление: «Государственное и муниципальное управление»

Ереван, Армения

E-mail: agapi.lika21@gmail.com

Территориальный и коммерческий брендинг являются важными инструментами современной коммуникационной политики. Оба направления используют маркетинговые технологии, направленные на формирование устойчивого образа и позитивной репутации объекта продвижения. В обоих случаях бренд выступает стратегическим нематериальным активом, позволяющим повысить конкурентоспособность товара, компании или территории [1].

Однако между этими видами брендинга существуют принципиальные различия. Коммерческий брендинг ориентирован на продвижение товаров и услуг и направлен прежде всего на увеличение прибыли, расширение рыночной доли и укрепление

лояльности потребителей. Управление таким брендом осуществляется компанией-владельцем, которая определяет стратегию позиционирования, коммуникационную политику и распределение ресурсов.

Территориальный брендинг связан с продвижением города, региона или государства как социально-экономической системы. Его объект включает культурное наследие, инфраструктуру, природные ресурсы, экономический потенциал и человеческий капитал. В отличие от коммерческого бренда, территориальный бренд формируется в результате взаимодействия органов власти, бизнеса, общественных организаций и жителей, что делает процесс управления более сложным и многоуровневым [2].

Различаются и цели данных стратегий. В коммерческом брендинге ключевым показателем эффективности выступают экономические результаты — объём продаж, прибыль и капитализация компании. Территориальный брендинг преследует более широкие задачи: повышение инвестиционной привлекательности региона, развитие туризма, формирование позитивной идентичности и улучшение качества жизни населения.

Таким образом, несмотря на использование схожих маркетинговых инструментов, территориальный и коммерческий брендинг имеют различную природу, цели и механизмы реализации. Территориальный брендинг выходит за рамки классического маркетинга и становится важным инструментом публичного управления и стратегического развития территории.

Источники и литература

1. Визгалов Д.В. Брендинг города. — М.: Фонд «Институт экономики города», 2011.
2. Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

Современное состояние промышленности Армении

Адамян Нане Артушевна

Студент (бакалавриат)

Российско-Армянский университет, факультет экономики

Ереван, Армения

E-mail: nane10022003@mail.ru

Промышленность — одна из основ развития экономики любой страны, обеспечивающая её стабильный рост. Именно промышленный сектор создает материальные блага и способствует интенсификации производства в сельском

хозяйстве, строительстве и сфере услуг. [1,3,7] Развитие промышленности способствует росту занятости и доходов населения. Это ведет к расширению внутреннего рынка благодаря увеличению спроса, который обусловлен повышением производительности труда. [2,3,6,7] Кроме того, промышленность способствует появлению новых технологий, инноваций и их внедрению в производственный процесс. Промышленность позволяет развивающимся странам укреплять национальную экономику и переходить к фазе устойчивого роста. Очень важно отметить классификацию стран Организации ООН по промышленному развитию (ЮНИДО), которая классифицирует страны на основании стадии промышленного развития. Выделяют развитые индустриальные страны с высоким уровнем производства, а также страны, которые являются развивающимися, так как их промышленная политика реализуется в конкретных отраслях экономики.[4] С точки зрения данной классификации, Армения относится к индустриализирующимся экономикам со средним уровнем дохода.

Если рассматривать структуру промышленного производства Армении за период с 2010 по 2023 гг., то можно заметить, что наибольшую долю составляют добыча руд, производство пищевых продуктов и металлургия. Относительно небольшая, но постепенно растущая часть приходится на химическую промышленность, фармацевтические производства и машиностроение. Главную часть промышленности Армении на данный момент составляет обрабатывающая промышленность. [5] На нее приходится примерно 70% от общего объема промышленности. Основными отраслями обрабатывающей промышленности являются пищевая промышленность, производство табачных изделий, металлургия, производство напитков и одежды. Общий объем обрабатывающей промышленности в период с 2010 по 2024 гг. вырос более чем в 2 раза – примерно с 1,3 млн до 2,4 млн. драм. Особенно интенсивный рост можно заметить после 2021 года.

В соответствии с классификацией, которую использует Евростат, отрасли обрабатывающей промышленности можно подразделить на четыре технологических группы: высокотехнологичные, средне-высокотехнологичные, средне-низкотехнологичные и низкотехнологичные. Если рассматривать промышленный сектор через призму данной классификации, то стоит отметить, что на начальном этапе преобладали низкотехнологичные отрасли – в первую очередь производство пищевых продуктов, напитков, табачных изделий, а также текстиля и одежды. Совокупная доля этих отраслей оставалась значительной весь рассматриваемый период и составляла порядка 30-35% от всей промышленности, однако сейчас рост постепенно снижается за счет роста других сегментов и достигает уже порядка 28-30%. Наиболее выраженной динамикой сейчас обладают средне-низкотехнологичные отрасли, прежде всего в производстве основных металлов. Их доля увеличилась примерно с 10-12% до 18-20% в 2023-2024 гг. Вместе с этой отраслью усилился также средне-высокотехнологичный сегмент: химическая промышленность, производство оборудования в совокупности выросли с 5-7% до 10-12% структуры. Высокотехнологичная отрасль (фармацевтика,

электроника) остается на очень низком уровне – в пределах нескольких процентов от всей промышленности.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что экономическая политика Республики Армения базируется на приоритетном развитии обрабатывающей промышленности. В экономике наблюдается постепенная диверсификация отраслей. Тем не менее сохраняется высокая зависимость от сырьевого сектора, что остается одной из основных преград для устойчивого роста. Больше всего развивается именно сектор легкой промышленности и данные склоняют к выводу о том, что необходимо сменить курс на реиндустриализацию, которая подразумевает не только восстановление старых производств, но и создание новой высокотехнологичной промышленности. А для развития данного процесса необходимо увеличение государственных и частных инвестиций в НИОКР, а также использование инструментов поддержки малых и средних предприятий, которые являются главными драйверами роста экономики.

Источники и литература

1. Булавко О.А. Промышленно-инвестиционная политика в посткризисной модернизации российской промышленности: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / О.А. Булавко. Санкт-Петербург, 2013 305 с.
2. <https://www.unido.org/sites/default/files/unido-publications/2025-11/UNIDO%20IDR26.pdf>
3. <https://cdn.prexams.com/8978/International%20Economics%20Theory%20and%20Policy%20Book%209th%20Edition.pdf>
4. stat.unido.org (Портал статистики ЮНИДО)
5. [Armstat.am](http://armstat.am) (Статистический комитет Республики Армения)
6. <https://stat.unido.org/analytical-tools/cip>

Распределение налоговых доходов между уровнями бюджетной системы РФ в сравнении с опытом Республики Армения

Айрапетян Жаклин Геворговна

Студент (бакалавриат)

*Филиал Московского государственного университета имени М.В.
Ломоносова в г. Ереване.*

Направление: «Государственное и муниципальное управление»

Ереван, Армения

E-mail: jaklin001@yandex.ru

Эффективность функционирования бюджетной системы государства напрямую зависит от четкости законодательного распределения источников доходов между ее уровнями. В Российской Федерации, обладающей федеративным устройством, трехуровневая структура бюджетов (федеральный, региональный, местный) закреплена в ст. 10 Бюджетного кодекса РФ и базируется на принципах единства, самостоятельности и разграничения доходов [ст. 30-31 БК РФ]. Однако, как показывает практика, декларируемая самостоятельность нижестоящих бюджетов вступает в противоречие с высокой степенью централизации налоговых поступлений, что порождает проблему их финансовой зависимости и требует поиска оптимальной модели распределения фискальных ресурсов.

В работе анализируется российская модель бюджетного федерализма, характеризующаяся концентрацией основных фискально значимых налогов (НДС, НДСП, акцизы) на федеральном уровне [1]. Налоговый кодекс РФ (ст. 12-15) формально закрепляет за каждым уровнем собственные налоги, однако их доходного потенциала недостаточно для покрытия расходных обязательств регионов и муниципалитетов. Механизм регулирующих доходов (например, распределение НДФЛ) и межбюджетных трансфертов призван сглаживать дисбаланс, но он же ставит субфедеральные бюджеты в зависимость от решений центра и нормативов, утверждаемых на очередной финансовый год [2].

Сравнительный анализ с унитарным государством - Республикой Армения, выявляет как общие черты, так и принципиальные различия. В двухуровневой бюджетной системе Армении централизация выражена еще сильнее: местные (общинные) бюджеты имеют крайне узкую собственную налоговую базу (налог на имущество, земельный налог) и практически полностью зависят от ежегодно утверждаемых нормативов отчислений от общегосударственных налогов. В отличие от РФ, в Армении отсутствует промежуточный (региональный) уровень с законодательно закрепленными налоговыми полномочиями, что упрощает систему, но минимизирует фискальную автономию на местах.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что ключевой проблемой формирования доходов бюджетов в РФ остается поиск баланса между централизацией, необходимой для выполнения общегосударственных функций, и финансовой самостоятельностью регионов и муниципалитетов. Опыт Армении демонстрирует, что унитарная модель ведет к еще большей зависимости местных бюджетов от центра. Для российской модели требуется не просто перераспределение налогов, а совершенствование законодательного механизма закрепления долгосрочных (постоянных) налоговых источников за субфедеральными уровнями, что позволит реализовать принцип самостоятельности бюджетов де-факто, а не де-юре.

Источники и литература

1. Романовский М.В., Врублевская О.В. Налоги и налогообложение: учебник. – СПб.: Питер, 2023.

2. Майбуров И.А. Теория и история налогообложения: учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024.

Специальная экономическая зона «Мегри» как фактор повышения инвестиционной активности регионов Армении (на примере Сюникского марза)

Акобян Валерия Степановна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Экономика»

Ереван, Армения

Email: valeriahakobyan2204@gmail.com

Свободные экономические зоны (СЭЗ), также известные как особые экономические зоны (ОЭЗ) – это выделенные государством области на специальной территории, имеющие особый юридический статус по сравнению с остальной частью страны. Данные зоны предлагают привлекательные условия как для иностранных, так и для национальных предпринимателей благодаря особому налоговому режиму. Свободные экономические зоны создаются для решения стратегических задач, способствующих ускоренному экономическому развитию государства. В контексте глобальных экономических связей СЭЗ выступают прежде всего инструментом повышения инвестиционной привлекательности региона.[2]

Российско-Евразийский бизнес-брокер (REAB) отмечает, что действующие СЭЗ Армении привлекают инвестиции в экономику страны и открывают новые возможности для развития бизнеса. В частности, постановлением Правительства РА от 7 декабря 2017 года в марзе Сюник была создана СЭЗ «Мегри», первая очередь которой была официально открыта 15 декабря того же года. [1] Предполагалось участие 50–70 компаний с общим объёмом инвестиций \$100–130 млн и созданием около 1500 рабочих мест. Во время визита президента Армении в июле 2019г. было отмечено, что зарубежные инвесторы (и западные, и российские компании) проявляют интерес к проекту СЭЗ «Мегри». Цель данного исследования – проанализировать СЭЗ «Мегри» как фактор повышения инвестиционной активности Сюникского марза. В работе поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть теоретико-методологические основы формирования и развития СЭЗ.

2. Проанализировать роль СЭЗ в экономике государства и их значение для развития регионов.

3. Изучить зарубежный опыт разработки и реализации стратегий развития СЭЗ.

4. Оценить инвестиционный потенциал СЭЗ «Мегри» для развития Сюникского марза.

Теоретической базой исследования послужили концепции экономической интеграции и территорий с особым режимом хозяйствования. Эксперты подчёркивают, что развитие таких зон – один из прогрессивных механизмов социально-экономического роста, поскольку они создают резидентам налоговые и таможенные льготы. В частности, в научной литературе отмечается, что СЭЗ стимулируют приток прямых инвестиций и передовых технологий в регионы. В Армении законодательство закрепляет для резидентов СЭЗ «Мегри» ряд преференций: льготное налогообложение и таможенные преференции, что повышает привлекательность проектов в сельском хозяйстве, перерабатывающей промышленности, логистике и других отраслях Сюникской области.

Официальные планы и сообщения свидетельствуют о значительном инвестиционном потенциале СЭЗ «Мегри». По оценкам, в ближайшие годы в зоне будут работать 50–70 компаний-резидентов, что обеспечит приток инвестиций в размере \$100–130 млн и создание около 1500 новых рабочих мест. Пристальное внимание государства к проекту (включая визиты высших руководителей) и отмеченный интерес иностранных инвесторов указывают на возможность привлечения дополнительных капиталовложений.[3]

Таким образом, при сохранении благоприятного режима СЭЗ «Мегри» может стать эффективным фактором роста инвестиционной активности Сюникского марза. Это соответствует международному опыту: в других странах СЭЗ на периферии нередко служат драйверами индустриализации и экспорта.

Источники и литература

1. Васильева О.Н., Полгар Т. «Применение зарубежного опыта в регулировании деятельности отдельных видов территорий с особым режимом осуществления предпринимательской деятельности» // Вестник МГОУ. Юриспруденция, 2021, №1, с.82–89.
2. Ерёмин Н. И., Иванова А. П. Роль и место свободных экономических зон (СЭЗ) в мировой и национальной практике // Социально-экономические исследования. — 2020. — № — С. 68-69.
3. Национальный университет архитектуры и строительства Армении (НУАСА). «Свободная экономическая зона «Мегри» открыта...» (16.12.2017) [электронный ресурс].

Влияние реэкспорта на макроэкономические показатели: анализ системных рисков на примере экономики Армении в 2022-2024 гг.

Алиханян Ашот Санасарович

Студент (бакалавриат)

Российско-Армянский университет

Ереван, Армения

ashot.aikhanyan@student.rau.am

Начиная с 2022 года, экономика Армении демонстрирует беспрецедентную динамику, что актуализирует вопрос об устойчивости и истинных драйверах этого роста. Данная работа доказывает, что наблюдаемые аномалии являются следствием превращения Армении в один из ключевых хабов для реэкспортных операций. Цель исследования – провести комплексный анализ системных рисков (фискальных, финансовых и внешних), которые данная модель роста создает для национальной экономики.

Теоретической базой для исследования послужили концепции «голландской болезни» (Corden & Neary), бюджетного ограничения правительства (О. Бланшар), а также исследования влияния притоков иностранной валюты Э.М. Сандояна и И.Б. Петросян [1, 2, 3]. Данная работа применяет этот теоретический аппарат для анализа феномена реэкспорта 2022–2024 гг., фокусируясь на оценке созданных им рисков.

Анализ выявил структурный разрыв в макроэкономических показателях: в 2022–2023 гг. экономика Армении показала аномально высокие темпы роста реального ВВП (12,6% и 8,7% соответственно). Сравнение долей отраслей в ВВП продемонстрировало резкий отрыв сектора «Торговля» при стагнации или снижении долей реального сектора («Обрабатывающая промышленность», «Сельское хозяйство»).

Подтверждением того, что рост обусловлен реэкспортом, служит многократное увеличение экспорта по нетипичным категориям («Легковые автомобили», «Электроника»), синхронизированное с ростом импорта по тем же позициям. Это является признаком зеркальной торговой операции. Резкий спад показателей в 2024 году подтверждает, что феномен был связан с временными транзитными возможностями.

Рост, основанный на реэкспорте, генерирует три ключевых системных риска, уязвимость к которым обнажилась после окончания периода интенсивных транзитных операций.

Фискальный риск. Аномальный рост импорта привел к резкому увеличению налоговых поступлений (в первую очередь, НДС), создав обманчивое впечатление устойчивого расширения налоговой базы и спровоцировав рост расходных обязательств. Спад реэкспорта в 2024–2025 гг. ведет к сжатию этой базы и, как следствие, к резкому расширению дефицита госбюджета (с 3,7% ВВП до 5,5%). Столкнувшись с фискальным разрывом, государство вынуждено прибегать к долговому финансированию, что подтверждается ростом выпуска гособлигаций. Таким образом, формируется фискальная зависимость от неустойчивых транзитных потоков.

Финансовый риск. Наблюдался опережающий рост кредитования сектора «торговля», что привело к кредитному перегреву. Схлопывание реэкспортной модели создает прямой риск роста невозвратных кредитов. Более опасны вторичные эффекты: рост проблемных активов может заставить банки ужесточить условия кредитования для всей экономики. Это, в свою очередь, может спровоцировать системное кредитное сжатие и замедлить органический экономический рост, что напоминает триггеры Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. [4].

Внешний риск. Фундаментальный риск модели заключается в ее экзогенной уязвимости. Рост, движимый регуляторным арбитражем (извлечением прибыли из различий в законодательствах), по определению является временным. Резкий спад объемов торговли в 2024 году – не стандартная рыночная коррекция, а предсказуемое следствие изменения внешней регуляторной среды. Это доказывает, что подобная модель не может служить прочным фундаментом для долгосрочного развития. Кроме того, массивный приток иностранной валюты привел к существенному укреплению национальной валюты. В соответствии с анализом Э.М. Сандояна и И.Б. Петросян [1], это наносит двойной удар по реальному сектору: экспортная продукция дорожает на внешних рынках, а импортные товары дешевеют на внутреннем.

Проведенный анализ доказывает, что экономический бум в Армении 2022–2023 гг. по своей сути являлся периодом накопления системных уязвимостей, замаскированных временными сверхдоходами от реэкспортных операций. Искажая макроэкономические показатели, эта «транзитная ловушка» сформировала глубокие структурные риски – фискальные, финансовые и внешние. Урок данного эпизода заключается в критической важности для экономической политики умения дифференцировать устойчивый, органический рост и временные конъюнктурные шоки.

Источники и литература

4. Сандоян Э.М., Петросян И.Б. Влияние притоков иностранной валюты на экономику Армении. — Ереван, 2020.
5. Blanchard O. Fiscal Dominance and Inflation Targeting: Lessons from Brazil // NBER Working Paper. — 2004. — № 10389.
6. Corden W.M., Neary J.P. Booming Sector and De-Industrialisation in a Small Open Economy // The Economic Journal. — 1982. — Vol. 92. — P. 825–848.
7. Radelet S., Sachs J. The East Asian Financial Crisis: Diagnosis, Remedies, Prospects // Brookings Papers on Economic Activity. — 1998. — Vol. 1. — P. 1–74.

Социальное неравенство и уровень доверия к институтам: межстрановой сравнительный анализ

Апоян Анна Рубеновна

Студент (бакалавриат)

Российско-Армянский Университет, факультет экономики

Ереван, Армения

anna.apoyan@student.rau.am

Социальное неравенство, которое существует и в развитых, и в развивающихся странах, определяется как неравномерное распределение ограниченных ресурсов и материальных благ среди различных групп населения [1]. В работах классических экономистов, которые рассматривают модель рационального агента в экономике, социально-экономическое неравенство формируется под воздействием макроэкономических факторов [2,3].

Социальное неравенство измеряется Индексом Джини, который показывает, насколько неравномерно распределены доходы между слоями населения. В таблице 1 мы можем увидеть усредненный Индекс Джини с 2017 по 2023 годы для развитых и развивающихся стран. Заметно, что данный показатель колеблется с 27 до 43 пунктов.

Таблица 1. Усредненный Индекс Джини

Страны	Индекс Джини
Армения	29.44286
Турция	43.6
Украина	26.075
Грузия	35.31429
Россия	34.6
Франция	31.48571
Испания	34.21429
Швеция	29.67143
США	41.18571
Нидерланды	27.5

Эксперты в области поведенческой экономики все больше склоняются к тому, что неравенство не может существовать только благодаря макроэкономическим факторам, оно также формируется поведением потребителя в экономике благодаря иррациональности людей [4]. Доверие экономического агента к различным институтам также является фактором формирования поведения человека в социальном обществе.

Таблица 2. Индекс институционального доверия

Страны	Индекс институционального доверия
Армения	1.9546
Турция	2.638

Украина	1.797
Грузия	2.137
Россия	2.1918
Франция	2.3542
Испания	2.3094
Швеция	2.7202
США	2.341
Нидерланды	2.1956

Для анализа данной работы был рассчитан индекс институционального доверия (таблица 2), который включает: доверие к правительству, доверие к системе правосудия/судам, доверие к полиции, доверие к парламенту, доверие к государственной службе. Чем больше доверие к институтам, тем выше значение индекса (максимальное значение 4). Тем самым заметно, что среди развитых и развивающихся стран данный показатель в среднем составляет 2.1 пункта, что является показателем того, что люди в данных странах не особо доверяют институтам.

Диаграмма рассеивания зависимости между Индексом Джини и Индексом институционального доверия (объединенная выборка стран)

Проведенный предварительный корреляционный анализ развитых и развивающихся стран продемонстрировал нестабильность коэффициентов корреляции, что может быть обусловлено малым количеством наблюдений в группах. Для получения точного результата группы стран были объединены, вследствие чего корреляционный анализ показал умеренную положительную связь между уровнем неравенства и индексом институционального доверия ($r = 0.5088$). Однако положительная корреляция не может быть показателем того, что с ростом доверия к институтам социальное неравенство будет снижаться, она всего лишь отражает зависимость между данными переменными.

Подводя итог, нужно отметить, что существует зависимость между доверием человека к институтам и социальным неравенством, однако данная тематика требует дальнейшего углубленного анализа для выявления точной связи между поведением экономического агента и социально-экономическим неравенством. На следующем этапе исследования будет проведена оценка этого влияния с применением инструментов регрессионного моделирования.

Источники и литература

1. Светиков С. А. Критерии и факторы социального неравенства // Теория и практика общественного развития. – 2017. – №. 12. – С. 56-59.
2. Babaev S., Johnston T., Almeida P. Economic growth and poverty reduction in Uzbekistan: Achievements and challenges // International Journal of Advanced Research in Economics and Finance. – 2024. – Т. 6. – №. 4. – С. 16-26.
3. Islamiah N. Macroeconomics and social inequality: Examining the role of purchasing power in affecting income and poverty levels // Golden Ratio of Data in Summary. – 2025. – Т. 5. – №. 1. – С. 38-45.

4. Zhao S., Segovia M. S., Nayga R. M. The Effect of Cognitive Load on Economic Decision-Making Under Scarcity // Available at SSRN 5097338.
5. <https://data.worldbank.org/> (Всемирный банк)
6. <https://www.worldvaluessurvey.org/> (Всемирное исследование ценностей)

Современные подходы к проведению промышленной политики

Арутюнян Тигран Артакович

Студент (бакалавриат)

*Российско-Армянский университет, Институт экономики и бизнеса
Ереван, Армения*

E-mail: harutyunyanta2005@gmail.com

В условиях глобальных экономических трансформаций и усиления технологической конкуренции вопрос проведения промышленной политики вновь приобретает особую актуальность. Если во второй половине XX века в экономической теории преобладал подход, ориентированный на минимизацию роли государства в структурных преобразованиях, то в XXI веке наблюдается переосмысление данной позиции [1; 7].

Это связано с тем, что рыночные механизмы не всегда способны обеспечить формирование новых технологически сложных отраслей, особенно в условиях нестабильности мировой экономики и обострения геэкономической конкуренции. В данном контексте промышленная политика рассматривается как система мер государственного воздействия, направленных на структурную модернизацию экономики и повышение её конкурентоспособности [2; 6].

В научной литературе сложились различные подходы к пониманию промышленной политики. Представители либеральной школы исходят из того, что наилучшей промышленной политикой является её минимизация, поскольку рынок способен самостоятельно распределять ресурсы наиболее эффективным образом [1; 3]. Однако ряд исследователей указывает на наличие рыночных сбоев, в условиях которых без участия государства формирование новых направлений развития затруднено [7].

В современных условиях всё большее распространение получает институциональный подход к проведению промышленной политики. Он предполагает, что государство должно выступать не как прямой участник производственной деятельности, а как стратегический координатор, формирующий благоприятную среду для развития промышленности через инвестиции в инфраструктуру, образование, научные исследования и инновации [5; 6].

Следует отметить, что современные модели промышленной политики сочетают горизонтальные и селективные инструменты. Горизонтальные меры направлены на развитие промышленного сектора в целом, включая цифровизацию экономики, развитие человеческого капитала и совершенствование институциональной среды. Селективные меры предполагают поддержку приоритетных отраслей, обладающих высоким технологическим потенциалом [2; 4]. В данном случае речь идёт не о жёстком административном вмешательстве, а о стратегическом выборе направлений развития с учётом долгосрочных целей.

Особую роль в современных подходах играет участие стран в глобальных цепочках добавленной стоимости. Интеграция в международные производственные сети требует высокого уровня институционального развития, устойчивой нормативной базы и способности экономики адаптироваться к изменениям мировой конъюнктуры [4; 8]. В этом контексте промышленная политика становится инструментом обеспечения устойчивости и технологического обновления национальной экономики.

Кроме того, в последние годы усиливается дискуссия о соотношении промышленной и конкурентной политики. Поддержка отдельных отраслей не должна приводить к ограничению конкуренции и формированию неэффективных рыночных структур. Поэтому эффективность промышленной политики во многом определяется качеством институтов и прозрачностью механизмов её реализации [5].

Таким образом, современные подходы отходят от крайностей — как полного невмешательства государства, так и директивного административного управления. На первый план выходит стратегическая координационная роль государства, направленная на формирование долгосрочных конкурентных преимуществ и повышение устойчивости экономики.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в XXI веке промышленная политика переживает этап качественной трансформации. Она перестаёт рассматриваться исключительно как инструмент прямого вмешательства и приобретает более комплексный и институционально ориентированный характер.

Современные подходы предполагают сочетание рыночных механизмов и государственной координации, направленной на развитие технологически сложных отраслей, укрепление конкурентных позиций страны и её интеграцию в мировые производственные процессы.

В данном контексте эффективность промышленной политики определяется не масштабами государственной поддержки, а способностью государства выстраивать последовательную, институционально обеспеченную и долгосрочную стратегию развития промышленного сектора.

Источники и литература

1. Becker G. The Best Industrial Policy is None at All // Business Week. 1985.
2. Hausmann R., Hidalgo C. The Atlas of Economic Complexity. Cambridge, MA: MIT Press, 2014.
3. Krugman P., Obstfeld M. International Economics: Theory and Policy. Pearson Education. 2022

4. OECD. Industrial Policy in the 21st Century. OECD Publishing, 2023
5. OECD. Pro-competitive Industrial Policy. Paris: OECD Publishing, 2024.
6. Rodrik D. Industrial Policy for the Twenty-First Century. CEPR Discussion Paper No. 4767, 2004.
7. UNIDO. Industrial Development Report. Vienna. 2024.
8. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экспортная конкурентоспособность и структурные ограничения экономического роста // Вопросы экономики. 2013.

Влияние цифровых технологий на трансформацию финансовых систем

Асатрян Давид Тельманович

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в г.Ереване

Направление: «Экономика»

Ереван, Армения

E-mail: asatryan_david@yahoo.com

Цифровые технологии в последние годы стали одним из ключевых факторов трансформации финансовых систем. Распространение мобильных устройств, развитие цифровых платформ и внедрение технологий обработки данных существенно изменили способы предоставления финансовых услуг и структуру финансовых рынков.

По данным глобальной базы данных финансовой доступности, в 2024 году 79% взрослого населения мира имеют финансовый счет (Рисунок 1), тогда как 86% взрослых владеют мобильным телефоном, который выступает важным каналом доступа к цифровым финансовым услугам. Это свидетельствует о значительном расширении финансовой доступности и усилении роли цифровых технологий в финансовом секторе. [1]

Рисунок 1. Доля взрослого населения мира, имеющего финансовый счет (2011-2024)

Источник: составлено автором на основе глобальной базы данных финансовой доступности. [1]

Развитие технологий больших данных, искусственного интеллекта и распределенных реестров приводит к изменению механизмов финансового посредничества. Значительная часть финансовых услуг переносится в цифровую среду, а финансовые операции осуществляются практически мгновенно. В результате меняются границы между традиционными финансовыми институтами и технологическими компаниями, а также усиливается роль цифровой инфраструктуры и

данных как ключевых экономических ресурсов.[2] В этих условиях особую актуальность приобретает анализ экономических механизмов трансформации финансовых систем под воздействием цифровых технологий.

Цель исследования заключается в анализе влияния цифровых технологий на структуру финансовых рынков и выявлении ключевых механизмов цифровой трансформации финансовых систем.

В экономической теории финансовая система рассматривается как совокупность финансовых институтов, рынков и инфраструктуры, обеспечивающих перераспределение финансовых ресурсов между экономическими субъектами.[7] Ее ключевая функция заключается в мобилизации сбережений и их трансформации в инвестиционные ресурсы. Финансовые посредники выполняют важную роль в снижении транзакционных издержек и информационной асимметрии между участниками рынка.[6] Банки и другие финансовые институты аккумулируют средства домохозяйств и направляют их в инвестиционные проекты, одновременно выполняя функции оценки рисков и мониторинга заемщиков.[7]

Цифровизация трансформирует финансовые отношения через несколько взаимосвязанных экономических механизмов. Во-первых, цифровые технологии способствуют снижению информационной асимметрии на финансовых рынках.[6] Во-вторых, цифровизация приводит к сокращению транзакционных издержек.[5] В-третьих, важным направлением трансформации является развитие платформенных моделей финансового посредничества. Цифровые платформы объединяют различные группы пользователей и создают новые формы взаимодействия между участниками финансового рынка.[2] В-четвертых, развитие цифровых платформ сопровождается усилением сетевых эффектов.[2]

Цифровые технологии оказывают комплексное влияние на функционирование финансовых систем. С одной стороны, они повышают эффективность финансового посредничества, снижают транзакционные издержки и расширяют доступ к финансовым услугам. С другой стороны, цифровизация усиливает сетевые эффекты, способствует концентрации рынка и формирует новые риски для финансовой устойчивости.[3] В этих условиях ключевое значение приобретает формирование институциональной среды, способной обеспечить баланс между развитием цифровых финансовых технологий и поддержанием устойчивости финансовой системы.

Источники и литература

1. Всемирный банк. Глобальная база данных финансовой инклюзии: связь и финансовая доступность в цифровой экономике. - Вашингтон: Всемирный банк, 2025.
2. Фейен Э., Фрост Дж., Гамбакорта Л., Натараджан Х., Саал М. Финтех и цифровая трансформация финансовых услуг: последствия для структуры рынка и государственной политики. - Базель: Банк международных расчетов, 2021.

3. Сахай Р., Эрикссон фон Аллмен У., Лахреш А., Кхера П., Огава С., Базарбаш М., Битон К. Перспективы финтеха: финансовая инклюзия в постковидную эпоху. - Вашингтон: Международный валютный фонд, 2020.
4. Организация экономического сотрудничества и развития. Цифровая трансформация банковского сектора и её влияние на конкуренцию. - Париж: Организация экономического сотрудничества и развития, 2020.
5. Шумпетер Й. Теория экономического развития. - М.: Прогресс, 1982.
Коуз Р. Природа фирмы // Вехи экономической мысли: теория фирмы. - Санкт-Петербург: Экономическая школа, 2000. - С. 11–32.
6. Акерлоф Дж. Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм // Вехи экономической мысли: теория информации и рынков.
7. Мертон Р., Боди З. Финансовые рынки и институты. - М.: Вильямс, 2005.

Оценка латентных профилей качества жизни на основе индикаторов поискового интереса

Бабаян Сергей Геворгович

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Экономика»

Ереван, Армения

E-mail: sergo.babayan@bk.ru

Актуальность исследования связана с усложнением природы качества жизни как социально-экономического феномена и ограниченностью традиционных инструментов его измерения. Качество жизни трактуется как синтетическая латентная категория, включающая объективные характеристики условий и субъективные оценки населения, где одной из латентных компонент выступает социальная комфортность. Состав категории определяется двенадцатью блоками: здоровье и медицинское обслуживание, образование, социальная поддержка и пенсионное обеспечение, финансовое положение, трудовая деятельность и условия труда, безопасность, политическая стабильность, отдых и свободное время, экология и окружающая среда, инфраструктура (транспорт, связь, интернет) [2].

Целью проводимого исследования является разработка методического подхода к оценке социальной комфортности как латентной категории качества жизни населения на основе данных поисковых запросов [3].

Информационной базой работы послужили частоты поисковых запросов пользователей сети Интернет в период с 01.01.2015 по 01.01.2025 с месячной периодичностью по регионам России. Всего для анализа было использовано 1084 поисковых запроса, характеризующих социальную комфортность. В качестве методологической базы используется методика построения модифицированной главной компоненты С. А. Айвазяна [1]. Основными результатами проводимого исследования являются: построение сводного индикатора социальной комфортности на основе поисковых запросов; определение группы поисковых запросов, интерес к которой формировал периоды снижения и повышения сводного показателя; а также проведение валидации с экономическими показателями.

Рисунок 1: Динамика индекса социальной комфортности с 2015 по 2025 год

Источник: составлено автором

На заключительном этапе была разработана нейросеть для выявления причинно-следственных связей между блоками. Для проведения причинно-следственного анализа была создана полносвязная нейронная сеть прямого распространения, которая поможет понять, как влияют построенные ранее блочные индексы друг на друга.

Источники и литература

1. Айвазян С. А. Анализ качества и образа жизни населения: эконометрический подход. М.: Наука, 2012. 432 с.
2. Фантацини Д., Шаклеина М. В., Юрас. Н. А. Big Data в определении социального самочувствия населения России // Прикладная эконометрика. 2018. № 50. С. 43–66.
3. Шаклеина М. В. Теория, методология и моделирование механизма комплексного мониторинга социальной комфортности: монография. Вологда: ВолНЦ РАН, 2021. 134 с.

Анализ отраслевой структуры обрабатывающей промышленности в современных условиях

Багдасарян Милена Гариковна

Студент (бакалавриат)

Российско-Армянский(Славянский) университет,

экономический факультет,

Ереван, Армения

milena.bagdasaryan@student.rau.am

Экономический рост и развитие экономики тесно связаны с обрабатывающей промышленностью и индустриализацией. В научной литературе обрабатывающая промышленность описывается как движущий или прогрессивный сектор экономики. Она выполняет ряд функций. В первую очередь, она формирует высокую добавленную стоимость, так как в процессе переработки сырья и промежуточных ресурсов созданная продукция имеет более высокую рыночную ценность. Во-вторых, обрабатывающая промышленность стимулирует технологическое развитие и инновации, которые отвечают за автоматизацию производственных процессов и развитие научно-исследовательской деятельности [1].

В этой связи особую значимость приобретает экспорт продукции обрабатывающей промышленности. Развитие экспорта данной отрасли способствует повышению конкурентоспособности страны на мировом рынке, поскольку позволяет диверсифицировать экспортную структуру, снизить зависимость от сырьевых товаров и укрепить позиции в глобальных цепочках добавленной стоимости [2].

В связи с вышеперечисленным необходимо перейти от теоретического осмысления важности обрабатывающей промышленности к количественному анализу ее структуры и динамики. В рамках данного исследования проведен анализ ключевых показателей, отражающих как общий вклад обрабатывающей промышленности в экономику, так и её структуру по основным видам экономической деятельности.

Исследование основано на анализе данных, охватывающих период 2000–2024 гг., что позволяет проследить долгосрочные изменения в развитии обрабатывающей промышленности, обусловленные глобализацией, технологическим прогрессом и рядом других факторов. Для анализа динамики были выбраны 2000, 2010, 2020 и 2024 годы, которые отражают различные этапы экономического развития.

В частности, в работе рассмотрены показатели добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности, её доля в ВВП, темпы годового роста, а также показатели в текущих и постоянных ценах. Для анализа отраслевой структуры использованы данные о распределении добавленной стоимости между основными секторами обрабатывающей промышленности, включая химическую промышленность, производство продуктов питания, напитков и табачных изделий, машиностроение и транспортное оборудование, текстильную и швейную промышленность, а также прочие виды обрабатывающей деятельности. Отдельное внимание уделено показателю добавленной стоимости в средне-высокотехнологичных отраслях как ключевому индикатору, отражающему уровень технологического развития.

В 2000 году лидером по объему добавленной стоимости среди крупнейших стран были США, за ним следовали ЕС, Япония и Германия. Уже к 2010 лидерство перешло к Китаю, его доля выросла примерно на 40%, достигнув около 55,7% в 2024 г., тогда как США, Германия и Япония сохранили значительно меньшие доли.

В 2000–2010 гг. наиболее высокая доля обрабатывающей промышленности в ВВП наблюдалась в индустриально ориентированных экономиках, прежде всего в Китае и Южной Корее, где показатель составлял примерно 25–30%. К 2020–2024 гг. лидерами

оставались Китай, Корея и Германия, тогда как в США доля была ниже (примерно 10–12%).

В 2000–2010 гг. лидерами в средне- и высокотехнологичном производстве были США, Германия и Япония. К 2020–2024 гг. к ним присоединился Китай, который существенно увеличил долю высокотехнологичной промышленности и стал одним из ключевых центров технологического производства.

В 2000 г. ключевыми центрами машиностроения выступали США, Германия и Япония, которые формировали значительную часть мирового производства в данной отрасли. Однако к 2010–2024 гг. лидерство постепенно перешло к Китаю, доля которого среди крупнейших производителей отрасли достигла примерно 30–40%, тогда как Германия, Япония и Республика Корея сохранили важные позиции в мировой структуре машиностроения.

В 2000 г. ведущие позиции в производстве продуктов питания и напитков занимали США и страны Европейского союза, на которые приходилась значительная доля отрасли среди крупнейших экономик. К 2020–2024 гг. структура стала более диверсифицированной: наряду с США заметно усилились позиции Китая и Бразилии, каждая из которых занимала около 10–15% среди крупнейших производителей.

В 2000 г. значительная часть текстильного производства уже была сосредоточена в странах Азии, прежде всего в Китае и Индии. К 2010–2024 гг. лидерство Китая стало ещё более выраженным – его доля среди крупнейших производителей отрасли достигала примерно 40–50%, что связано с высокой экспортной ориентацией и конкурентными преимуществами.

Источники и литература

1. Lavopa A., Ricchio F. Manufacturing-led growth: driving and sustaining economies: Policy Brief Series No 15/United Nations Industrial Development organization (UNIDO). 2024
2. Naude W., Szirmai A. The importance of manufacturing in economic development: past, present, future prospective: UNUMERIT Working Papers No.041/Maastricht Economic and Social Research Institute on Innovation and Technology.

Динамика мужского и женского стилей деловой коммуникации: тренды и перспективы

Бадалян Анна Джониковна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Ереване.

*Направление: «Государственное и муниципальное управление»
Ереван, Армения
E-mail: abadalyan000@gmail.com*

В условиях трансформации системы государственной службы и повышения требований к качеству управленческих решений особую значимость приобретает анализ гендерных аспектов деловой коммуникации. Несмотря на закрепление принципа равных возможностей, в структуре государственного управления сохраняется гендерная асимметрия: при количественном преобладании женщин на должностях государственной службы высшие руководящие позиции по-прежнему преимущественно занимают мужчины. Это свидетельствует о влиянии институциональных барьеров и устойчивых стереотипов, определяющих восприятие лидерства и коммуникативной компетентности.

Мужской и женский стили деловой коммуникации представляют собой социально обусловленные модели поведения, формирующиеся под воздействием организационной культуры и исторически сложившихся представлений о роли руководителя. Гендер в данном контексте выступает не биологической, а социальной категорией, влияющей на распределение ролей, ожиданий и норм профессионального поведения.[2]

Традиционно мужской стиль деловой коммуникации ассоциируется с ориентацией на результат, статус и достижение поставленных целей. Ему свойственны прямота высказываний, структурированность, склонность к иерархии и готовность к принятию решений в условиях неопределённости. Такой стиль часто воспринимается как проявление решительности и управленческой эффективности. Женский стиль, напротив, чаще ориентирован на межличностные отношения, достижение согласия и поддержание благоприятного психологического климата в коллективе. Для него характерны диалогичность, гибкость, эмпатия и использование социально-психологических механизмов влияния.

Вместе с тем различия между стилями носят вероятностный характер и не являются жестко закреплёнными. Существенную роль играет интерпретация коммуникативного поведения через призму гендерных стереотипов. Одни и те же качества могут оцениваться по-разному в зависимости от пола субъекта: решительность мужчины воспринимается как лидерство, тогда как аналогичное поведение женщины может трактоваться как чрезмерная жёсткость; стремление к компромиссу у мужчины оценивается как дипломатичность, а у женщины — как нерешительность. Подобная асимметрия способствует сохранению феномена «стеклянного потолка» и ограничивает возможности карьерного продвижения.

Современный этап развития государственной службы характеризуется размыванием традиционных гендерных ролей и формированием интегративных моделей управления. Возрастает значение эмоционального интеллекта, способности к командной работе, межведомственному взаимодействию и стратегическому мышлению. Всё более востребованным становится андрогинный стиль лидерства, сочетающий

стратегическую настойчивость и рациональность с коммуникативной гибкостью и ориентацией на сотрудничество.

Статистические данные подтверждают изменение общественных представлений о гендерных ролях и особенностях коммуникации. Согласно результатам социологических исследований, среди мужчин чаще встречается сдержанная модель эмоционального реагирования (31% мужчин против 19% женщин), тогда как среди женщин более распространена открытая модель эмоционального взаимодействия (24% против 11% мужчин). За последние годы значительно выросла ценность независимости и самостоятельности женщин — с 13% до 34%. Одновременно увеличилось ожидание заботливости от мужчин — с 22% до 34%. При этом значимость внешней привлекательности женщин снизилась с 34% до 26%, что свидетельствует о постепенном смещении акцента на личностные и профессиональные качества. В общественных ожиданиях по-прежнему сохраняются гендерные различия: от женщин чаще ожидают «хозяйственности» (47%) и «верности» (44%), тогда как к мужчинам предъявляются требования «порядочности» (56%) и «ума» (47%). Кроме того, социологические данные показывают наличие структурного дисбаланса: несмотря на высокий уровень образования женщин (около 48% студентов), их доля среди государственных служащих составляет около 21%, а среди руководителей высшего уровня — около 10%.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что динамика мужского и женского стилей деловой коммуникации в современном обществе характеризуется постепенным размыванием традиционных гендерных границ и формированием более гибких моделей взаимодействия. Эффективность управленческой деятельности всё в большей степени определяется не принадлежностью к определённому гендерному типу, а способностью руководителя адаптировать различные коммуникативные стратегии к конкретным управленческим задачам. В современных условиях особое значение приобретают такие качества, как эмоциональный интеллект, способность к командной работе, стратегическое мышление и умение достигать согласия в процессе принятия решений. В связи с этим перспективы развития деловой коммуникации связаны с преодолением гендерных стереотипов, совершенствованием кадровой политики и формированием инклюзивной организационной культуры, в которой разнообразие коммуникативных стилей рассматривается как важный ресурс повышения эффективности государственного управления.

Источники и литература

1. Коростылева Н. Н. Гендерное распределение в системе государственной гражданской службы // Государственная служба. — 2015. — № 5 (97).
2. Кюрегян М. П. Гендерные особенности коммуникативного поведения в деловом общении // Инновационные и приоритетные направления в преподавании гуманитарных дисциплин в техническом вузе. — 2015. — С. 92–99.
3. Мужчина и женщина: вчера и сегодня: аналитический обзор. — М. : ВЦИОМ, 2025.

4. Носова А. В., Лаврик О. В. Гендерные различия в деловых коммуникациях как социальный аспект принятия управленческих решений // Социально-экономические аспекты принятия управленческих решений. — 2025. — С. 359–367.
5. Селезнева Е. В., Демидов С. А. Женское и мужское в представлениях государственных служащих о современном российском руководителе // Российский социально-гуманитарный журнал. — 2024. — № 1.
6. Эмоциональный тонометр: новый инструмент измерения психологического состояния общества : аналитический обзор. — М. : ВЦИОМ, 2026.

Перспективы торгово-экономического взаимодействия России и Индии на современном этапе

Геворгян Геворг Артурович

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Экономика»

Ереван, Армения

E-mail: gevorg_gevorgyan2004@mail.ru

В условиях глобальной трансформации мирохозяйственных связей и усиления геополитической напряженности происходит масштабная переориентация внешнеэкономических векторов России. Особое значение приобретает сотрудничество в рамках объединения БРИКС, которое выступает альтернативной моделью многополярного взаимодействия. На этом фоне стратегическое партнерство России и Индии становится фундаментом для формирования новой архитектуры безопасности и экономического роста в Евразийском регионе [3]. Необходимость поиска новых механизмов расчетов, логистических маршрутов и диверсификации инвестиционных потоков определяет актуальность данного исследования.

Целью работы является комплексный анализ механизмов и динамики торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия России и Индии в рамках БРИКС для определения перспектив укрепления их экономических позиций.

В ходе исследования были изучены теоретические аспекты инвестиций как ключевого фактора модернизации экономики [1] и проведен комплексный анализ российско-индийского стратегического партнерства в условиях глобальной

трансформации рынков. Работа выявила беспрецедентный рост товарооборота и укрепление институциональной базы сотрудничества, при этом обозначив необходимость преодоления товарного дисбаланса, связанного с доминированием сырьевого экспорта из России. Приоритетными векторами развития взаимодействия являются создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и Индией [2], а также реализация логистического потенциала коридора «Север–Юг». Итогом работы стал вывод о том, что качественный переход к устойчивому росту возможен лишь через трансформацию торговых отношений в глубокую промышленную кооперацию и реализацию совместных высокотехнологичных инвестиционных проектов.

Исследование доказывает, что переход от сырьевой торговли к технологической кооперации в рамках ЗСТ ЕАЭС–Индия и коридора «Север–Юг» является залогом устойчивого развития двустороннего стратегического партнерства. [4]

Источники и литература

1. Редькина А.С., Круг Э.А., Торгово-экономические взаимосвязи стран ЕАЭС // Национальные приоритеты России. 2024. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovo-ekonomicheskie-vzaimosvyazi-stran-eaes>
2. Высший Евразийский экономический совет. О начале переговоров с Республикой Индией о заключении соглашения о зоне свободной торговли: решение № 14: принято в г. Санкт-Петербурге 26 декабря 2016 года // Официальный сайт Евразийского экономического союза. – URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/c2c/owmldg4jajschbirbemkwhsx7c2u9s34/sc_d_11042017_14_doc.pdf
3. Совместное заявление по итогам XXII российско-индийского ежегодного саммита «Россия-Индия: прочное и расширяющееся партнерство». -Текст: электронный // Официальный сайт Президента России: [сайт]. -URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6168>
4. Экономисты оценили пользу для РФ от либерализации торговли ЕАЭС с Индией [Электронный ресурс] // ПРАЙМ: агентство экономической информации. – 2024. – 14 авг. – URL: <https://1prime.ru/20240814/polza-850882380.html>

Влияние цифровых валют центральных банков (CBDC) на доверие к денежной системе

Казарян Артур Ромикович

Студент (бакалавриат)

*Российско-Армянский университет, факультет экономики и финансов
Ереван, Армения*

E-mail: kazaryanartur686@gmail.com

Цифровые валюты центральных банков (CBDC) представляют закономерный этап эволюции денежной системы, выступая государственным ответом на вызовы криптовалют, стейблкоинов и стремительного роста безналичных платежей. Ключевой вопрос — влияет ли их внедрение на доверие населения к денежной системе — остаётся дискуссионным в экономической литературе [6, 10].

В отличие от необеспеченных криптоактивов, CBDC является прямым обязательством государства, обеспеченным центральным банком и подлежащим программированию. Предпочтительной считается двухуровневая архитектура: эмиссия осуществляется центральным банком, а обслуживание — коммерческими банками и платёжными провайдерами. Такая модель сохраняет роль финансового сектора, защищает приватность данных и минимизирует риск дезинтермедиации [6, 10].

Сравнительный анализ пяти юрисдикций выявляет общие закономерности. В Китае e-CNY сочетает централизованную эмиссию с распределённой экосистемой банков, фокусируясь на офлайн-платежах и финансовой инклюзии [16, 17]. В ОАЭ цифровой дирхам интегрирован в проект mBridge для трансграничных расчётов [8, 11]. ФРС США остаётся на исследовательской стадии [9, 14]. ЕЦБ акцентирует конфиденциальность и бесплатность розничных операций [12, 13]. Россия с августа 2023 года тестирует цифровой рубль по модели D, позиционируя его как третью форму национальной валюты [1, 2].

Эмпирический анализ данных Банка России за 2018–2025 гг. показывает, что денежная масса M2 выросла почти втрое, депозиты населения — в 2–2,5 раза, доля валютных вкладов сократилась. Пилотирование цифрового рубля не спровоцировало оттока средств из банковской системы и не нарушило структуру денежной массы [3, 4].

Индекс потребительского доверия (CCI, OECD) в России оставался стабильным в диапазоне 98–100,5 пунктов после запуска пилота в 2023 году [15]. В Китае снижение CCI с 104 до 94–95 пунктов совпало с макроэкономическими шоками — замедлением роста и кризисом недвижимости — и не было напрямую вызвано e-CNY [6]. Данные ВЦИОМ фиксируют неоднозначное, но не негативное восприятие цифрового рубля населением России [5].

Таким образом, внедрение CBDC в краткосрочном периоде не снижает доверие к денежной системе. При соблюдении принципов грамотного дизайна — двухуровневой модели, защиты приватности, фокуса на платёжной функции — CBDC укрепляет устойчивость денежной системы, повышает эффективность расчётов и снижает риски доминирования частных цифровых активов [6, 10]. Долгосрочные эффекты определяются макроэкономической стабильностью и степенью защиты прав пользователей.

Источники и литература

1. Банк России. Концепция цифрового рубля. 2021. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf
2. Банк России. Цифровой рубль. URL: <https://www.cbr.ru/fintech/dr/>

3. Банк России. Официальные данные по денежным агрегатам (M2) за 2018–2025 гг. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/>
4. Грищенко В.О. Цифровой рубль и его влияние на денежно-кредитную политику. Банк России, 2024.
5. ВЦИОМ. Цифровой рубль на пороге: в поисках преимуществ и недостатков. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-rubl-na-poroge-v-poiskakh-preimushchestv-i-nedostatkov>
6. Auer R., Frost J., Gambacorta L., Monnet C., Rice T., Shin H.S. Central bank digital currencies: motives, economic implications and the research frontier // BIS Working Papers. 2021. № 976. URL: <https://www.bis.org/publ/work976.htm>
7. A Survey of Research on Retail Central Bank Digital Currency // IMF Fintech Notes. 2020. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fintech-notes/Issues/2020/06/26/A-Survey-of-Research-on-Retail-Central-Bank-Digital-Currency-49517>
8. BIS Innovation Hub. Project mBridge. URL: https://www.bis.org/about/bisih/topics/cbdc/mcbdc_bridge.htm
9. Board of Governors of the Federal Reserve System. Money and Payments: The U.S. Dollar in the Digital Age. 2022. URL: <https://www.federalreserve.gov/publications/files/money-and-payments-20220120.pdf>
10. Central Bank Digital Currency — Initial Considerations // IMF Policy Papers. 2023. Vol. 2023. Issue 048. URL: <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/007/2023/048/article-A001-en.xml>
11. Central Bank of the UAE. Digital Dirham — A Primer on the UAE's CBDC. 2025. URL: https://www.centralbank.ae/media/lczb2314/cbdc-short-report_july.pdf
12. European Central Bank. Preparation phase of a digital euro — Closing report. 2025. URL: https://www.ecb.europa.eu/euro/digital_euro/progress/html/ecb.deprp202510.en.html
13. European Central Bank. Report on a digital euro. 2020. URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/Report_on_a_digital_euro~4d7268b458.en.pdf
14. Federal Reserve Bank of Boston. Project Hamilton Phase 1 Executive Summary. URL: <https://www.bostonfed.org/publications/one-time-pubs/project-hamilton-phase-1-executive-summary.aspx>
15. OECD. Consumer Confidence Index (CCI). URL: <https://www.oecd.org/en/data/indicators/consumer-confidence-index-cci.html>
16. People's Bank of China. Progress of Research & Development of E-CNY in China. 2021. URL: <https://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021072014364791207.pdf>
17. People's Bank of China. Working Paper on E-CNY. 2021. URL: <https://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021071614584691871.pdf>

Перспективы привлечения прямых иностранных инвестиций в Армению

Кочарян Гаяне Арменовна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета

имени М.В. Ломоносова в г. Ереване

Ереван, Армения

E-mail: gqocharyan.04@mail.ru

В условиях глобализации прямые иностранные инвестиции (ПИИ) играют важную роль в экономическом развитии стран, особенно небольших открытых экономик [1]. Для Республики Армения привлечение иностранных инвестиций имеет особое значение, поскольку внутренние источники капитала ограничены, а устойчивый экономический рост во многом зависит от внешних финансовых ресурсов, передачи технологий и управленческого опыта [2]. Несмотря на предпринимаемые государством меры по улучшению инвестиционного климата, уровень притока прямых иностранных инвестиций в страну остается нестабильным и не соответствует существующему экономическому потенциалу [2]. В связи с этим возникает проблема выявления факторов, сдерживающих инвестиционную активность, а также определения направлений повышения инвестиционной привлекательности экономики Армении.

Целью данной работы является анализ современного состояния и динамики ПИИ в Республике Армения, выявление основных институциональных и экономических факторов, влияющих на их привлечение, а также определение перспективных направлений увеличения притока ПИИ.

Методологической основой исследования являются методы статистического анализа, сравнительного анализа и анализа институциональной среды. В рамках исследования проведен анализ динамики прямых иностранных инвестиций в экономику Армении за период с 2002 по 2024 год, а также рассмотрены структурные особенности распределения инвестиций по основным секторам экономики [3].

Результаты проведенного анализа показывают, что в долгосрочной перспективе приток ПИИ в экономику Армении сохраняет положительную динамику [2]. За рассматриваемый период общий объем накопленных ПИИ составил около 7,5 млрд долларов США, что свидетельствует о сохраняющемся интересе иностранных инвесторов к экономике страны [2]. Однако динамика инвестиций характеризуется значительной волатильностью и зависимостью от внешнеэкономических и политических факторов [3].

Анализ позволил выявить ряд ключевых проблем, сдерживающих приток иностранных инвестиций в экономику Армении. К ним относятся недостаточный уровень институционального развития, сохраняющиеся коррупционные риски, ограниченность внутреннего рынка, а также недостаточная защита прав инвесторов [1]. Дополнительными факторами выступают географическая изолированность страны,

отсутствие выхода к морю, а также недостаточно развитая транспортная и инвестиционная инфраструктура [3]. Совокупность этих факторов снижает инвестиционную привлекательность страны и увеличивает риски для потенциальных инвесторов.

В ходе исследования также были определены наиболее перспективные направления привлечения прямых иностранных инвестиций в экономику Армении. Значительным потенциалом обладает энергетический сектор, включая развитие атомной энергетики и внедрение малых модульных реакторов, что может способствовать модернизации энергетической системы и привлечению крупных международных инвестиций. Перспективными направлениями также являются развитие транспортной инфраструктуры, технологического сектора и промышленного производства, которые способны повысить конкурентоспособность экономики и стимулировать инновационное развитие [2].

Отдельное внимание уделено роли армянской диаспоры как потенциального источника инвестиций. Активизация инвестиционного сотрудничества с диаспорой может способствовать притоку капитала, развитию предпринимательства и укреплению международных экономических связей страны [3].

Научный результат исследования заключается в систематизации основных экономических и институциональных факторов, ограничивающих приток прямых иностранных инвестиций в Республику Армения, а также в выявлении приоритетных направлений инвестиционного развития, способных повысить инвестиционную привлекательность страны и обеспечить устойчивый экономический рост в долгосрочной перспективе.

Источники и литература

1. Драпкин И.М., Мариев О.С., Галенкова А.Д. Институциональные факторы активизации привлечения прямых иностранных инвестиций в экономику развивающихся стран // Экономика региона. - 2019. - №3. - С. 952-966.
2. Мелконян Г.А. Тенденции привлечения иностранных инвестиций в экономику Республики Армения // Регион и мир. - 2022. - №1. - С. 146–150.
3. Саркисян Р.А. Армения как реципиент прямых иностранных инвестиций: современные тенденции // Вестник РУДН, серия Экономика. - 2016. - №2. - С. 18-22.

Вьетнам как перспективный рынок для Российского СПГ

Лоханова Ксения Дмитриевна

Студент (бакалавриат)

Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, факультет международного энергетического бизнеса

Москва, Россия

E-mail: lohanova0107@mail.ru

В условиях переориентации российского топливно-энергетического комплекса на новые рынки Азиатско-Тихоокеанского региона особое значение приобретает поиск и оценка перспективных стран-импортеров. Вьетнам демонстрирует устойчивый экономический рост, что ведет к значительному увеличению спроса на энергоресурсы. При этом собственное производство природного газа в стране стагнирует [1], а угольная генерация сталкивается с экологическими ограничениями, создавая устойчивый дефицит энергии. Это открывает значительные возможности для экспорта российского СПГ, который обладает конкурентными преимуществами.

В целом можно сказать, что последние годы наблюдается устойчивое развитие рынка СПГ. Это выражается в следующих фактах:

1. Рост производственных мощностей СПГ в мире.[2]
2. Развитие транспортной составляющей мирового рынка СПГ.
3. Положительная динамика уровня производства и потребления СПГ в мире.

В последние годы Вьетнам демонстрирует высокие темпы экономического развития, что обуславливает значительное увеличение спроса на энергоресурсы. Для устойчивого развития Вьетнама крайне важно, чтобы страна, являющаяся одной из самых быстрорастущих экономик в Юго-Восточной Азии, смогла устранить зависимость между экономическим ростом и потреблением энергии и создать более устойчивую энергетическую систему.

Таким образом, Вьетнам представляет собой высокоперспективный и стратегически важный рынок для сбыта российского СПГ в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Источники и литература

1. Energy Institute – Statistical Review Of World Energy – 2025. - №74
2. GIIGNL Annual Report - 2024

Проблемы и перспективы расширения БРИКС: статистический и институциональный анализ

Манукян Мане Севаковна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Экономика»

Ереван, Армения

E-mail: mane.7.manukyan@mail.ru

В условиях трансформации мировой экономической системы и усиления роли стран Глобального Юга особую актуальность приобретает исследование процессов международной интеграции вне традиционных западных центров силы. Одним из ключевых альтернативных объединений выступает БРИКС, объединяющий крупнейшие развивающиеся экономики и демонстрирующий устойчивый рост совокупного экономического потенциала.[3] Расширение объединения в 2024 году и формирование формата «БРИКС+» обусловили необходимость комплексного анализа его структуры, внутренней неоднородности и перспектив дальнейшего институционального развития.

Целью исследования является проведение социально-экономического и статистического анализа текущего состояния и перспектив расширения БРИКС на основе показателя валового внутреннего продукта по паритету покупательной способности (ВВП по ППС). В рамках работы поставлены следующие задачи:

1. рассмотреть теоретико-методологические основы международной экономической интеграции; [1]
2. проанализировать эволюцию формата БРИКС до и после расширения;
3. провести вариационный и концентрационный анализ стран-участниц и стран-кандидатов;
4. определить ключевые вызовы и возможные сценарии развития объединения до 2025 года.

Теоретической базой исследования послужили концепции международной интеграции, разработанные Б. Балашей, Я. Тинбергеном и Дж. Винером, а также современные институциональные и геоэкономические подходы.[2] В работе использованы труды Оливера Штюнкеля, в частности работа «The BRICS and the Future of Global Order», посвящённая роли БРИКС в формировании постзападного мирового порядка. Информационной базой послужили данные Всемирного банка и международных статистических источников за 2023–2024 гг.

В ходе статистического анализа была сформирована выборка, включающая страны-члены БРИКС и государства-кандидаты на вступление. Применялись методы

группировки, ранжирования, расчёта коэффициента вариации, индекса концентрации Херфиндаля–Хиршмана и коэффициента Джини. Результаты показали высокую степень экономической дифференциации внутри объединения: коэффициент вариации составил 168,3%, индекс Джини – 0,6, что свидетельствует о значительной асимметрии экономического потенциала. Существенная часть совокупного ВВП по ППС сосредоточена в двух крупнейших экономиках – Китае и Индии, что формирует риски дисбаланса при дальнейшем расширении.[3]

Одновременно расширение объединения за счёт стран Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки усиливает его геоэкономический вес, способствует формированию энергетического и финансового альянса и расширяет влияние в глобальном управлении. Однако отсутствие наднациональных институтов, различия в экономических моделях и политических интересах участников создают институциональные ограничения для углубления интеграции.[2]

В результате исследования сделан вывод о том, что расширение БРИКС открывает возможности для усиления роли объединения как альтернативного центра экономической силы, однако его долгосрочная устойчивость будет зависеть от способности стран-участниц к институционализации сотрудничества, балансировке внутренних диспропорций и формированию согласованной стратегии развития. Наиболее вероятным сценарием в краткосрочной перспективе является сохранение формата «широкой диалоговой платформы» с постепенным укреплением финансовых и инфраструктурных механизмов взаимодействия.

Источники и литература

1. Балаша Б. Теория экономической интеграции. — М.: Прогресс, 1973.
2. Робсон П. Экономика международной интеграции. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
3. Яковец Ю.В. БРИКС: глобальное измерение и перспективы развития. — М.: Институт экономических стратегий, 2018.

Малые открытые экономики в эпоху глобальной трансформации: переосмысление внешнеэкономической политики в рамках новой геоэкономической архитектуры XXI века

Мнацакян Вилен Рафаелович

Аспирант

Российско-Армянский университет, кафедра «Экономики и Финансов»

Ереван, Армения

E-mail: mnatsakanyanvilen@gmail.com

Современная мировая экономика вступила в период глубокой геоэкономической перестройки. Усиление конкуренции между ключевыми центрами силы, рост протекционизма, фрагментация торговых режимов и нестабильность глобальных цепочек поставок формируют новую геоэкономическую архитектуру XXI века. В этих условиях внешнеэкономическая политика государств претерпевает фундаментальную трансформацию, отражающую отказ от универсальной модели «либерализации и глобализации» и переход к гибридным стратегическим подходам, где приоритетом становится экономическая устойчивость, защитные механизмы и диверсификация международных связей. Согласно исследованиям в области геоэкономики, новая архитектура мирового порядка характеризуется размыванием границ между внутренней и внешней экономической политикой, а также возрастанием роли государства в регулировании трансграничных экономических потоков [1]. Геоэкономические инструменты становятся составной частью политического давления, конкурентной борьбы и стратегического позиционирования государств в условиях многополярности. Одним из ключевых факторов трансформации является рост тарифных и нетарифных ограничений, который наблюдается на протяжении последнего десятилетия. Усиление тарифных мер вынуждает государства пересматривать внешнеэкономическую стратегию, вводя систему субсидий для отечественных компаний, стимулируя локализацию производства, поддерживая экспорт и снижая зависимость от внешних рынков. Эта политика способствует укреплению национальных производственных цепочек и повышению устойчивости экономики в условиях внешних шоков. Другим значимым фактором, требующим пересмотра экономических стратегий, становится непрерывное сокращение объемов прямых иностранных инвестиций (FDI). Согласно отчету Всемирного банка за 2025 год, глобальные притоки FDI снизились до минимальных уровней почти за два десятилетия, а удельный вес инвестиций в странах с формирующимися рынками и развивающихся экономиках упал более чем вдвое по сравнению с докризисным периодом [2]. Эта тенденция оказывает длительное давление на рынки труда, технологическое развитие и структуру капитала, особенно в странах, традиционно зависимых от притока внешних инвестиций. В ответ на сокращение внешнего финансирования правительства усиливают акцент на стимулировании национальных инвесторов и развитии внутренней деловой среды. Это включает налоговые послабления, инвестиционные льготы, создание «мягких» институтов, программы кредитования и ускорение цифровизации регулирования. Во многих странах наблюдается переход к стратегиям, ориентированным на локальных инвесторов и малый и средний бизнес, как на ключевой фактор устойчивого экономического роста. Одновременно государства расширяют стратегии внешнеэкономической диверсификации, стремясь минимизировать зависимость от отдельных рынков, торговых коридоров и политически чувствительных партнеров. Диверсификация становится центральным элементом политики экономической безопасности, позволяя адаптироваться к растущей геополитической неопределенности, новым санкционным режимам и тенденциям к регионализации мировой экономики. Важнейшим

инструментом в новых условиях становится развитие государственно-частного партнерства (ГЧП), которое компенсирует недостаток внешнего капитала и одновременно усиливает участие частного сектора в создании инфраструктуры и реализации долгосрочных проектов. Мировые тренды показывают, что ГЧП становится ключевым механизмом реализации стратегических инициатив, особенно в сферах транспорта, энергетики, цифровой инфраструктуры и городской среды [3]. Тем самым трансформация внешнеэкономической политики государств становится не реактивным, а стратегическим процессом, направленным на повышение устойчивости, конкурентоспособности и адаптивности экономических систем. Новая геоэкономическая архитектура требует от государств формировать многокомпонентные стратегии, сочетающие элементы протекционизма, поддержки внутреннего бизнеса, инновационной инвестиционной политики и активного участия в региональных интеграционных процессах. В условиях нарастающей фрагментации мировой экономики эффективность внешнеэкономической политики определяется способностью государства одновременно поддерживать национальные интересы, обеспечивать стабильность внешнеэкономических потоков и адаптировать экономику к новым глобальным условиям. Геоэкономическая трансформация XXI века формирует новые правила игры, где ключевыми факторами успеха становятся гибкость, диверсификация и институциональная устойчивость.

Источники и литература

1. Milan Babic, Adam D. Dixon, and Imogen T. Liu, “Goeconomics in a Changing Global Order”, Roskilde University, 2022. URL: https://rucforsk.ruc.dk/ws/portalfiles/portal/84978029/Goeconomics_in_a_changing_global_order.pdf
2. Amat Adarov and Hayley Pallan, “Foreign Direct Investment in Retreat: Policies to Turn the Tide”, World Bank, 2025. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/7c3cf4fc-7fea-4e17-9d52-0aa7ed15fd15/content>
3. UNCTAD, “International investment in sustainable infrastructure: The role of public-private partnerships”, 2025. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diae2025d6_en.pdf

Стратегические направления развития сектора информационных технологий в экономике Армении

Овсепян Виктория Мартиковна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Экономика»

Ереван, Армения

E-mail: viktoriyaovsepyan@inbox.ru

В условиях цифровой трансформации мировой экономики ИТ-сектор всё в большей степени выступает не только как самостоятельная отрасль, но и как один из ключевых факторов экономического роста, повышения производительности и формирования экспортного потенциала страны [2; 3]. Для Республики Армения данный вопрос имеет особую значимость, поскольку в условиях ограниченности природно-ресурсной базы и небольшого внутреннего рынка именно развитие знаний, человеческого капитала и технологичных услуг может стать одной из важнейших опор долгосрочного роста. Однако наличие положительной динамики ИТ-сектора ещё не означает, что в стране сформирована устойчивая модель его стратегического развития. Сохраняется неопределённость в отношении того, насколько существующий рост обеспечен внутренними институциональными, кадровыми и структурными условиями и способен ли он трансформироваться в долгосрочное конкурентное преимущество экономики. В связи с этим возникает исследовательский вопрос: какие ограничения сдерживают дальнейшее развитие ИТ-сектора Армении и какие стратегические направления могут обеспечить наиболее значимый экономический эффект?

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе анализа теоретических подходов, текущей динамики, институциональной среды и международного опыта обосновать стратегические направления развития ИТ-сектора Республики Армения и выявить ключевые ограничения, сдерживающие реализацию его долгосрочного потенциала.

В исследовании используются методы статистического, структурного и сравнительного анализа, элементы SWOT-подхода, а также анализ стратегических и институциональных документов. Эмпирическую базу составляют данные Армстата, показатели внешней торговли услугами и материалы о действующих мерах государственной поддержки высокотехнологичной сферы. Для определения возможных направлений развития дополнительно используется сравнительный подход с опорой на зарубежный опыт формирования и реализации ИТ-стратегий [2; 3].

Официальные данные показывают, что в 2024 г. сектор Information and communication в Армении продолжил быстрый рост. Объём услуг по данному виду деятельности увеличился с 327 592,5 млн драмов в 2021 г. до 706 077,5 млн драмов в

2024 г., то есть более чем в 2,1 раза, а валовая добавленная стоимость — с 258 844,8 млн до 557 367,8 млн драмов [4; 5]. Существенно вырос и внешний контур сектора: экспорт по статье *telecommunications, computer, and information services* достиг 1 180,57 млн долл. США в 2024 г. против 328,45 млн долл. в 2020 г., а положительное сальдо увеличилось до 1 074,27 млн долл. [1]. На первый взгляд, эти показатели позволяют говорить о заметном укреплении роли цифрового сегмента в экономике страны.

Однако отражают ли высокие темпы роста действительно устойчивое и сбалансированное развитие сектора? Официальная статистика показывает, что в 2024 г. на Ереван приходилось 659 360,0 млн драмов из 706 077,5 млн драмов общего объёма услуг по виду *Information and communication*, то есть около 93,4% республиканского показателя [5]. Это означает, что за впечатляющей динамикой скрывается выраженная территориальная концентрация, а высокая роль экспорта одновременно усиливает зависимость сектора от внешнего спроса [1]. Следовательно, ключевая задача состоит уже не только в поддержании роста, но и в том, чтобы превратить его в более устойчивую, диверсифицированную и внутренне сбалансированную модель развития.

Таким образом, будущее значение ИТ-сектора Армении определяется не только масштабами его роста, но прежде всего тем, сможет ли он стать опорой более глубокой экономической модернизации страны. Речь идёт уже не просто о расширении отрасли, а о превращении её в источник устойчивых технологических, экспортных и структурных преимуществ. Именно в этом состоит его ключевая роль в формировании новой модели долгосрочного развития армянской экономики.

Источники и литература

1. Внешнеэкономическая деятельность [Электронный ресурс] // Статистический ежегодник Армении, 2025 / Статистический комитет Республики Армения (Армстат): официальный сайт. – URL: <https://armstat.am/file/doc/99563728.pdf> (дата обращения: 06.03.2026).
2. Going Digital: Shaping Policies, Improving Lives [Электронный ресурс] // OECD: официальный сайт. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2019/03/going-digital-shaping-policies-improving-lives_g1g9f091/9789264312012-en.pdf (дата обращения: 06.03.2026).
3. OECD Digital Economy Outlook 2024. Vol. 1: Embracing the Technology Frontier [Электронный ресурс] // OECD: официальный сайт. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/05/oecd-digital-economy-outlook-2024-volume-1_d30a04c9/a1689dc5-en.pdf (дата обращения: 06.03.2026).
4. System of National Accounts [Электронный ресурс] // Statistical Yearbook of Armenia, 2025 / Statistical Committee of the Republic of Armenia (Armstat): официальный сайт. – URL: <https://armstat.am/file/doc/99563683.pdf> (дата обращения: 06.03.2026).

5. Yerevan Capital of the Republic of Armenia in Figures, 2025 [Электронный ресурс] // Статистический комитет Республики Армения (Армстат): официальный сайт. – URL: <https://armstat.am/file/doc/99564358.pdf> (дата обращения: 06.03.2026).

Продвижение китайской инициативы «Пояс и Путь» в странах Южного Кавказа

Плузян Асмик Айковна
Студент (бакалавриат)

*Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Ереване
Направление: «Экономика»
Ереван, Армения
E-mail: hasmikpluzyan@gmail.com*

Инициатива «Пояс и путь» (ИПП), выдвинутая Китайской Народной Республикой в 2013 г., является одним из крупнейших международных проектов XXI века. Инициатива включает в себя два направления: «Экономический пояс Шёлкового пути», соединяющий Китай со странами Юго-Восточной Азии, Южной Азии, Центральной Азии, Россией и Европой, а также «Морской шёлковый путь XXI века» — маршрут, связывающий прибрежные регионы Китая с Юго-Восточной и Южной Азией, южной частью Тихого океана, Ближним Востоком и Восточной Африкой и Европой. Инициатива включает пять ключевых приоритетов: координацию политики, инфраструктурную связанность, беспрепятственную торговлю, финансовую интеграцию и гуманитарное взаимодействие [1].

К настоящему времени к инициативе присоединились более 150 государств, а совокупный объём инвестиций, по оценкам 2025 г., достиг 1,399 трлн долл. США [2].

Южный Кавказ представляет особый интерес для инициативы, благодаря своему транзитному положению между Европой и Азией. Регион расположен на пересечении транспортных коридоров «Восток — Запад» и «Север — Юг». Кавказ исторически был связующим звеном между регионами Чёрного и Каспийского морей, а следовательно, между Европой и Азией, а также между Северной Европой, Россией и Ближним Востоком [3; 15]. Так регион обеспечивает альтернативные маршруты между Востоком и Западом

Цель данного исследования — определить характер продвижения ИПП в странах Южного Кавказа, выявить различия в масштабах их торгово-инвестиционной

связанности с Китаем, оценить степень участия в инфраструктурных проектах и определить возможности дальнейшей интеграции стран региона в инициативу.

Методологическая база исследования основана на данных международной и национальной статистики. Для анализа использованы базы данных UN Comtrade, Всемирного банка, а также официальная статистика Китайской Народной Республики, включая материалы Министерства коммерции КНР.

В исследовании используются методы анализа внешнеторговой статистики (динамика товарооборота, темпы роста, доля Китая во внешней торговле стран региона, индекс инвестиционной активности), структурный анализ (концентрация товарных групп) и анализ инвестиционных потоков. На основе рассчитанных показателей формируется сравнительная оценка стран по торговой интенсивности, структурной зависимости и инвестиционной глубине участия.

Результаты проведённого анализа позволяют сделать ряд выводов. Несмотря на раннее присоединение стран к инициативе «Пояс и путь», уровень их экономического сотрудничества с Китаем остаётся ограниченным, что особенно проявляется в случае Армении. Одним из ключевых сдерживающих факторов является структура внешней торговли Армении, характеризующаяся узкой экспортной базой и наличием транспортно-логистических ограничений, что снижает потенциал расширения торговых потоков. Инвестиционное взаимодействие между странами также носит ограниченный характер и реализуется преимущественно через отдельные инфраструктурные, энергетические и социальные проекты. Существенное влияние на развитие сотрудничества оказывают геополитические факторы, включая армяно-азербайджанский конфликт, последствия Карабахской войны и закрытые границы, что ограничивает транспортную связанность Армении и затрудняет её участие в региональных экономических коридорах. В этих условиях дальнейшее развитие армяно-китайских экономических отношений будет зависеть как от реализации новых транспортных проектов, включая возможное открытие региональных коридоров, так и от изменения общей геополитической ситуации, в том числе связанных с ней рисков для региональной безопасности и стабильности.

Источники и литература

1. Belt and Road Portal. What is the BRI? – 26.06.2023. – URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/0N4P7CF0.html> (дата обращения: 07.03.2026).
2. Nedopil C., Wang C. China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2025. – Green Finance & Development Center, 2026. – URL: <https://greenfdc.org/china-belt-and-road-initiative-bri-investment-report-2025/> (дата обращения: 07.03.2026).
3. Cornell S. E., Starr S. F., Tsereteli M. A Western Strategy for the South Caucasus. – Washington, DC; Stockholm: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2015. – URL: <https://silkroadstudies.org/resources/pdf/publications/1502Strategy.pdf> (дата обращения: 07.03.2026).

Современное состояние внешнеторговых потоков Армении

Согоян Гарник Терентович

Студент (бакалавриат)

Российско-Армянский (Славянский) университет

экономический факультет

Ереван, Армения

E-mail: garniksog@yandex.ru

В экономике Армении внешняя торговля имеет большое значение, так как страна имеет очень небольшие запасы природных ресурсов и небольшой внутренний рынок. Именно поэтому экспорт и импорт помогают Армении интегрироваться в мировую экономику. Именно внешняя торговля страны определяет уровень конкурентоспособности отечественных производителей и создает возможности для развития высокотехнологичного производства [3]. Также особое значение торговля имеет для развивающихся экономик, ведь именно за счет нее страна может восполнять недостающие внутренней экономике ресурсы и перенаправлять их для дальнейшего развития [6].

В Армении экспорт является неотъемлемой частью экономики, и за период с 2005 по 2024 год его структура сильно изменилась. Например, на экспортном поле Армении появились Объединенные Арабские Эмираты: если на протяжении десятилетий лидирующее место занимала Россия, то, согласно данным Международного торгового центра, в 2024 году ОАЭ вышли на первое место в списке лидеров по экспорту из Армении, закупая в основном золото и драгоценные камни. Также следует отметить и Россию, доля которой в экспорте из Армении за последние пару лет сократилась почти вдвое [1]. В то же время Китай и Гонконг демонстрируют стабильные показатели по импорту золота из Армении. Стоит подчеркнуть, что Гонконг включился в этот процесс позже, однако уже успел войти в пятерку лидеров. Импорт в Армению в основном обеспечивает Россия, занимающая лидирующее место уже на протяжении двух десятилетий [1]. Китай и Вьетнам занимают вторую и третью строчки, находясь в том же сегменте поставщиков товаров для Армении. Также наблюдается реэкспорт во Вьетнам, ведь Армения начала активно импортировать товары оттуда лишь в 2022 году. Все вышеперечисленное можно подтвердить, если внимательно изучить показатели внешней торговли страны. Рассчитанная нами экспортная квота страны за последние 15 лет выросла на более чем 50% и составляет 84%, тогда как импортная квота за последние 15 лет довольно сильно колебалась и на момент 2024 года составляет 167%. Из этого можно понять, что экономика улучшила торговые связи, стала более открытой, страна активнее участвует в международной экономике [2]. Таким образом, можно сделать вывод, что как в экспорте, так и в импорте Армения сильно зависима от нескольких ключевых рынков. Кроме того, в последние годы наблюдается тенденция к более активной торговле со странами Ближнего Востока, нежели со странами ЕС [2]. Исследуя

товарную структуру нескольких ведущих стран в экспорте и импорте за 2024 год, можно заметить, что Армения импортозависима. Ограниченность внутреннего рынка и нехватка собственных природных ресурсов не позволяют стране удовлетворять внутренний спрос, опираясь исключительно на собственную ресурсную базу. Известные теоретики торговли утверждают, что национальная экономика не может быть неконкурентоспособной в целом, вопреки частым заявлениям многих политиков, поскольку страна должна обладать сравнительным преимуществом в каком-либо секторе в соответствии с принципом Рикардо [4]. Также Армения сильно зависима от импорта золота и драгоценных камней, которые она благополучно экспортирует в Китай, Гонконг и ОАЭ, при этом импортируя у них технику, которую в будущем она отправит в Россию, этим поддерживая торговые отношения с ними. Можно сказать, что торговые отношения Армении напрямую зависят от нескольких стран, с которыми она ведет цикличную торговлю, при этом грамотно дифференцируя ресурсы между этими странами [5]. В период с 2014 – 2024г можно увидеть, что Армения сократила импорт в сфере продовольственных товаров и животных, но при этом увеличила объем импорта технологий, золота и драгоценных камней. В целом за последние десять лет в импорте страны прослеживается явная смена приоритетов в снабжении внутреннего рынка. Экспорт же за это время вырос сначала за счет таких товаров, как медь, табак, руда и алкоголь, а затем – за счет поставок золота и драгоценных камней на крупнейшие рынки, прежде всего в ОАЭ (основное направление), Россию и Китай. Также через Армению реэкспортируется значительный объем высокотехнологичных товаров, которые на данный момент занимают второе место в структуре экспорта страны.

В результате проведенного исследования было выявлено, что основной характеристикой внешней торговли Армении является стабильно отрицательное торговое сальдо. Основными торговыми партнерами в сфере экспорта и импорта выступают Россия, Китай, ОАЭ, Гонконг, Вьетнам. Основными товарами в экспорте являются сельскохозяйственная продукция, драгоценные руды и товары пищевой промышленности. Таким образом, Армении необходимо развивать производство и экспорт продукции с более высокой добавленной стоимостью (высокотехнологичных товаров). Также в структуре торговли присутствует значительная доля высокотехнологичного реэкспорта.

Источники и литература

1. Изотов Д. А. Влияние внешнеэкономической деятельности на экономический рост регионов России // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, вып. 4. — С. 1450-1462
2. Гичиев Н. С. Сакариева М. Н. Гичиев А. Н. Влияние внешней торговли на экономический рост: теоретический и методологический аспект. 2019.
3. Энгеман К. М. Зачем страны торгуют: преимущества и риски.: Federal Reserve Bank of ST. Louis. 2024.
4. Parrinello. S. National competitiveness and absolute advantage in a global economy. 2006.

5. Parteka, A. Tamberi, M. Product diversification, relative specialisation and economic development: import-export analysis. 2013.
6. <https://www.uschamber.com/> The Benefits of International Trade. 2021.

Зеленая экономика как инструмент глобальной экономической конкуренции

Хлгатын Эдмон Самвелович

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М. В.

Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Экономика»

Ереван, Армения

E-mail: 24rogin@gmail.com.

4 ноября 2016 года вступило в силу Парижское соглашение по климату, которое по сей день влияет на структуру глобальных инвестиций [4]. В данной статье ставится под сомнение эффективность этого соглашения; утверждается, что его фактические цели не соответствуют тем, что были заявлены де-юре. Вторичной целью является демонстрация того, как экономист может объяснять события в сфере политики и международных отношений (например, доказывая, что отмена рабства имела под собой глубокие экономические причины). В ходе подготовки исследования был проведён междисциплинарный анализ научных публикаций, охватывающий не только экономику, но также астрономию и химию. Только обладая знаниями из разных сфер в комбинации с экономикой как наукой, можно прийти к неожиданным и интересным выводам или открытиям.

Статья начинается с изложения основ Парижского соглашения. Какую проблему оно ставит и какое решение предлагает? Если кратко, то его ключевая цель — борьба с глобальным потеплением. Однако само существование проблемы можно подвергнуть сомнениям. Действительно, с середины XX века наблюдается непрерывное потепление климата. Однако в масштабах геологического времени период в 50-70 лет является статистически незначительным. При более широком взгляде на проблему обнаруживается, что температурные колебания планеты носят выраженный циклический характер, во многом напоминая длинные волны экономических циклов (по аналогии с циклами Кондратьева), однако в масштабе сотен тысяч лет. Анализ этих циклов показывает, что в настоящий момент Земля находится в фазе температурного максимума. Мы живем в теплую эпоху, которая называется Голоцен [1], и текущий этап

климатической истории планеты характеризуется высокими температурными показателями. Но отбросим эти аргументы в сторону и посмотрим, что именно декларируется в тексте Парижского соглашения. Сторонники соглашения утверждают, что температура Земли повышается из-за парникового эффекта, который создается выбросами углекислого газа (CO₂). Однако доля углекислого газа в атмосфере очень маленькая (0,04%), а в парниковом эффекте (9%–26%). Более того, даже эти показатели требуют уточнения: доля углекислого газа, связанная с антропогенными выбросами, то есть вследствие человеческой деятельности, составляет менее 5%, остальные 95% выбрасываются естественным путем [1].

Переходя к экономическому аспекту рассматриваемой проблемы, целесообразно обратиться к анализу международной торговли и структуры торговых балансов. Это позволяет рассматривать климатическую повестку не только в экологическом, но и в экономическом контексте. Безусловным лидером по объему выбросов углекислого газа является Китай [3]. Если посмотреть на структуру торгового баланса ЕС, то с Китаем он окажется отрицательным, разница огромная. К слову, со всеми остальными странами, с которыми торгует ЕС в большом объеме, торговый баланс положительный [2]. А экспортирует Китай в ЕС преимущественно товары, производство которых сопряжено с масштабными выбросами углекислого газа.

Таким образом, Парижское соглашение и «зеленая» регуляторика ЕС могут быть интерпретированы не только как климатическая политика, но и как инструмент международной политэкономии. Наиболее показательным примером служит СВМ — механизм, который вводит для импорта в ЕС тарифоподобный углеродный компонент. Де-юре СВМ направлен на предотвращение «утечки углерода» и выравнивание условий конкуренции между производителями внутри ЕС и вне его. Однако де-факто он создает селективное удорожание углеродоемкого импорта и повышает переговорную власть ЕС, поскольку доступ к европейскому рынку начинает зависеть от углеродной интенсивности производства и качества верификации выбросов. В условиях устойчивого отрицательного торгового баланса ЕС с Китаем такой механизм приобретает черты квази-санкционного инструмента.

Источники и литература

1. Ефимов В.И. Реальность углеродного следа в глобальном изменении климата // Жизнь Земли. Т. 43, № 3. С. 328–335. DOI: 10.29003/m2437.0514-7468.2020_43_3/328-335
2. EU Trade Relations – China // European Commission – Trade. – URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/china_en (дата обращения: 28.02.2026).
3. Global Carbon Budget 2024: Fossil CO₂ emissions by region and country in 2023 / Eds. P. Friedlingstein et al. — Earth System Science Data, Vol. 17, 2025. — Режим доступа: <https://essd.copernicus.org/articles/17/965/2025/index.html> (дата обращения: 28.02.2026).
4. Paris Agreement // United Nations Framework Convention on Climate Change. –

URL: <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-paris-agreement> (дата обращения: 28.02.2026).

Реэкспорт в условиях санкций: структурные сдвиги и товарная диверсификация во внешней торговле стран ЕАЭС, 2022-2024гг.

Чечанова Юлия Норайровна

Студент (бакалавриат)

*Российско-Армянский университет, Институт экономики и бизнеса
Ереван, Армения*

E-mail: yuliachechanova@mail.ru

Санкции в современном мире являются одним из наиболее распространенных инструментов внешнеэкономической политики. Тема исследования приобретает особую актуальность в контексте расширения санкционного режима в отношении отдельных государств – членов ЕАЭС, а именно Российской Федерации и Республики Беларусь, в 2022–2024 гг. Объектом исследования выступают внутриинтеграционные торговые потоки стран ЕАЭС, а предметом – изменения товарной структуры и возможные реэкспортные компоненты. Цель исследования – оценить влияние санкционных ограничений на региональную торговлю внутри ЕАЭС и выявить адаптационные механизмы, применяемые для минимизации негативных последствий.

В условиях внешнеэкономической нестабильности ЕАЭС выступил институциональной площадкой, через которую часть торговых потоков была перенаправлена и перестроена в пользу внутрирегионального взаимодействия [1]. В ходе исследования выявлено резкое увеличение стоимостных объёмов торговли внутри ЕАЭС в 2022 г.

Импорт России из Армении и Кыргызстана в 2022 г. по отношению к 2021 г. вырос на $\approx 239,4\%$ и $\approx 205,4\%$ соответственно [3]. Прирост такого уровня за отчётный год не соотносится с масштабами внутреннего рынка последних стран.

Для оценки структурных изменений экспорта рассчитан индекс Херфиндаля–Хиршмана (ННИ) по укрупнённым товарным группам посредством формулы (1) для сопоставимых временных срезов (2017 и 2022 гг.).

n

$$x_i(1) \text{ ННИ} = \sum_{i=1}^n ()^2$$

i=1

x_i - это доля i-й товарной группы в общем экспорте.

Направление	ННИ 2017	ННИ 2022
Армения - Россия	$\approx 0,16976$	$\approx 0,12079$

Кыргызстан - Россия	≈0,147384	≈0,141278
---------------------	-----------	-----------

По направлению «Армения – Россия» индекс снизился, что указывает на ослабление товарной концентрации и диверсификацию экспортной корзины. Сочетание резкого стоимостного роста и снижения ННІ рассматривается как косвенный признак посреднических (реэкспортных) операций.

Для уточнения природы выявленных изменений проведена декомпозиция экспорта по укрупнённым товарным группам. Результаты структурного анализа показывают, что расширение номенклатуры происходило главным образом за счёт увеличения долей ранее второстепенных позиций, без формирования принципиально новых экспортных специализаций. Наибольшие темпы роста в 2021–2022 гг. пришлись на транспортные средства (≈2946,25%), капитальные товары (≈1269%), машины и электронику (≈2255%), а также на отдельные промежуточные и промышленные товары (включая пластик/резину — ≈431,18%) [5]. Тем самым структура экспорта сместилась от традиционных позиций в сторону капиталоемких и технологичных категорий, что при ограниченном собственном производственном потенциале по данным товарным позициям свидетельствует о расширении реэкспортной компоненты.

Аналогичный подход применён к Кыргызстану. По направлению «Кыргызстан – Россия» ННІ также снизился, что указывает на умеренное расширение товарной структуры экспорта. Несмотря на меньшую интенсивность по сравнению с Арменией, структура торговли характеризуется ростом по ряду санкционно чувствительных категорий: машины и электроника (≈975,95%), обувь (≈1048,3%), текстиль и одежда (≈576,56%), пластик/резина (≈627,27%), а также отдельные промежуточные и промышленные товары [5].

В совокупности это позволяет трактовать изменения как адаптацию экспортных потоков к ограничениям и возможное расширение реэкспортной компоненты, что дополнительно подтверждается сохранением высокого уровня торговли в последующие годы. В 2023 г. прирост экспорта Армении по отношению к 2022 г. составляет ≈40,02%, однако темпы роста Кыргызстан в 2023–2024 гг. демонстрируют снижение [3,5].

Санкции 2022 г. отразились также на структуре и динамике торговли Беларуси со странами ЕАЭС. Анализ взаимной торговли показывает нетипичные для размеров национальных рынков Армении и Казахстана темпы прироста отдельных потоков. На основе ранее проведенного анализа сделан вывод о том, что подобная динамика свидетельствует о наличии обходных механизмов, а именно операций реэкспорта. В 2022 г. импорт Беларуси из Армении и Казахстана по отношению к 2021 г. вырос на ≈170,6% и ≈40,08% соответственно [3]. Лидером реэкспорта вновь выступает Армения. По направлению «Армения – Беларусь» рекордные темпы прироста 2021–2022 гг. приходятся на капитальные товары (≈5023%), машины и электронику (≈5184%), транспортные средства (≈4272%), а также на промежуточные товары и пластик/резину (≈464,7%) [5]. Специфическим элементом выступает категория «овощи» (≈1444%), что интерпретируется как реэкспортная составляющая в поставках в Беларусь (в отличие от направления Россия, где данная категория выступает как традиционный экспорт

Армении). По направлению «Казахстан – Беларусь» рост торговли в 2021–2022 гг. концентрируется в пластике/резине ($\approx 3025\%$), машинах и электронике ($\approx 1637\%$) и капитальных товарах ($\approx 1470\%$), при заметном вкладе продовольственных и пищевых товаров [5]. В последующие годы, а именно в 2023 и 2024 гг., Армения продолжает демонстрировать динамичный рост поставок, прирост соответственно $\approx 20\%$, $\approx 25,2\%$, тогда как Казахстан удерживается вблизи уровня 2022 г. [3].

В рамках проделанного анализа был выявлен рост объемов взаимной торговли внутри интеграции ЕАЭС, обусловленный переориентацией торговых потоков на фоне санкционного давления. Выявлены выраженные схемы реэкспорта. Армения стала бенефициаром в новых экономических условиях как активный участник схем обхода санкций. В данные схемы также были вовлечены такие страны, как Казахстан и Кыргызстан. Основными товарными категориями, формирующими прирост поставок в Россию и Беларусь, выступают транспортные средства, машины и электроника, капитальные товары, пластик и резина. Полученные выводы следует рассматривать как результаты анализа макроуровневых торговых данных и структурных индикаторов, позволяющих выявлять признаки реэкспорта.

Источники и литература

1. Евразийская экономическая комиссия. Статистика взаимной торговли государств-членов ЕАЭС. М.: ЕЭК, 2024.
2. belstat.gov.by (Национальная статистика Республики Беларусь).
3. comtradeplus.un.org (UN ComtradePlus). International Trade Statistics Database.
4. customs.gov.ru (Федеральная таможенная служба РФ).
5. wits.worldbank.org (WITS, World Bank). World Integrated Trade Solution.

СЕКЦИЯ 2. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Туризм как инструмент мягкой силы в формировании международного имиджа Армении: сравнительный анализ швейцарской модели

Авжиян Анна Михайловна

Магистрант

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
филиал в г. Ереване*

Направление: «Международные отношения»

Ереван, Армения

E-mail: annaavzhiyan09111991@gmail.com

Актуальность исследования обусловлена усиливающейся ролью мягкой силы в международных отношениях и экономической дипломатии. Туризм становится не только экономической сферой, но и инструментом формирования положительного имиджа государства [3, с. 112]. Для Армении, страны с ограниченными природными ресурсами и отсутствием выхода к морю, стратегическое развитие туризма является важным механизмом укрепления международного имиджа и привлечения туристов высокого доходного сегмента.

Армения – одна из древнейших стран мира с богатейшим культурным наследием – обладает широкими возможностями для адаптации швейцарской модели туристического развития как средства формирования мягкой силы и существенного повышения международной привлекательности страны.

Для проведения исследования были использованы сравнительный анализ туристических стратегий Швейцарии и Армении, стратегическое моделирование региональных туристических кластеров, а также институциональный анализ стандартов обслуживания и подготовки кадров [1, с. 45]. Исследование основано на концепции мягкой силы [2, с. 23], рассматривающей привлекательность государства как инструмент международного влияния.

Учитывая маленькие территории обеих стран, отсутствие морских берегов и природные ресурсы Армении и Швейцарии, в Армении можно применить некоторые элементы швейцарской модели туризма [4]:

1. Региональные туристические кластеры – каждый регион формирует собственный бренд (вино, гастрономический туризм, экотуризм, велотуризм, культурное наследие), что повышает туристическую привлекательность страны.
2. Качество сервиса и профессиональная подготовка кадров – стандартизация обслуживания и обучение специалистов мирового уровня привлекают туристов высокого доходного сегмента.

3. Внедрение транспортно-цифровой инфраструктуры – единой системы билетов и удобных маршрутов, которые смогут обеспечить комфорт и доступность туристических маршрутов.

4. Применение опыта Швейцарии в развитии пешеходного туризма, что позволит туристам прикоснуться к неопишуемой красоте Армянского нагорья.

5. Развитие медицинского туризма, что позволит привлечь значительный поток иностранных туристов за счет ценовой конкурентоспособности, высокого качества медицинских услуг и широкого спектра доступных методов лечения [5].

Реализация этих элементов позволит использовать туризм как инструмент мягкой силы и укрепить международный имидж Армении.

Туризм в современных международных отношениях выступает стратегическим инструментом формирования положительного имиджа государства [3].

Адаптация швейцарского опыта позволит Армении:

- превратить природные и культурные ресурсы в конкурентное преимущество;
- повысить стандарты туристических услуг;
- создать устойчивую модель туристического развития с высокой добавленной стоимостью;
- усилить международный имидж страны через мягкую силу.

Интеграция швейцарской модели туристического развития с учётом региональных особенностей Армении позволит не только повысить международную конкурентоспособность страны, но и значительно укрепить её мягкую силу на мировой арене.

Источники и литература

1. Министерство экономики Республики Армения. Стратегия развития туризма Армении 2020–2030. Ереван, 2020. <https://mineconomy.am/en/page/105>
2. Най, Дж. Мягкая сила. Как достичь успеха в мировой политике. М.: Альпина Паблишер, 2009.
3. Долгов С.И. Международный туризм как фактор формирования имиджа государства // Вестник МГИМО. 2018. № 5. С. 112–120.
4. Switzerland Tourism. Strategy and Brand Positioning of Swiss Tourism. Zurich, 2022.
5. World Tourism Organization (UNWTO). Tourism and Soft Power. Madrid, 2018.
- 6.

Влияние партийно-политической ориентации аналитических центров на характер экспертных публикаций о внешнеполитических процессах (на примере США)

Биктимерова Лилия Ильдаровна

Студент (бакалавриат)

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт управления, Факультет международных отношений и бизнеса

Москва, Россия

E-mail: lilia.i.biktimerova@gmail.com

Аналитические центры («фабрики мысли») давно вышли за рамки сугубо американского феномена: по данным ежегодного индекса Дж. Макганна, в 2021 году в мире функционировало более 11 000 подобных структур в свыше 180 странах [3]. Несмотря на региональное многообразие, все они выполняют схожие функции: формируют повестку дня, вырабатывают концептуальные рамки для осмысления политических проблем, обеспечивают трансформацию академического знания в «политически пригодные» форматы и формируют кадровый резерв для государственных структур. В этом смысле американский опыт представляет собой наиболее развитый и изученный вариант универсальной модели, позволяющий выявить закономерности, действующие и за пределами США.

Ключевой из этих закономерностей является устойчивая зависимость между институциональным положением центра и характером производимых им нарративов. Д. Стоун, исследовавшая «фабрики мысли» в сравнительной перспективе, зафиксировала нарастающую гибридизацию их типов: большинство реально существующих центров сочетают черты академических и «адвокатских» структур, причём со временем идеологическая ангажированность, как правило, возрастает [5]. Это означает, что вопрос о влиянии партийно-политической ориентации на содержание публикаций носит универсальный, а не специфически американский характер.

В США данная зависимость проявляется с особой отчётливостью в силу трёх структурных особенностей. Первая – феномен «вращающейся двери»: смена администрации де-факто означает массовое перемещение сотрудников центров на государственные должности и обратно, что институционально закрепляет партийную аффилиацию. Э. Рич, исследовавший крупнейшие американские центры, обнаружил, что даже организации, официально декларирующие «непартийность», демонстрируют устойчивую корреляцию между политическими предпочтениями своих сотрудников и направленностью публикаций [4]. Вторая – концентрация донорской базы в руках ограниченного числа крупных спонсоров с чёткими идеологическими предпочтениями, создающая устойчивую «селективную среду», в которой исследования, противоречащие

позиции доноров, систематически вытесняются на периферию [2]. Третья – нарастающая поляризация политического пространства, которая побуждает центры замещать взвешенный анализ «броскими» идеологическими позициями в борьбе за аудиторию и финансирование [2].

Системные различия между центрами различной ориентации проявляются прежде всего на нормативном и рекомендательном уровнях. На диагностическом уровне между ними нередко складывается более широкий консенсус, чем принято считать: расхождения в оценке фактов значительно менее остры, чем расхождения в нормативных выводах. Три доминирующие идеологические рамки – либеральный интернационализм, неоконсерватизм и реализм – задают принципиально различные интерпретации одних и тех же внешнеполитических событий, и именно через эти рамки партийная ориентация транслируется в конкретное содержание публикаций [4]. Спор между центрами различной ориентации об одном и том же внешнеполитическом процессе оказывается, по существу, спором об идеологических предпосылках, а не об эмпирических данных.

Эта закономерность не специфична для США. В европейском контексте аналогичную роль играют партийные фонды, открыто связанные с конкретными партиями и воспроизводящие их позиции в экспертных публикациях. В незападных демократиях партийная аффилиация центров нередко носит ещё более явный характер, а пространство независимой экспертизы существенно уже. Как фиксирует М. М. Лебедева, возрастание роли негосударственных акторов в современной мировой политике сопровождается качественным изменением их ресурсной базы: информационно-аналитические ресурсы приобретают значение, сопоставимое с финансовыми, – а значит, борьба за контроль над ними неизбежно приобретает политическое измерение повсеместно [1].

Американский пример, таким образом, позволяет сформулировать общую закономерность: чем выше конкурентность рынка политических идей и чем острее внутривнутриполитическая поляризация, тем сильнее партийно-политическая ориентация определяет характер экспертных публикаций о внешней политике. Понимание этого механизма является необходимым условием критического анализа продукции любых аналитических центров – вне зависимости от страны и декларируемой ими независимости [1, 5].

Источники и литература

1. Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1. С. 38–44.
2. Drezner D.W. The Ideas Industry: How Pessimists, Partisans, and Plutocrats are Transforming the Marketplace of Ideas. Oxford, 2017.
3. McGann J.G. Global Go To Think Tank Index Report 2021. Philadelphia, 2022.
4. Rich A. Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise. Cambridge, 2004.
5. Stone D. Capturing the Political Imagination: Think Tanks and the Policy Process. L., 1996.

Понятие «двойные стандарты» в международных отношениях

Волобуев Никита Витальевич

Магистрант

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в городе Ереване

Направление: «Международные отношения»

Ереван, Армения

E-mail: nikitavolobuev250@gmail.com

Двойные стандарты – форма лицемерия, когда собственные действия оцениваются менее негативно, чем чужие [12, Р.690]. Стандарт подразумевает универсальную норму, но оценка его поведения субъективна [3, С.11-12] и зависит от контекста [6, С.12].

Понятие «двойные стандарты» трактуется по-разному. Кембриджский словарь определяет их как норму, соблюдение которой несправедливо ожидается от одних, тогда как другим прощается ее нарушение [8].

Д. Коул подчёркивает, что оценка действий субъектов варьируется в зависимости от того, в каких взаимоотношениях эти субъекты находятся с оценивающим лицом [9, Р.189].

Е.В. Булипопова рассматривает их как совокупность норм, устанавливающих неравновесное положение элементов политико-правовой системы при их формальном юридическом равенстве [1, С.115].

Политика двойных стандартов характеризуется обманом, жёстким разделением на «своих» и «чужих», преследованием выгоды и размытостью оцениваемого стандарта [2, С.56]. Её цель – самоидентификация и выявление угрозы в логике «мы» – «другие».

Истоки этого явления кроются в неоднозначности формулировок международных норм, позволяющих толковать их в свою пользу [11]. Например, концепция «государств-изгоев» применяется выборочно, что ставит под сомнение декларируемые нарративы и обнажает приоритет стратегических интересов над моралью [4].

Неравенство субъектов в международном праве проявляется и в других аспектах. Так, Парижское соглашение по климату провозглашает общую, но дифференцированную ответственность [5], возлагая основное бремя сокращения выбросов на развитые страны. Однако на практике эти обязательства выполняются не полностью [13, Р.5], а отчётность зачастую сопровождается манипуляциями со статистическими данными [10].

Международное уголовное правосудие также селективно. Деятельность Международного трибунала по бывшей Югославии критиковали за избирательность преследований, но аналогичный орган, касающийся Вьетнамской войны, не был создан. Юрисдикция Международного уголовного суда ограничена политической волей государств, что приводит к неравномерности правоприменения.

Перспективность политики «двойных стандартов» оценивается по-разному. Профессор Лабуш Н.С. считает, что такой подход может применяться для политкорректности и предотвращения конфликтов, но служит прикрытием для скрытых целей [3, С.41].

Г. В. Яценко предлагает отказаться от политики двойных стандартов, однако в текущих реалиях это невозможно; дальнейшее же их использование приведет к дестабилизации и девальвации международного права [7, С.155].

Таким образом, двойные стандарты создают атмосферу недоверия и напряженности, осложняя конструктивное взаимодействие. Избирательность при стигматизации стран, вмешательство во внутренние дела и применение норм международного права подрывают международные отношения, провоцируя новые конфликты. Искоренить двойные стандарты невозможно, так как они отражают реальный расклад сил, однако можно стремиться к ограничению сфер их проявления.

Список использованных источников и литературы

1. Булипопова Е.В. Двойные стандарты: проблема и понятие в дискурсивном пространстве современной политической теории // Политическая лингвистика. – 2011. – №1 (35). – С.114-118.

2. Ковалев В.В., Магомедов М.Г., Самыгин С.И. Практика двойных стандартов в мировой политике: угрозы национальной безопасности России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 6-7. – С.55-58.

3. Лабуш Н.С., Тузова А.Ф. Двойные стандарты: теоретические основы и массмедийная практика: социально-политический анализ: учеб. пособие. – СПб.: Роза мира, 2011. – 117 с.

4. МИД КНР опубликовал доклад о ситуации с демократией в США в 2022 году [Электронный ресурс] // Жэньминь Жибао Онлайн. – 21.03.2023. – URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/0321/c31521-10224992.html> (дата обращения: 02.03.2026).

5. Парижское соглашение 2015 г. [Электронный ресурс] // UNFCCC. – URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

6. Тузова А.Ф. Двойные стандарты в массмедийной практике: автореферат ... канд. полит. наук. СПб., 2010 г. – 22 с.

7. Яценко Г. В. Политика двойных стандартов: украинский кризис и образование «исламского государства» // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2015. – №5. – С. 151-156.

8. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] // электр. словарь. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/learner-english/double-standard> (дата обращения: 02.03.2026).

9. Cole D. Enemy Aliens: Double standards and constitutional freedoms in the war on terrorism // N.Y.: New Press, 2003. – 316 p.

10. Eilperin J., Butler D., Muyskens J., Narayanswamy A., Ahmed N. Countries' climate pledges built on flawed data, Post investigation finds [Электронный ресурс] // Washington Post. – 07.11.2021. – URL: <https://www.washingtonpost.com/climate-environment/interactive/2021/greenhouse-gas-emissions-pledges-data/> (дата обращения: 04.03.2026).

11. Kirkpatrick J.J. Dictatorship & Double standards [Электронный ресурс] // Commentary. – November 1979. – URL: <https://www.commentary.org/articles/jeane-kirkpatrick/dictatorships-double-standards/> (дата обращения: 06.03.2026).

12. Valdesolo P., DeSteno D. Moral hypocrisy: Social groups and the Flexibility of virtue // Psychological science. – 2007. – Vol.18, No 8. – P. 689-690. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.valdesolo.com/publications/moral-hypocrisy-social-groups-and-the-flexibility-of-virtue-pdf> (дата обращения: 02.03.2026).

13. Van Deursen M., Prasad S. Trust and Transparency in Climate Action: Revealing Developed Countries' Emission Trajectories. – New Delhi: Council on Energy, Environment and Water, 2023 – 15 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ceew.in/sites/default/files/Research-On-Trust-And-Transparency-In-Climat-Action.pdf> (дата обращения: 06.03.2026).

Решения Совета Безопасности ООН: пределы юридической обязательности и политические реалии

Гарсоян Тина Эдгаровна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени

М.В.Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Международные отношения»

Ереван, Армения

E-mail: blostinasom005@gmail.com

Текущий международный контекст характеризуется усилением геополитической борьбы между ведущими государствами. На этом фоне роль Совета Безопасности ООН как ключевого инструмента поддержания мира и безопасности становится особенно важной. Однако нынешние вооруженные конфликты и кризисы, часто с участием постоянных членов Совета, показывают растущий разрыв между формальными механизмами коллективной безопасности и реальными политическими возможностями их применения. Такие факторы, как право вето, склонность к односторонним действиям в обход Совета и неспособность органа быстро и единогласно реагировать на серьезные

угрозы миру, показывают пределы юридической силы его решения. Изучение ограничений обязательного характера резолюций Совета Безопасности и их зависимости от политических реалий по-прежнему крайне актуально.

Совет Безопасности ООН занимает особое место в системе международных отношений, поскольку именно на него возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Данное положение закреплено уже в первых статьях Устава, где сформулированы цели и принципы Организации [6]. Создавая ООН, государства исходили из необходимости предотвратить повторение мировых войн и обеспечить механизм коллективного реагирования на угрозы. В этой логике Совет Безопасности стал центральным органом, решения которого в определенных случаях приобретают обязательный характер.

Полномочия Совета вытекают из Устава ООН и конкретизированы в его функциях, включая определение наличия угрозы миру, введение санкций и принятие решений о применении силы [6]. Согласно Статье 25 Устава государства-члены обязуются подчиняться решениям Совета. Однако уже на ранних этапах функционирования ООН стало очевидно, что юридическая составляющая не существует в отрыве от политической реальности. Грошев С.Н. и Морева О.С при анализе деятельности Совета Безопасности в период «Холодной войны» выявили, что его работа напрямую зависела от состояния отношений между великими державами [2].

Особое место в структуре полномочий занимает право вето постоянных членов. Оно закреплено процедурно и рассматривается как один из краеугольных элементов всей так называемой архитектуры ООН. Политические деятели и российские дипломаты, в частности, Небензя В.А. неоднократно подчеркивали, что лишение государства статуса постоянного члена невозможно без пересмотра Устава [3]. В экспертной литературе право вето трактуется как инструмент, позволяющий учитывать интересы ключевых держав и тем самым сохранять баланс в международной системе, а также как принцип, без которого существование ООН как эффективной организации ставится под сомнение [4]. Вместе с тем именно этот механизм часто является причиной блокирования резолюций по наиболее острым кризисам человечества.

Этот эффект особенно заметен во время острых современных кризисов, когда непосредственное участие постоянных членов Совета ведет к фактической неработоспособности органа. В феврале-марте 2026 года совместные военные действия США и Израиля привели к трагическим последствиям. В результате несанкционированных атак был ликвидирован Верховный лидер Ирана, страна понесла значительные человеческие потери среди мирного населения и военных. Однако, несмотря на призывы к миру, Совет Безопасности пока не смог принять действенных мер для прекращения огня или осуждения агрессии, поскольку постоянные члены, в том числе инициатор действий – США, не смогли прийти к консенсусу из-за существенных разногласий. Данный инцидент вновь демонстрирует, что юридическая сила решений Совета подчиняется политическим амбициям ключевых держав.

Характер решений Совета Безопасности остается предметом обсуждений. Часть исследователей ставит проблему так называемых «квазизаконодательных» полномочий Совета, указывая на расширительное толкование его мандата. По мнению Е.Б. Ганюшкиной, практика последних десятилетий показывает тенденцию к усилению нормативного влияния резолюций, хотя формально Совет не является законодательным органом. Это позволяет говорить о постепенной эволюции роли и места Совета Безопасности в международной системе [1].

При анализе современных выступлений представителей России прослеживается схожая позиция, выражающаяся в необходимости сохранения баланса, заложенного в 1945 году, а также в предостережении от попыток пересмотра основ Устава ООН [5]. Такая точка зрения аргументируется тем, что стабильность международного порядка возможна лишь при соблюдении первоначального компромисса между державами-победительницами. Одновременно в научных публикациях обращается внимание на снижение эффективности Совета Безопасности в условиях роста геополитической конкуренции, что остается актуальной проблемой и по сей день.

Методологическую основу исследования составляет анализ официальных документов Организации Объединенных Наций, прежде всего Устава, а также научных публикаций в области международного права и мировой политики, что позволило сформулировать следующие выводы:

1. Решения Совета обладают обязательной силой в юридическом смысле, однако пределы их реализации во многом определяются политической конъюнктурой;
2. Право вето, задуманное как механизм предотвращения конфликта великих держав, одновременно ограничивает универсальность коллективных действий;
3. Существует противоречие между нормативной моделью, закрепленной в Уставе, и реальной практикой.

Функционирование Совета Безопасности, таким образом, зависит не только от закрепленных Уставом полномочий, но и от готовности государств действовать в соответствии с «духом консенсуса», послужившим фундаментом создания Организации Объединенных Наций.

Источники и литература

1. Ганюшкина Е.Б. Подводя итоги 70 лет работы Организации Объединенных Наций: разногласия по вопросу о том, имеет ли Совет Безопасности ООН законодательные полномочия // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. № 3. С. 169–187.
2. Грошев С.Н., Морева О.С. Совет Безопасности ООН: полномочия, функции. Историческая роль (1950–1990 гг.) // Таврический научный обозреватель. 2015. № 4-3. С. 149–153.
3. Небензя: первое очное заседание СБ ООН после пандемии планируется на следующей неделе // Информационное агентство ТАСС. 09.07.2020. URL: <https://tass.ru/politika/8926965> (дата обращения: 01.03.2026).

4. Орлов А. Право вето постоянных членов Совета Безопасности как фундаментальная основа ООН // Международное право. 2018. № 1. С. 45–53.
5. Ради мира: Путин предложил встретиться главам стран — основательниц ООН // EADaily. 23.01.2020. URL: <https://easily.com/ru/news/2020/01/23/radi-mira-putin-predlozhil-vstretitsya-glavam-stran-osnovatelnic-oon> (дата обращения: 01.03.2026).
6. Устав ООН // ООН, официальный сайт. URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 01.03.2026).

Право народов на самоопределение в современном международном праве: проблемы реализации на примере Косово и Нагорного Карабаха

Гурджинян Эвелина Ваноевна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Международные отношения»

Ереван, Армения

E-mail: evelina.gurzhinyan@mail.ru

Актуальность рассматриваемой проблематики обусловлена тем, что право народов на самоопределение, являясь одним из фундаментальных принципов современного международного публичного права, одновременно выступает источником серьёзных правовых и политических противоречий. Закреплённый в документах Организации Объединённых Наций, данный принцип сыграл ключевую роль в процессе деколонизации и формировании современной политической карты мира [2]. Однако в постколониальную эпоху его реализация всё чаще вступает в противоречие с принципом территориальной целостности и суверенного равенства государств. Историческая эволюция идеи самоопределения показывает, что данный принцип формировался постепенно и получил институциональное закрепление в международном праве в XX веке. Существенное значение для его развития имели положения Версальской системы международных отношений, а позднее — резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, прежде всего Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 года и Декларация о принципах международного права 1970 года [1; 3]. Эти документы закрепили право народов свободно определять свой политический статус и самостоятельно осуществлять экономическое, социальное и культурное развитие.

Целью исследования является анализ права народов на самоопределение и выявление проблем его реализации в современном международном праве на примере

косовского и карабахского конфликтов. В соответствии с поставленной целью определены следующие задачи: проследить историческую эволюцию принципа самоопределения в международном праве; проанализировать нормативное закрепление данного принципа в международно-правовых актах; рассмотреть особенности реализации права на самоопределение в косовском и карабахском конфликтах; провести сравнительный анализ данных кейсов с целью выявления различий в подходах международного сообщества. Одним из наиболее дискуссионных примеров реализации принципа самоопределения является косовский конфликт. В 2008 году косовские власти в одностороннем порядке провозгласили независимость от Сербии, что вызвало неоднозначную реакцию международного сообщества. В консультативном заключении Международного суда ООН 2010 года было отмечено, что сама декларация о независимости Косово не противоречит международному праву. Вместе с тем суд не дал однозначного ответа на вопрос о существовании общего права на одностороннее отделение, что оставило пространство для различных интерпретаций [4].

Другим примером сложной реализации принципа самоопределения является армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха. В конце 1980-х годов население региона инициировало процесс самоопределения, опираясь на нормы международного права и положения союзного законодательства СССР. Однако международные организации в последующие десятилетия в основном придерживались позиции сохранения территориальной целостности Азербайджана, что во многом определило международно-правовую оценку данного конфликта.

Сравнительный анализ косовского и карабахского кейсов демонстрирует, что реакция международного сообщества на сходные процессы самоопределения может существенно различаться. Если в случае Косово значительная часть государств признала независимость региона, то в отношении Нагорного Карабаха подобная поддержка отсутствовала. Это свидетельствует о том, что применение принципа самоопределения на практике во многом зависит не только от юридических норм, но и от геополитических факторов. К числу основных проблем реализации права на самоопределение относятся коллизия между принципами самоопределения и территориальной целостности, отсутствие чётких критериев допустимости так называемой ремедиальной сепарации, а также избирательность международного признания новых государств. Кроме того, эффективность международных механизмов урегулирования конфликтов нередко оказывается ограниченной, что осложняет поиск устойчивых политико-правовых решений.

Таким образом, анализ реализации права народов на самоопределение на примере Косово и Нагорного Карабаха позволяет выявить зависимость применения международно-правовых норм от политического контекста и баланса сил в международной системе. В этих условиях возникает необходимость дальнейшего совершенствования международно-правовых механизмов регулирования и выработки более чётких критериев реализации принципа самоопределения, что может

способствовать укреплению международной стабильности и предотвращению новых конфликтов.

Источники и литература

1. Версальский мирный договор 1919 года. Полный текст (извлечения) // Документы XX века. URL: <http://www.doc20vek.ru/node/1322>
2. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1514 (XV) от 14 декабря 1960 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml
3. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2625 (XXV) от 24 октября 1970 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml
4. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/60/1. URL: <https://www.un.org/ga/documents/>

Цифровые практики армянских общин России, США и Франции в продвижении имиджа Армении

Данилов Иван Сергеевич

Преподаватель

*Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Ереване, Российско-Армянский (Славянский) университет
Институт международных отношений и общественно-политических наук*

Ереван, Армения

E-mail: danivan555@gmail.com

Публичная дипломатия Армении сегодня сильно опирается на зарубежную диаспору. Крупнейшие общины в России, США и Франции ведут активную политическую и культурную работу. Обычные пользователи и общественные организации берут на себя защиту имиджа страны в интернете, поскольку способны реагировать быстрее, чем официальные структуры. Они запускают конкретные цифровые кампании и показывают ощутимые результаты.

В Соединенных Штатах армянская община делает упор на политическое лоббирование. Этим успешно занимается Армянский национальный комитет Америки (ANCA). Во время кризисов и блокады Лачинского коридора активисты использовали социальную сеть X для продвижения хештегов #SanctionAzerbaijan и

#StopArtsakhBlockade. На сайте организации была настроена удобная система отправки писем. Американские армяне массово отправляли обращения своим конгрессменам буквально в один клик [3]. На этом примере можно хорошо увидеть, как сетевая активность диаспоры превращается в реальное политическое давление.

Французская община больше ориентирована на гуманитарную поддержку и культурные проекты. Всеармянский фонд Франции регулярно проводит масштабные онлайн-марафоны и так называемые «фонетоны». Социальные сети помогают координировать доноров по всей стране и собирать миллионы евро для помощи беженцам [5]. При этом французские активисты активно переводят исторические материалы для местной аудитории.

Цифровая активность российской общины имеет ярко выраженную просветительскую направленность. Ключевую роль здесь играют крупные гуманитарные проекты. Отличным примером служит работа Армянского музея Москвы. Они запускали сетевой флешмоб «Армянский код» по восстановлению семейных историй. Также музей организовывал виртуальную выставку Сергея Параджанова с использованием дополненной реальности [1]. Подобные проекты отлично формируют позитивный образ Армении через современные форматы.

Борьба с дезинформацией стала отдельным важным фронтом. В этом направлении показательна работа Центра истины и справедливости (Center for Truth and Justice). Сетевые волонтеры применяют методы разведки по открытым источникам (OSINT). Они собирают видео из анонимных каналов, анализируют метаданные и геолокацию [4]. Собранные цифровые доказательства затем передаются в международные инстанции. Обычные пользователи также объединяются для массовых жалоб на фейковые публикации, заставляя алгоритмы платформ удалять недостоверный контент.

Цифровые сети диаспоры работают быстрее многих официальных структур. Инициативы снизу вызывают больше доверия у аудитории [2]. Интеграция этих практик в государственную стратегию может серьезно усилить позиции Армении на международной арене.

Источники и литература

1. Армянский музей Москвы и культуры наций: <https://www.armmuseum.ru>.
2. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд-во Высшей школы экономики. 2013.
3. Armenian National Committee of America (ANCA): <https://anca.org>.
4. Center for Truth and Justice (CFTJ): <https://cftjjustice.org>.
5. Fonds Arménien de France: <https://www.fondsarmenien.org>.
- 6.

**Раба: от символа сопротивления до политической тактики
(семиотический анализ)**

Датоян Мелине Нверовна

Студент (бакалавриат)

*Ереванский государственный университет, факультет востоковедения,
кафедра «Тюркологии»*

E-mail: melinedatdat@gmail.com

В современном мире символы иногда перестают быть просто изображениями, превращаясь в мощные средства передачи идей, выражения общественного недовольства, а также инструменты политических игр. Ярким примером этого является знак «Раба», который в последнее десятилетие вошел в арсенал как внутренней, так и внешней политики Турции, став символом сопротивления, единства и идеологической борьбы [1].

В рамках данного доклада рассматривается смысловая трансформация знака Раба, упоминаются первые случаи его применения в Египте, где он стал символом сторонников демократии и справедливости [2]. Далее подробно анализируются изменения значения и расширение сфер применения данного знака на примере Турции. Особый акцент делается на целях и результатах использования знака «Раба» в публичных выступлениях президента Реджепа Тайипа Эрдогана [3].

В докладе проводится семиотический анализ знака «Раба» через изучение его визуальных и вербальных кодов, а также воздействия на общественное сознание и массовую политику [4]. Также рассматриваются случаи культурного применения знака, при которых он теряет свой политический и идеологический вес, превращаясь в стиль прически, названия магазинов или даже выступая в качестве бренда.

В целом, на примере эволюции «Раба» в докладе демонстрируется, как простой знак превращается в многозначный символ. Показано, что, меняя свое значение в зависимости от контекста, он выступает не только как проявление сопротивления, но и как инструмент манипуляций со стороны политических элит.

Источники и литература

1. Tekin A., Rabia İşaretinin Arkasındakiler, Politika Dergisi, 25.08.2013 <https://www.politikadergisi.com/okur-makale/rabia-isaretinin-arkasindakiler> (31.10.2024).
2. Mısır'da doğup dünyaya yayılan 'Rabia', Anadolu Ajansı, 14.08.2016 <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/misirda-dogup-dunyaya-yayilan-rabia/627918> (29.10.2024).
3. Yel A., Nas A., Toplumsal Hareketlerin Markalanmasında Reklamın Kullanımı, Dergi Park, 03.06.2016, с. 18.

4. Մերոնյան Ռ., Սաֆրասյան Ռ., և ուրիշներ, Թուրքիայի պատմություն. Հարյուրամյա հանրապետության քաղաքական ուրվագծերը 1923-2023 թթ., ԵՊՀ հրատարակչություն, Երևան, 2023.

**Концепция сообщества единой судьбы человечества в отражении
публичных выступлений Си Цзиньпина
Жэцзыя·Бачжабай**

Магистрант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Факультет мировой политики

Москва, Россия

E-mail: ya6642920@gmail.com

В последние годы концепция сообщества единой судьбы человечества, как ключевая идея Китая в участии в глобальном управлении, продолжает интенсивно распространяться с целью обеспечения международного признания, а исследования в области стратегической трансляции этой концепции становятся все более актуальными в академическом сообществе [7]. Для изучения эволюции этой концепции необходимо обратиться к публичным политическим выступлениям Си Цзиньпина с 2013 года, чтобы понять основные элементы конструирования дискурса концепции и механизмы ее распространения.

В марте 2013 года Си Цзиньпин впервые выдвинул концепцию «сообщества единой судьбы человечества» в Московском институте международных отношений, подчеркнув, что «в этом мире взаимосвязь и взаимозависимость между странами достигли беспрецедентной глубины», что ознаменовало официальное вхождение этой концепции в международное дискурсивное пространство [3]. В сентябре 2015 года Си Цзиньпин выступил с важной речью на общем обсуждении Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке, систематически изложив общий путь «пятиединого строительства» и способствовал тому, чтобы эта концепция впервые была включена в резолюции Организации Объединенных Наций [3]. В январе 2017 года Си Цзиньпин выступил с ключевой речью «Совместное строительство сообщества единой судьбы человечества» в штаб-квартире Организации Объединенных Наций в Женеве, предложив построить мир с устойчивым миром, всеобщей безопасностью, совместным процветанием, открытостью и инклюзивностью, чистотой и красотой, и эта концепция впервые была включена в резолюцию Совета Безопасности Организации Объединенных Наций [3].

В 2018 году издательство «Центральная литература» выпустило монографию «О настойчивом продвижении строительства сообщества единой судьбы человечества». В сборник вошли 78 ключевых текстов Си Цзиньпина, охватывающих период с 2013 по 2018 год: важные выступления, авторские статьи, материалы встреч и переговоров. Это издание сформировало основную базу для исследования данной концепции [4].

В 2019 году Си Цзиньпин продолжил разъяснять содержание концепции на таких мероприятиях, проводимых в Китае, как Конференция по диалогу азиатских цивилизаций и Второй международный форум сотрудничества «Один пояс, один путь». Он подчеркнул принципы взаимного обогащения цивилизаций, а также концепцию «совместного обсуждения, совместного строительства и совместного использования» [3].

В 2021 году на Саммите лидеров Коммунистической партии Китая и политических партий мира Си Цзиньпин выступил с ключевой речью «Укрепление сотрудничества между политическими партиями, совместное стремление к счастью народа». В ней он призвал «прислушиваться к голосу народа, соответствовать тенденциям времени», подчеркнув необходимость глубокой интеграции этой концепции в механизмы межпартийной дипломатии [3]. В октябре 2022 года в докладе на XX съезде Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин включил «продвижение строительства сообщества единой судьбы человечества» в число существенных требований китайской модернизации. Он четко определил эту концепцию как общую цель дипломатии КНР и систематически изложил пути её реализации, такие как продвижение общечеловеческих ценностей и строительство международных отношений нового типа [5]. В 2023 году Си Цзиньпин выступил с ключевой речью «Совместное продвижение по пути модернизации» на Высшем диалоге Коммунистической партии Китая и политических партий мира, предложив Глобальную инициативу по цивилизациям и дополнительно расширив теоретические измерения концепции [3].

Концепция сообщества единой судьбы человечества отвечает реальным потребностям совместного развития стран в эпоху глобализации. Основываясь на общечеловеческих ценностях — мире, развитии, справедливости, демократии и свободе, — эта идея пропагандирует глобальную модель управления, базирующуюся на принципах «совместного обсуждения, совместного строительства и совместного использования» и направленную на удовлетворение потребностей совместного развития в эпоху глобализации [7]. На стратегическом коммуникационном уровне данная концепция составляет ядро ценностной стратегии современного Китая, формируя целостный комплекс за счет многосторонней дипломатии, «дипломатии на своей территории» и практической платформы «Один пояс — один путь» [8].

Однако международная коммуникация этой идеи все еще сталкивается с реальными вызовами. Западные медиа доминируют в международном информационном поле, и их сообщения о сообществе единой судьбы человечества часто подвергаются избирательной интерпретации [9]. Сама идея обладает ярко выраженной политико-дискурсивной окраской, что нередко приводит к утрате её первоначальных смыслов в

процессе межкультурной коммуникации. В результате возникает парадокс: международное сообщество демонстрирует высокий уровень осведомленности о концепции при низком уровне её содержательного признания [8]. В то же время основными субъектами коммуникации по-прежнему остаются официальные государственные структуры, тогда как потенциал общественных сил задействован недостаточно. Как следствие, многоплановое скоординированное коммуникационное пространство до сих пор находится на стадии формирования [9]. Ключевым вопросом для повышения международного признания этой идеи остается то, как сделать её более понятной и близкой аудитории, а также как преодолеть существующие дискурсивные барьеры [8, 9].

Таким образом, международная трансляция этой идеи перешла от этапа дискурсивного формирования («что говорить») к этапу стратегической коммуникации («как говорить»). Последующие исследования должны быть сосредоточены на механизмах дискурсивной адаптации в различных сферах и путях достижения общественного признания, чтобы решить актуальную проблему «высокой популярности при низком уровне одобрения».

Источники и литература

1. [1] Избранные произведения Маркса и Энгельса. Т. 1–4. Пекин: Издательство народной литературы, 2012.
2. [2] Избранные произведения Мао Цзэдуна. Т. 1–4. Пекин: Издательство народной литературы, 1991.
3. [3] Си Цзиньпин. О государственном управлении Китая. Т. 1–4. Пекин: Издательство иностранной литературы, 2014–2022.
4. [4] Си Цзиньпин. О настойчивом продвижении строительства сообщества единой судьбы человечества. Пекин: Издательство «Центральная литература», 2018.
5. [5] Си Цзиньпин. Поднять великое знамя социализма с китайскими особенностями — доклад на XX съезде Коммунистической партии Китая. URL: <https://russian.news.cn/20221025/b32a2a0cff064246838b0999eedebaa/c.html>
6. [6] Сюй Цзянь. Инновации теории международных отношений Коммунистической партии Китая — от принципов мирного сосуществования и взаимной выгоды к сообществу единой судьбы человечества [J]. Дипломатический обозреватель, 2021, № 4: 1–22.(на кит.яз.)
7. [7] Лю Цзяньпин, Чжоу Цзиньсин. Обзор исследований международной коммуникации идеи сообщества единой судьбы человечества [J]. Журнал Пекинского объединенного университета, 2022, № 4: 57–67.(на кит.яз.)
8. [8] Ли Чжи. Стратегическая коммуникация идеи сообщества единой судьбы человечества [J]. Внешнее распространение, 2022, № 6: 4–7.(на кит.яз.)
9. [9] Ю Цзин, Гэн Цзюнь, Инь Липин. Вызовы и контрмеры международной коммуникации Китая в контексте стратегической коммуникации [J]. Журнал исследований журналистики, 2022, № 23: 49–52.(на кит.яз.)

Нюрнбергский прецедент как точка отсчёта глобальной этики: конфликт универсальных прав человека и культурного релятивизма в современном мире

Ильченко Ольга Алексеевна

Студент (бакалавриат)

Северо-Кавказский федеральный университет

Факультет международных отношений

Департамент мировой политики и зарубежного регионоведения

Ставрополь, Россия

E-mail: ilchenkoolya52@gmail.com

Социокультурная глобализация, характеризующаяся распространением унифицированных стандартов и ценностей, неизбежно сталкивается с разнообразием локальных традиций и культурных парадигм. В этом контексте Нюрнбергский процесс (1945–1946 гг.) выступает ключевым историческим событием. Впервые в истории был установлен приоритет универсальных человеческих ценностей над государственным суверенитетом и национальным правом [2]. Международный военный трибунал отверг аргумент о «законности» действий в рамках национального законодательства, постановив, что существуют «законы человечности», превосходящие локальные юридические нормы. Это заложило основу для центрального конфликта глобализации: возможности применения единых стандартов прав человека ко всем культурам, или же права каждой культуры на собственную интерпретацию этих прав [6].

Нюрнбергский процесс не только привёл к ответственности виновных, но и создал правовую базу, ставшую ядром современной глобальной этики. Устав Трибунала впервые ввёл категорию «преступлений против человечности», неразрывно связанную с идеей универсальности прав человека [1]. Это позволило квалифицировать Холокост, массовые расстрелы (Бабий Яр), создание лагерей смерти (Освенцим), бесчеловечные медицинские эксперименты и использование рабского труда не как «побочные эффекты войны», а как целенаправленную государственную политику, недопустимую в любой культуре. Принципы Нюрнберга установили «жёсткое ядро» прав человека (запрет геноцида, пыток, рабства), подлежащее безусловной защите независимо от культурного контекста [4]. Тем самым был дан ответ на вопрос о существовании универсальных моральных границ, которые нельзя переступать, ссылаясь на традицию или идеологию.

Несмотря на неоспоримый моральный авторитет Нюрнберга, в современном глобализованном мире его наследие сталкивается с серьёзными вызовами со стороны культурного релятивизма, проявляющимися, в частности, в обвинениях в «двойных стандартах». Критики (особенно из стран Глобального Юга, а также постсоветского пространства) указывают, что Нюрнберг был «правосудием победителей», а его принципы в современной политике нередко применяются избирательно [3]. Подобная

практика порождает запрос на релятивизм: если универсальные стандарты используются как инструмент политического давления, то каждая культура вправе защищать свои ценности от внешнего вмешательства. В ряде обществ (включая дискурс о «традиционных ценностях» в России) положения, вытекающие из нюрнбергского наследия (абсолютная ценность индивидуальной свободы, недопустимость дискриминации), вступают в противоречие с коллективистскими, религиозными или патриархальными устоями. Это поднимает вопрос о границе между защитой универсальных прав человека и вмешательством в культурную идентичность.

Важным аспектом социокультурной глобализации является борьба за историческую память. Нюрнбергский процесс создал колоссальный массив доказательств, ставший барьером для ревизионизма. Однако сегодня в глобализованном мире мы наблюдаем попытки пересмотра этих итогов в геополитических целях. Примерами такой эрозии нюрнбергского наследия служат законодательные акты ряда стран Восточной Европы и Прибалтики по демонтажу памятников воинам-освободителям, героизация участников националистических формирований, в том числе дивизий Ваффен-СС, а также резолюции международных институтов (например, ПА ОБСЕ), фактически приравнивающие ответственность нацистской Германии и СССР за развязывание Второй мировой войны [5]. Подобные тренды демонстрируют, как универсальные моральные уроки истории оспариваются в условиях информационных войн, превращая историческую память из фундамента этики в инструмент политической дестабилизации.

Проведённый анализ демонстрирует, что противопоставление «Нюрнберг (универсализм) vs культурный релятивизм» не является абсолютным. Ключ к разрешению этого конфликта лежит в различении уровней применения. Преступления против человечности, определённые Нюрнбергским Трибуналом (геноцид, рабство, массовые казни, пытки), не могут быть оправданы никакими культурными особенностями; в этой сфере релятивизм категорически неприменим. Как показал опыт нацизма, ссылки на «особый путь» и «национальную идеологию» способны привести к катастрофе. Однако в вопросах, не касающихся этого «жёсткого ядра» (таких как гендерные роли, формы демократии, принципы светскости), возможен конструктивный диалог культур и учёт контекстуальных особенностей, что способствует формированию более справедливого и устойчивого глобального этического пространства.

Источники и литература

1. Батырь В. А. Нюрнбергский приговор: уроки истории для будущего // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. №12 (76). С. 197-207.
2. Иванова Т. П., Юран В. П. Судебные процессы над немецкими военными преступниками в СССР и других странах // На пути к гражданскому обществу. 2023. №4 (52). С. 38-41.
3. Нехаев А. В. Наказание (не)виновных? // ОНВ. ОИС. 2023. №3. С. 73-91.
4. Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси: <https://docs.cntd.ru/document/901737883>

5. Филёв М. В., Курганский А. А. Демонтаж памятников как ключевая часть процесса «декоммунизации» на Украине и Польше после 2014 года // Балтийский регион. 2022. №4. С. 146-161.
6. Robert Ernst Conot Justice at Nuremberg // Harper & Row, 1983. P. 583

Геоэкономические и геополитические реалии Восточного Средиземноморья в 2025 году

Израелян Алина Нораировна

магистрант

Северо-Кавказский федеральный университет

Факультет международных отношений

г. Ставрополь, Россия

E-mail: israelian.alya@gmail.com

Аннотация. Восточное Средиземноморье в последние годы превращается в один из ключевых узлов геоэкономической и геополитической конкуренции в системе международных отношений. В работе анализируется энергетический потенциал региона, борьба за морские пространства и влияние инфраструктурных проектов на трансформацию регионального баланса сил. Особое внимание уделяется последствиям конфликта в секторе Газа, кризису судоходства в Красном море и конкуренции глобальных держав за контроль над стратегическими коммуникациями.

Ключевые слова: Восточное Средиземноморье, геоэкономика, энергетическая безопасность, морская геополитика, транспортные коридоры.

Восточное Средиземноморье постепенно перестает восприниматься как периферийное пространство мировой политики и приобретает значение самостоятельного центра стратегической конкуренции. Существенным фактором данной трансформации стало открытие крупных газовых месторождений — «Левиафан», «Зохран» и «Афродита», которые изменили энергетическую конфигурацию региона и усилили интерес к нему со стороны как прибрежных государств, так и внешних акторов [6].

После энергетического кризиса 2022 г. государства Европейского союза активизировали поиск альтернативных источников природного газа. В этом контексте Восточное Средиземноморье рассматривается как перспективный экспортный кластер, способный частично компенсировать сокращение поставок российских энергоресурсов [1]. Данное обстоятельство усилило внимание к инфраструктурным проектам транспортировки газа, включая проект газопровода EastMed, соединяющий месторождения Израиля и Кипра с европейскими рынками через территорию Греции. В

то же время энергетический потенциал региона сопровождается ростом политических рисков. Военные действия в секторе Газа в 2023–2024 гг. привели к временной остановке добычи на израильском месторождении «Тамар», что продемонстрировало уязвимость энергетической инфраструктуры в условиях региональной нестабильности.

Существенным фактором напряженности остается борьба за разграничение исключительных экономических зон. Турция активно продвигает концепцию «Голубой родины» (Mavi Vatan), предполагающую расширение ее морского присутствия. Анкара оспаривает соглашения Греции и Кипра о морских границах и использует военно-морскую активность как инструмент геополитического давления [7].

Египет стремится укрепить свои позиции в качестве энергетического хаба региона благодаря инфраструктуре по производству сжиженного природного газа в Идку и Думьате. Важную роль играет Восточное Средиземноморский газовый форум (EMGF), способствующий координации энергетической политики государств региона. Регион также становится частью более широкой геоэкономической конкуренции мировых держав. Китай реализует инфраструктурные проекты в рамках инициативы Belt and Road Initiative, инвестируя в портовую и логистическую инфраструктуру. В ответ США и их партнеры продвигают проект India–Middle East–Europe Economic Corridor (IMEC), направленный на формирование альтернативного транспортного маршрута между Азией и Европой [3]. Дополнительное давление на региональную систему оказал кризис судоходства в Красном море, вызванный атаками движения «Ансар Аллах» на торговые суда. Сокращение интенсивности прохода через Суэцкий канал увеличило транспортные издержки и показало уязвимость глобальных логистических цепочек [4].

Таким образом, Восточное Средиземноморье превращается в важный узел пересечения энергетических, транспортных и военно-политических интересов. Конкуренция за ресурсы, контроль над морскими пространствами и развитие инфраструктурных коридоров формируют новую конфигурацию сил, оказывающую значительное влияние на региональную безопасность и динамику мировой политики.

Схема 1. Геоэкономическая структура Восточного Средиземноморья

ГЛОБАЛЬНЫЕ АКТОРЫ (США – ЕС – Китай – Индия – Россия)

ВОСТОЧНОЕ

СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

геоэкономический

и

стратегический

узел

ЭНЕРГЕТИКА | МОРСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА | ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ

Источники и литература

1. Барановский В.Г. Современная мировая политика. М., 2022. 480 с.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 2018. 256 с.
3. Камкин А.В. Восточное Средиземноморье в системе международной безопасности. М., 2021. 312 с.

4. Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2020. 432 с.
5. Торкунов А.В. Современные международные отношения. М., 2023. 520 с.
6. Fawcett L. International Relations of the Middle East. Oxford, 2019. 520 p.
7. Öniş Z., Kutlay M. The New Geopolitics of the Eastern Mediterranean // Third World Quarterly. 2022. Vol. 43. P. 1–18.
8. Tsakiris T. The Eastern Mediterranean Energy Security Nexus. Athens, 2021. 210 p.
9. Yergin D. The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations. New York, 2020. 544 p.
10. International Energy Agency. World Energy Outlook 2023 // IEA official website. URL: <https://www.iea.org>

Моргачев Алексей Вячеславович

Магистрант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Факультет мировой политики

Москва, Россия

tsumoscow@yahoo.com

Содействие международному развитию как инструмент политики «мягкой силы» Австрии.

Актуальность исследования определяется современными тенденциями в международных отношениях — традиционные инструменты дипломатии часто оказываются в кризисе, что повышает востребованность альтернативных средств взаимодействия и оказания влияния, в том числе различных инструментов «мягкой силы».

Интересным объектом изучения в этом отношении является Австрия, для которой «мягкая сила» стала важным элементом внешней политики. Так, изучение австрийского опыта (в частности, австрийской политики содействия международному развитию (СМР)[1] как важной части ее политики «мягкой силы») позволяет выявить эффективные практики, которые могут быть адаптированы к условиям российской внешней политики, особенно в контексте происходящего сегодня укрепления позиций РФ в странах Африки, Азии и Латинской Америки.

Научная новизна исследования заключается в том, что в существующей литературе по теории «мягкой силы» основное внимание уделяется опыту крупных держав (России, Китая, США) или ведущих государств Европейского союза, в то время как опыт малых и средних стран (таких, как Австрия) остается сравнительно мало изученным.

Объектом настоящего исследования является внешняя политика и политика «мягкой силы» Австрийской Республики.

Предметом работы выступает политика содействия международному развитию Австрийской Республики как элемент ее политики «мягкой силы».

Цель исследования заключается в выявлении специфики австрийской политики содействия международному развитию в контексте общей политики «мягкой силы» страны.

В основе методологии исследования лежит историко-сравнительный подход, который позволяет проследить эволюцию и рассмотреть особенности австрийской политики «мягкой силы» на протяжении рассматриваемого периода (1995–2025). Данный подход дополнен элементами системного анализа, что позволяет рассматривать австрийскую политику СМР как целостную систему.

В качестве теоретической основы использованы работы Дж. Ная и других авторов по теории «мягкой силы»[6], а также исследования по внешней политике Австрии. Эмпирическая база включает официальные документы Австрии, статистические данные ООН и ОЭСР, материалы Австрийского агентства развития и Австрийского банка развития, а также публичные выступления австрийских политиков.

В ходе исследования установлено, что австрийская политика СМР характеризуется структурированностью и логической согласованностью. Ее институциональная структура включает МИД Австрии[4], Австрийское агентство развития[2] и Австрийский банк развития[7]. Нормативно-правовая база опирается на Федеральный закон о сотрудничестве в целях развития 2002 г. (с поправками 2003 г.)[5] и регулярно обновляемые Трехлетние программы[3], что обеспечивает преемственность и стратегическую направленность. Бюджетные аспекты демонстрируют постепенное увеличение объема официальной помощи развитию, хотя этот показатель все еще остается ниже рекомендованного ООН уровня в 0,7% от ВВП. Географические приоритеты включают получателей помощи из различных регионов — Восточного партнерства (Армения, Грузия, Молдавия), Западных Балкан (Косово), Восточной Африки (Эфиопия, Уганда), Южной Африки (Мозамбик), Западной Африки (Буркина-Фасо), а также Палестинские территории. Тематические приоритеты соответствуют трем основным целям: борьба с нищетой, поддержание мира и обеспечение безопасности, сохранение окружающей среды.

Таким образом, по итогам проведенного исследования можно сделать несколько основных выводов.

Во-первых, содействие международному развитию является одним из ключевых инструментов политики «мягкой силы» Австрии, что особенно важно для нее как для нейтрального государства, ограниченного в использовании силовых средств влияния на международной арене.

Во-вторых, модернизация системы реализации политики СМР (принятие Закона о сотрудничестве в целях развития и создание Австрийского агентства развития) позволила Австрии укрепить и расширить инструментарий своей политики СМР.

В-третьих, австрийская модель СМР демонстрирует, как малое государство может достаточно эффективно укреплять свои международные позиции через развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества.

Наконец, для России австрийский опыт СМР представляет особую ценность в контексте развития собственной политики «мягкой силы» в условиях геополитической конкуренции. В условиях современных вызовов, таких как растущая геополитическая нестабильность, подобные подходы приобретают особую актуальность для всех государств, стремящихся к устойчивому укреплению своих позиций на международной арене.

Список источников и литературы.

1. Пономаренко А.П., Бабинцева Е.А. Политика Австрии в рамках Официальной помощи в целях развития после 2021 г. // Международные отношения. 2024. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-avstirii-v-ramkah-ofitsialnoy-pomoschi-v-tselyah-razvitiya-posle-2021-g> (дата обращения: 24.02.2026).
2. Austrian Development Agency // Austrian Development Agency. URL: <https://www.entwicklung.at/ada> (дата обращения: 24.02.2026).
3. Dreijahresprogramm der österreichischen Entwicklungspolitik 2025-2027 // BMEIA, Außenministerium Österreich. URL: https://www.bmeia.gv.at/fileadmin/user_upload/Zentrale/Aussenpolitik/Entwicklungszusammenarbeit/Dreijahresprogramm_2025-2027.pdf (дата обращения: 24.02.2026).
4. Entwicklungspolitik und -zusammenarbeit // BMEIA, Außenministerium Österreich. URL: <https://www.bmeia.gv.at/themen/entwicklungszusammenarbeit/> (дата обращения: 24.02.2026).
5. Entwicklungszusammenarbeitsgesetz // RIS. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=20001847> (дата обращения: 24.02.2026).
6. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. 210 p.
7. OeEB Startseite // Oesterreichische Entwicklungsbank. URL: <https://oe-eb.at/> (дата обращения: 24.02.2026).

Влияние этнического фактора на политическую стабильность в полиэтнических государствах

Мхоян Аида Залибековна

Магистрант

*Филиал Московского государственного университета имени М.В.
Ломоносова в г. Ереване.*

Направление: «Международные отношения»

Ереван, Армения

E-mail: aida.mkhoyan.02@mail.ru

В условиях глобализации и усиления миграционных процессов этническое разнообразие становится одной из ключевых характеристик современного государства [6]. Одновременно с этим возрастает значение этнического фактора как элемента политической динамики [5]. В ряде случаев он выступает источником конфликтов, сепаратизма и политической дестабилизации [3], тогда как в иных условиях может становиться ресурсом интеграции и устойчивого развития политической системы [2]. Это делает исследование механизмов влияния этничности на политическую стабильность актуальной задачей современной политической науки.

Объектом исследования является политическая стабильность в полиэтничных государствах как сложное социально-политическое явление. Предметом исследования выступает влияние этнического фактора на политическую стабильность, включая его сущность, механизмы воздействия и зависимость от институционального устройства государства и политики управления этническим разнообразием. Цель исследования заключается в выявлении механизмов влияния этничности на политическую стабильность и определении условий, при которых этническое разнообразие становится либо фактором дестабилизации, либо ресурсом устойчивости политической системы.

Теоретико-методологической основой исследования выступает синтез основных подходов к изучению этничности: примордиалистского, инструменталистского и конструктивистского [4]. Примордиализм рассматривает этническую принадлежность как глубоко укорененную форму социальной идентичности, обладающую высокой мобилизационной силой. Инструментализм трактует этничность как политический ресурс, используемый элитами в борьбе за власть и доступ к ресурсам. Конструктивизм, в свою очередь, рассматривает этнические группы как результат социального конструирования и политической мобилизации. Сопоставление данных подходов позволяет выявить комплексный характер этнополитических процессов.

Методология исследования включает сравнительно-политологический анализ, институциональный анализ и кейс-стади. Особое внимание уделяется изучению механизмов политизации этничности [1], включая деятельность этнических элит, мобилизацию групповой идентичности и трансформацию социально-экономических противоречий в конфликты идентичностей.

В работе также анализируются институциональные механизмы управления этническим разнообразием. Рассматриваются различные модели политического устройства, включая федерализм, регионализм, консоциативную демократию и интеграционные стратегии формирования гражданской идентичности. Показано, что эффективность данных моделей во многом зависит от уровня социально-экономического развития [7], политической инклюзивности и способности государственных институтов обеспечивать справедливое представительство различных групп.

Проведенный сравнительный анализ демонстрирует, что этническое разнообразие само по себе не является источником политической нестабильности. Дестабилизация возникает прежде всего в условиях институциональной слабости, политической маргинализации отдельных групп и неравного доступа к ресурсам. В таких условиях этничность превращается в инструмент политической мобилизации и конфликта.

Вместе с тем при наличии эффективных государственных институтов, инклюзивной политической системы и развитой гражданской идентичности этническое разнообразие может выступать фактором устойчивости политической системы и источником социального развития.

Ключевым условием политической стабильности в полиэтничных государствах является не устранение этнического многообразия, а формирование гибких институциональных механизмов управления им, обеспечивающих баланс между сохранением культурной идентичности и интеграцией различных групп в единую политическую систему.

Источники и литература

1. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 74–97.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. — М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. — 288с.
3. Байрамов И. М. Деструктивные механизмы сепаратизма // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2011. – Вып. 2. – С. 238–242.
4. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
5. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
6. Геллнер Э. Нации и национализм: Пер. с англ. /Ред. и послесл. И. И. Крупника. - М.: Прогресс, 1991.-320 с.

7. Зазнаев О.И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии // Полис. Политические исследования. 2021. № 1. С. 25–40.

Международно-правовые аспекты реформирования системы ООН.

Погосян Марийка Петросовна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени

М.В.Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Международные отношения»

Ереван, Армения

E-mail: mariika.pogosyan@yandex.ru

Несмотря на то, что ООН справляется со своей основной задачей – «избавить грядущие поколения от бедствий войны» [2], предотвращая глобальные столкновения масштаба Второй мировой, нельзя утверждать, что организация полностью достигает своих целей. Локальные конфликты продолжают существовать, а население Земли по-прежнему сталкивается с их катастрофическими последствиями: массовой гибелью людей, экологическим ущербом и разрушением инфраструктуры и др.

В данном контексте вопрос изменения системы ООН становится крайне важным. Реформирование ООН представляет собой сложный процесс, включающий в себя широкий комплекс вопросов. Главной проблемой является достижение согласия между всеми сторонами-участниками, преследующими разные цели и имеющие разные взгляды. Именно по этой причине дебаты на тему возможных реформ ведутся с момента создания организации и продолжаются до сих пор. Кофи Аннан рассматривал данную проблему в своей статье «При большей свободе»: он подчеркивал, что когда государства преследуют цели безопасности, развития и защиты прав человека изолированно друг от друга, система неизбежно дает сбой. Его идея заключается в восстановлении единого соглашения, в котором «свобода от страха», «свобода от нужды» и «свобода жить в достоинстве» являются взаимодополняющими целями, которые необходимо преследовать вместе; иначе обязательства в одной области рушатся из-за пренебрежения другими [1]. Политический аспект необходимости реформирования подтверждает Хелен Ли Фиппард, которая утверждала, что история Совета Безопасности показывает, что его постоянные члены действуют не в соответствии с идеалами и стремлениями, закрепленными в Уставе ООН, а в соответствии со своими национальными интересами [3]. Также важно понимать, что в международной политике невозможно добиться стопроцентной выгоды для всех участников: необходимо идти на уступки и

искать компромисс. В связи с этим уместно привести слова Фрэнсиса Уилкокса: «Когда разрабатывается и принимается такой всеобъемлющий документ, как Устав, никто и никогда не получает того, что он хочет, в точности и в полном объеме» [4].

Цель данной работы заключается в рассмотрении международно-правовых аспектов и возможных вариантов реформирования системы ООН.

Задачи:

- изучить международно-правовой статус ООН;
- проанализировать международно-правовые механизмы, а также возможные варианты реформирования системы ООН;
- выявить основные проблемы реформирования системы ООН.

Методологическая база данного исследования предусматривает сочетание общих научных подходов с конкретными методами международно-правового анализа, выбранными в соответствии с поставленными исследовательскими задачами. Международно-правовой статус изучается на основе системного подхода, который оценивает организацию, как неотъемлемый элемент международной системы. Для обращения к документально-правовой базе, уставу ООН, резолюциям, а также отчетам используется метод работы с текстом. При рассмотрении вопросов, связанных с самой реформацией системы ООН применяется институциональный метод. Основные препятствия на пути реформы обобщаются с помощью аналитического метода, который позволяет дать общую оценку возможностей и ограничений реформирования ООН. Данное исследование опирается на реалистическую парадигму международных отношений.

Научная новизна исследования заключается в проведении четкого разграничения между правовой возможностью и политической реальностью, а также анализ разрыва между формальными правовыми процедурами и их практической реализацией.

В целом проведенный анализ подтверждает два вывода: (1) пространство для реформ ООН имеет правовую структуру и не блокируется с юридической точки зрения, но (2) решающим ограничивающим фактором является политика, а именно распределение власти, которое определяет, что государства-члены готовы ратифицировать и реализовать.

Поскольку ООН является организацией, созданной на основе международного договора, её полномочия, компетенции и внутренняя иерархия остаются закрепленными в Уставе. В силу этого дискуссии о реформе не ограничиваются вопросами «институционального дизайна», а представляют собой споры о том, как закон утверждается, толкуется и реализуется в условиях неравного распределения власти.

Источники и литература

1. [1] Аннан К. При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех. Доклад Генерального секретаря ООН. Нью-Йорк, 2005.
2. [2] Устав Организации Объединённых Наций. Преамбула. 1945. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>

3. [3] Leigh-Phippard H. Remaking the Security Council: The Options // The World Today. 1994. Vol. 50. Nos. 8–9. P. 167–172.
4. [4] Wilcox F.O. II. The Yalta Voting Formula // The American Political Science Review. 1945. P. 943.

Трансформация лидерства в мировой политике в условиях глобализации

Родичева Софья Алексеевна

Студент (бакалавриат)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Философский факультет

Москва, Россия

E-mail: i@srodicheva.ru

Современное общество характеризуется активными процессами глобализации, которые сопровождаются усилением взаимозависимости государств, развитием международных институтов и усложнением форм политического взаимодействия. Глобализация приводит к расширению международных связей и формированию многоуровневой системы мировой политики, в которой взаимодействуют государства, международные организации и различные транснациональные акторы. В этих условиях меняется и характер политического лидерства. Если ранее лидерство в мировой политике связывалось преимущественно с возможностью государства реализовывать свою власть и влияние в международной системе, то в условиях глобализации оно всё в большей степени связано со способностью координировать взаимодействие различных участников международных отношений и формировать устойчивые механизмы сотрудничества. Актуальность исследования обусловлена тем, что современные политические процессы развиваются в условиях высокой неопределенности и сложной международной среды. Усиление взаимосвязи политических, экономических и культурных процессов приводит к формированию новых форм международного взаимодействия и требует переосмысления роли политического лидерства в мировой политике. Эффективность политической деятельности в этих условиях во многом зависит от способности лидеров учитывать культурное многообразие, поддерживать международное сотрудничество и выстраивать устойчивые формы взаимодействия между государствами и институтами.

Теоретическую основу исследования составляют классические и современные подходы к анализу власти и лидерства в политической философии и теории международных отношений. В классической политической мысли лидерство рассматривалось прежде всего как форма власти, обеспечивающая поддержание

общественного порядка. Английский философ Томас Гоббс объяснял происхождение государства через концепцию естественного состояния, характеризующегося отсутствием единой власти и постоянной конкуренцией между людьми, что приводит к «войне всех против всех». Для преодоления этого состояния люди заключают общественный договор, передавая часть своих прав суверену, который становится гарантом безопасности и стабильности общества. Далее представления о лидерстве развивает Макс Вебер, который рассматривал власть как социальное отношение господства и подчинения и выделил традиционный, рационально-легальный и харизматический типы легитимного господства. Развитие этих идей в сфере международных отношений получило отражение в работах представителя реалистической школы Ганса Моргентау. В книге «Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир» он рассматривает мировую политику как сферу борьбы государств за власть и влияние, где государства действуют исходя из национальных интересов и соотношения сил. В качестве примера Моргентау анализирует систему европейской дипломатии после Венского конгресса 1815 года, когда ведущие державы стремились поддерживать баланс сил и предотвращать доминирование одного государства в международной системе. Однако развитие процессов глобализации привело к усложнению структуры международных отношений и усилению взаимозависимости государств. Британский социолог Энтони Гидденс рассматривает глобализацию как процесс расширения и углубления взаимосвязей между обществами, при котором события в одной части мира оказывают влияние на другие регионы. В этих условиях возрастает значение новых форм политического влияния. По мнению Джозефа Ная, влияние государств в мировой политике определяется не только военной и экономической мощью, но и способностью использовать механизмы «мягкой силы», основанные на культурной привлекательности, ценностях и дипломатии, что становится важным инструментом политического лидерства в условиях глобализации.

Процессы глобализации приводят к трансформации политического лидерства в мировой политике и расширению круга ее участников. Если в классической международной системе политическое лидерство преимущественно связывалось с борьбой государств за власть и поддержанием баланса сил, то в современных условиях оно всё в большей степени определяется способностью координировать взаимодействие различных акторов мировой политики. Наряду с государствами всё более значимую роль начинают играть международные институты, транснациональные акторы и сетевые формы сотрудничества. В этих условиях политическое лидерство проявляется не только в обладании материальными ресурсами власти, но и в способности формировать международную повестку, поддерживать сотрудничество и использовать механизмы дипломатического и культурного влияния. Современный политический лидер должен учитывать культурное многообразие, сложность глобальных процессов и необходимость выстраивания устойчивых форм взаимодействия между различными обществами и политическими институтами.

Библиография:

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.
2. Гидденс Э. Последствия современности. — М.: Праксис, 2011.
3. Гоббс Т. Левиафан. — М.: Мысль, 2001.
4. Моргантау Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир — М.: Аспект Пресс, 2005
5. Най Дж. Мягкая сила в мировой политике. — М.: Тренды, 2006.

СЕКЦИЯ 3. ПРИКЛАДНАЯ МАТЕМАТИКА И ИНФОРМАТИКА

Восстановление центрально-симметричного тела при помощи распределений длин хорд тела по направлениям *Апинян Левон Арменович*

Аспирант

*Российско-Армянский университет, институт математики и
информатики, Ереван, Армения
E-mail: apinlev00@gmail.com*

Задача нахождения информации или полного восстановления выпуклых тел по распределениям характеристик k -мерных сечений – одна из основных задач стохастической томографии. Решение таких задач выходит далеко за рамки теоретического интереса. Эта область была значительно развита в течение последних десятилетий, когда требовалось все большее количество реальных приложений [1,2,3]. В частности, восстановление выпуклого тела по его случайным сечениям является центральной задачей стохастической томографии. Г. Аверков и Г. Бьянки [2] доказали, что семейство функций распределения длин хорд по направлениям содержит в себе достаточно данных, чтобы восстановить произвольное выпуклое тело в R^2 . Однако универсального алгоритма для восстановления не существует.

Задача настоящей работы состоит в нахождении алгоритма восстановления центрально-симметричного выпуклого тела на основе семейства функций распределения длин хорд по направлениям. Процесс восстановления реализуется через нахождение функций ширины тела и функций самой длинной хорды тела.

$$F_u(t) = P\{|\chi(g_u)| < t; \chi(g_u) = g_u \cap D\} u g_u u \chi(g_u) g_u h_D u \sup_{x \in D} < x, u > u w_D(u) =$$

$h_D u h_D - u l_D u$) Функция распределения длин хорд по направлению определяется следующим образом:

,
где – заданное направление, прямая, имеющая направление , а – хорда, отсекаемая от тела D прямой .

Опорная функция выпуклой фигуры D - $(\cdot)$ определяется как , где – заданное направление. Функция ширины определяется как $(\cdot) + (\cdot)$. Функция самой длинной хорды тела в направлении u обозначается как $(\cdot)$ и представляет собой длину самой длинной среди хорд, отсекаемых от тела всевозможными прямыми в направлении u .

В настоящей работе были получены следующие результаты:

1. $l_D(u) = \min(\text{Arg max}(F_u(t)))$ Самая длинная хорда тела в направлении u , получаемая из функции распределения длин хорд по направлению: .

$$2. \quad w_D(u) = \frac{\max\{\min(\text{Arg max}(F_u(t))) \int_0^\infty (1-F_u(t))dt\}}{u \int_0^\infty (1-F_u(t))dt} \text{Ширина тела в}$$

направлении u , получаемая из функции распределения длин хорд по направлению: .

3. Алгоритм восстановления центрально-симметричных выпуклых тел через функцию распределения длин хорд по направлению.

Источники и литература

1. Santaló L. A. Integral geometry and geometric probability. – Cambridge university press, 2004.
2. Averkov G., Bianchi G. Confirmation of Matheron's conjecture on the covariogram of a planar convex body //Journal of the European Mathematical Society. – 2009. – Т. 11. – №. 6. – С. 1187.
3. Bianchi G. The covariogram determines three-dimensional convex polytopes //Advances in Mathematics. – 2009. – Т. 220. – №. 6. – С. 1771-1808.
- 4.

О задаче управления линейной динамической системой с неразделенными многоточечными и интегральными условиями

Барсегян Эмиль Арменович

Студент (бакалавриат)

Ереванский государственный университет, факультет математики и механики

Ереван, Армения

E-mail: emil.barsegyann@gmail.com

В данной работе рассматривается задача управления линейной динамической системой с классическими краевыми, неразделенными многоточечными и интегральными условиями, наложенными на некоторых частях промежутка времени функционирования системы. Задачи с нелокальными условиями для обыкновенных дифференциальных уравнений рассматривались, в частности, в работах [1, 2, 3].

Рассмотрим управляемый процесс, динамика которого описывается уравнением $\dot{x} = A(t)x(t) + B(t)u(t) + f(t), t \in [t_0, T]$,

$x \in \mathbb{R}^n, A(t) - (n \times n), B(t) - (n \times r), r \leq n, t_0 \leq t \leq T, f(t) - (n \times 1)$ где x – фазовый вектор, A, B – мерные известные матрицы, u – мерный вектор управляющих воздействий (u) , компоненты которого непрерывные функции, f – вектор внешних воздействий.

$x(t_0) = x_0, \quad x(T) = x_T$ Известны начальное и конечное состояния системы: .
 $0 \leq t_0 < t_1 < t_2 < \dots < t_{n_1} < t_{n_1+1} < \dots < t_{n_1+2n_2} < T$ Предполагается, что в промежутках времени для фазового вектора заданы следующие нелокальные условия:
 $\alpha - q_1 F_k - (q_1 \times n) \quad (k = 1, \dots, n_1) \quad \beta - q_2 S_{n_1+2j-1}(t) - (q_2 \times n) \quad (j = 1, \dots, n_2) \quad (q_i \leq n, i = 1, 2)$ где α – мерный вектор-столбец, β – мерная матрица, элементы которой являются вещественными числами, $S_{n_1+2j-1}(t)$ – мерный вектор-столбец, q_i – мерная матрица, элементы которой являются переменными величинами .

$u(t), t \in [t_0, T]$ Требуется найти такое управляющее воздействие , под действием которого движение системы переходит из начального в конечное состояние, удовлетворяя многоточечным и интегральным условиям.

Получены условия существования решения поставленной задачи управления, и данное решение сконструировано. Решена задача управления колебательным движением материальной точки при наличии многоточечных и интегральных условий.

Источники и литература

1. Барсегян В.Р., Барсегян Т.В. Об одном подходе к решению задач управления динамическими системами с неразделенными многоточечными промежуточными условиями // Автомат. и телемех., 2015, № 4. С. 3–15.
2. Барсегян В.Р. Задача управления линейной динамической системой с неразделенными многоточечными условиями и фазовым ограничением интегрального типа // Известия ИМИ УдГУ. 2025. Т. 66. С. 16–30.
3. Барсегян В.Р. Управление составных динамических систем и систем с многоточечными промежуточными условиями. М., 2016.
4. Красовский Н.Н. Теория управления движением. М., 1968.

Система трекинга и анализа взаимодействия игроков на футбольном поле

Матевосян Гарник Багратович

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в г. Ереване.

Направление «Прикладная математика и информатика»

Ереван, Армения

E-mail: MatevosyanGB@my.msu.ru

Объективность и оперативность судебных решений является одной из ключевых проблем современного профессионального футбола. Несмотря на внедрение систем

видеопомощи арбитрам (VAR), анализ игровых эпизодов по-прежнему выполняется преимущественно вручную, что сопряжено с субъективностью оценок и временными затратами. В данной работе рассматривается применение методов компьютерного зрения и глубокого обучения для автоматического анализа видеозаписей футбольных матчей и детекции нарушений. Цель работы – разработать систему, способную отслеживать игроков на протяжении матча, оценивать их позы и взаимодействия, а также обнаруживать нарушения правил.

Система строится как многоэтапный конвейер обработки видеоданных. На первом этапе выполняются детекция игроков и оценка их поз с помощью модели одностадийного детектора, формирующей ограничивающие рамки и координаты ключевых точек тела за один проход [1]. На втором этапе решается задача многообъектного отслеживания с использованием алгоритма, объединяющего предсказание движения на основе фильтра Калмана [2], компенсацию панорамирования камеры и повторную идентификацию игроков по визуальным признакам [3]. Дополнительно выполняется кластеризация игроков по командам на основе цветовых характеристик экипировки [4]. На третьем этапе для каждого игрока извлекаются признаки на основе его позы: углы суставов, скорости движения конечностей, наклон корпуса [5]. Для пар игроков, находящихся в непосредственной близости, вычисляются признаки взаимодействия: относительное расположение конечностей и расстояние до мяча.

На заключительном этапе применяется гибридный подход к детекции нарушений. Экспертный модуль на основе пороговых правил отбирает потенциально значимые эпизоды: моменты контакта, резкие изменения поз, нехарактерные положения конечностей. Затем отобранные эпизоды, представленные в виде временных последовательностей скелетных данных, подаются в обучаемый классификатор, работающий с графовым представлением скелета и учитывающий пространственно-временные зависимости [6]. Такое разделение позволяет снизить вычислительную нагрузку, сосредоточив работу нейросети только на подозрительных фрагментах [7].

Результаты экспериментов показывают, что гибридный подход превосходит как чисто алгоритмический, так и чисто нейросетевой по метрикам точности и полноты. Предложенная система может использоваться как вспомогательный инструмент для судейских бригад, а также для автоматического формирования статистических отчетов о нарушениях в матче.

Источники и литература

1. Cao, Z., Hidalgo, G., Simon, T., Wei, S.-E., & Sheikh, Y. (2019). OpenPose: Realtime Multi-Person 2D Pose Estimation Using Part Affinity Fields. *IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*, 43(1), pp. 172–186.
2. Welch, G., & Bishop, G. (1995). An Introduction to the Kalman Filter. University of North Carolina at Chapel Hill, Technical Report TR 95-041.
3. Aharon, N., Orfaig, R., & Bobrovsky, B. Z. (2022). BoT-SORT: Robust Associations Multi-Pedestrian Tracking. arXiv preprint arXiv:2206.14651.

4. MacQueen, J. (1967). Some Methods for Classification and Analysis of Multivariate Observations. Proceedings of the Fifth Berkeley Symposium on Mathematical Statistics and Probability, 1, pp. 281–297.
5. Zheng, C., Zhu, S., Mendieta, M., Yang, T., Chen, C., & Ding, Z. (2023). 3D Human Pose Estimation with Spatial and Temporal Transformers. IEEE International Conference on Computer Vision (ICCV).
6. Yan, S., Xiong, Y., & Lin, D. (2018). Spatial Temporal Graph Convolutional Networks for Skeleton-Based Action Recognition. AAAI Conference on Artificial Intelligence, 32(1), pp. 7444–7452.
7. Cioppa, A., Deliège, A., Giancola, S., Ghanem, B., & Van Droogenbroeck, M. (2022). SoccerNet: A Scalable Dataset for Action Spotting in Soccer Videos. IEEE/CVF Conference on Computer Vision and Pattern Recognition Workshops (CVPRW).

Проблемы и подходы к управлению памятью в высокопроизводительных вычислительных системах

Петросян Амиран Григорович

*Соискатель ученой степени кандидата наук
Российско-Армянский (Славянский) университет
Кафедра «Системного программирования»
Ереван, Армения
E-mail: petrosyan.amiran@gmail.com*

Современные высокопроизводительные системы и облачные платформы сталкиваются с ограничением memory wall, когда рост мощности процессоров опережает развитие подсистемы памяти. Это снижает эффективность приложений при обработке больших данных, графовой аналитике и ИИ. В традиционных монолитных архитектурах часть памяти остаётся неиспользованной, что препятствует её гибкому перераспределению.

Обзор подходов к управлению памятью включает дезагрегацию ресурсов и формирование масштабируемых пулов. Рассмотрены методы прямого доступа к удалённой памяти, аппаратной когерентности и динамического распределения данных, адаптивные стратегии размещения и миграции с учётом нагрузки, а также оптимизация структур данных и вычисления вблизи памяти для повышения локальности [2,3,6,7]. Такие подходы позволяют минимизировать задержки при доступе к данным и повысить пропускную способность.

Особое внимание уделено когерентности, синхронизации и отказоустойчивости, включая восстановление транзакционной целостности, репликацию и продолжение работы при частичных сбоях. Рассмотрены методы моделирования и симуляции для оценки производительности [1,3,5].

Анализ показывает, что динамическое управление памятью повышает масштабируемость и эффективность НРС-систем. Перспективы связаны с разработкой интеллектуальных алгоритмов распределения памяти, кэширования, а также с совместным проектированием аппаратных и программных решений [3,4,5]. Интеграция адаптивных кэш-механизмов и высокопроизводительных хранилищ типа ключ-значение становится важным направлением для дата-центров нового поколения.

Источники и литература

1. Aguilera M.K., Ben-David N., Guerraoui R., Murat A., Xygkis A., и др. uBFT: Microsecond-scale BFT using Disaggregated Memory [Extended Version] // arXiv:2210.17174. 2022. DOI: 10.48550/arXiv.2210.17174.
2. Lee S., Ponnappalli S., Singhal S., Aguilera M.K., Keeton K., Chidambaram V. DINOMO: An Elastic, Scalable, High-Performance Key-Value Store for Disaggregated Persistent Memory // Proc. VLDB Endowment. 2022. Vol. 15, No. 13. P. 4023–4037.
3. Liu Y., Xie M., Shi S., Xu Y., Litz H., и др. Outback: Fast and Communication-efficient Index for Key-Value Store on Disaggregated Memory // Proceedings of the VLDB Endowment. 2024. № 2 (18). С. 335–348.
4. Murat A., Burgelin C., Xygkis A., Zablatchi I., Aguilera M.K., Guerraoui R. SWARM: Replicating Shared Disaggregated-Memory Data in No Time // Proceedings of the ACM SIGOPS 30th Symposium on Operating Systems Principles (SOSP '24). 2024. С. 24–45. DOI: 10.1145/3694715.3695945.
5. Shen J., Zuo P., Luo X., Su Y., Gu J., и др. Ditto: An Elastic and Adaptive Memory-Disaggregated Caching System // SOSP. 2023. P. 675–691.
6. Tang Y., Lee S., Bhattacharjee A., Khandelwal A. PULSE: Accelerating Distributed Pointer-Traversals on Disaggregated Memory.
7. Wang J., Li C., Wang T., Guo J., Yang H., и др. Survey of Disaggregated Memory: Cross-layer Technique Insights for Next-Generation Datacenters // arXiv:2503.20275. 2025. DOI: 10.48550/arXiv.2503.20275.

Lattice Path Enumeration: Forbidden Zones and a Derivation of the Catalan Numbers

Sargsyan M.Y.

Undergraduate student

*Faculty of Information Technologies,
Eurasia International University of Armenia
Yerevan, Armenia
E-mail: marisargsyan.1644@gmail.com*

Lattice path problems are one of the most fundamental parts of discrete mathematics, as these types of problems stand as the most applicable problems in combinatorics. With this work my aim is to examine an example of a lattice path enumeration problem.

In a $n \times n$ integer grid, how many monotone pathways can be formed from the $(0,0)$ to the (n,n) point if only rightward and upward unit steps can be used? Make sure that the path does not ascend the main diagonal. This last requirement means that the number of upward steps never exceeds rightward steps. The problem states that the region above the diagonal is a forbidden zone, so the paths we find that violate this constraint should be excluded from the count. Here also should be mentioned that this formulation connects to the Catalan numbers, which is one of the most well-known sequences in combinatorics.

The first step into solving the problem and counting the valid paths should be observing the total number of unrestricted monotone paths from the starting point to the destination (n, n) point. Since each path consists of exactly $2n$ steps, n of which are rightward and n are upward, the binomial coefficient is $C(2n, n)$. Now the next step should be isolating the paths that stay on or below the diagonal. For that, we need to apply André's reflection principle. The concept is that every invalid path can be uniquely mapped to a map from $(-1,1)$ to (n, n) by reflecting the portion of the path before its first violation across line $y=x+1$. With this, we establish a one-to-one correspondence between invalid paths and all paths from $(-1, 1)$ to our destination. The count of those paths becomes $C(2n, n-1)$. Subtracting, we get that the number of valid paths equals $C(2n, n) - C(2n, n-1)$, which simplifies the closed form $C(2n, n)/(n+1)$. This quantity is precisely the n th Catalan number: C_n .

The n -th Catalan number, given by $C_n = C(2n,n)/(n+1)$, counts exactly the valid paths — for instance, yielding 5 paths for $n=3$ — and represents only a $1/(n+1)$ fraction of all unrestricted routes, despite growing exponentially; as Stanley (2011, p. 222) notes, Catalan numbers count lattice paths ‘never going above the diagonal.’

Constrained lattice path problems' usage goes beyond pure mathematics, and it has direct applications in computer science and technology. Underlying routing algorithms in chip design, for example, or their usage in probabilistic models in machine learning makes understanding these problems a foundational skill in today's technological world.

Источники и литература

1. Koshy, T. (2008). Catalan Numbers with Applications. Oxford University Press.
2. Stanley, R. P. (2011). Enumerative Combinatorics, Volume 1 (2nd ed.). Cambridge University Press.
3. Weisstein, E. W. (n.d.). Catalan Number. MathWorld — A Wolfram Web Resource.
4. [n1] [n2] [n3]
- 5.

**Повышение точности алгоритма отождествления данных в системе
траекторной обработки радиолокационной информации**
Сирунян Ваагн Телемакович

Аспирант

*Российско-армянский университет, институт математики, физики и
высоких технологий*

Ереван, Армения

E-mail: vahagnsirunyan@gmail.com

Одной из основных задач траекторной обработки (ТО) [1] является задача отождествления данных (ОД), заключающаяся в присвоении каждой поступившей на очередном такте обзора отметки той или иной траектории. Алгоритмы её решения состоят, как правило, из двух основных шагов: для каждой траектории вычисляется область пространства (строб) с наибольшей вероятностью нахождения очередной отметки, и из стробированных отметок выбирается оптимальная для данной траектории. Точность алгоритмов ОД в значительной степени зависит от способа построения строба. Проще всего выставлять строб вокруг последней отметки данной траектории. В этом случае размеры строба должны учитывать максимальное возможное изменение параметров цели за промежуток времени между предыдущей и новой отметками и погрешности измерения. Для уменьшения строба его часто строят вокруг положения цели, экстраполированного на момент очередного измерения. В этом случае размер строба зависит от погрешностей измерений и экстраполяции и при малой погрешности экстраполяции он значительно меньше, чем в первом случае.

$L_{min}L_{max}L_{max}\sigma\Sigma\sigma \leq \Sigma\Sigma L_{min}L_{min}\Sigma R = \Delta + \delta\Delta\delta$ Данная работа посвящена применению линейной экстраполяции (ЛЭ) на динамическом интервале и динамическому вычислению размера строба в процедуре ОД. Улучшение алгоритма экстраполяции и стробирования повысит точность алгоритма ОД. Результат ЛЭ движения цели на следующий такт зависит от количества точек (длины интервала), используемых для экстраполяции. Предлагается оценивать качество экстраполяции среднеквадратическим отклонением (СКО) измерений, используемых для экстраполяции, от линейной аппроксимации: если на взятом интервале приближенные значения близки к измеренным, то и экстраполированное значение с большей вероятностью будет близко к положению цели. Регулировать длину интервала предлагается исходя из СКО: ввести наибольшую и наименьшую длину интервала и , провести аппроксимацию на интервале , вычислить СКО и сравнить с максимальным допустимым СКО . Если , провести ЛЭ на данном интервале. Иначе — уменьшить длину интервала на единицу и снова сравнить СКО с , продолжать пока не будет получено допустимое СКО или пока длина интервала не достигнет . Если при достижении длины интервала СКО по-прежнему превышает , экстраполяция проводится на интервале с наименьшим СКО из полученных. Такой подход позволяет использовать для

экстраполяции наибольшее количество измерений, при котором траектория на интервале остается достаточно близкой к линейной. Размер строба предлагается вычислять по формуле $\Delta t = \frac{\Delta r}{v}$, где Δr — наибольшее отклонение на интервале, а v — погрешность при совершении маневра. Описанный подход позволяет уменьшить влияние погрешностей на результат экстраполяции, сохраняя адекватность ЛЭ, что дает возможность строить маленький строб, снижая вероятность ложных отождествлений, сохраняя высокой вероятностью верного отождествления. Алгоритм на основе описанного метода применен в системе ТО радара [2] и показал более высокую эффективность по сравнению с экстраполяцией на интервале фиксированной длины с фиксированным размером строба.

Источники и литература

1. Коновалов А.А. Основы траекторной обработки радиолокационной информации часть 1. СПб: Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2013.
2. Boo Vision: <https://www.boo-vision.com>
- 3.

Применение диффузионных моделей для восстановления изображений с разными видами искажений

Хечоян Ани Арутюновна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Ереване.

Направление: «Прикладная математика и информатика»

Ереван, Армения

E-mail: khechoiana@my.msu.ru

Восстановление изображений с различными видами искажений является одной из актуальных задач компьютерного зрения и имеет широкий спектр практических применений, включая реставрацию произведений искусства, медицинскую визуализацию, обработку архивных материалов и фотографий. В данной работе исследуются современные методы восстановления изображений на основе диффузионных вероятностных моделей шумоподавления (Denoising Diffusion Probabilistic Models, DDPM).

В качестве методов восстановления используются RePaint, DiffPIR и CoPaint [1, 2, 4], предназначенные для работы с различными типами искажений, включая скрытые фрагменты, шум и структурные повреждения.

Целью работы является разработка интеллектуальной системы восстановления изображений, основанной на комбинации классификатора типов искажений и набора специализированных методов восстановления. Для реализации классификации используется архитектура Efficient-B0 [3], обеспечивающая эффективное соотношение точности и вычислительной сложности. Предлагаемая система автоматически анализирует входное изображение, определяет тип искажения и выбирает соответствующий алгоритм восстановления, что позволяет повысить качество реконструкции по сравнению с применением одного универсального метода.

В ходе исследования проводится сравнительный анализ методов по количественным метрикам качества восстановления (PSNR, SSIM), а также оценивается влияние типа и масштаба искажений на итоговый результат.

Полученные результаты демонстрируют, что комбинированный подход, основанный на предварительной классификации и последующем применении специализированного алгоритма, обеспечивает более устойчивое и качественное восстановление изображений при различных искажениях.

Источники и литература

1. Guanhua Zhang, Jiabao Ji, Yang Zhang, Mo Yu, Tommi Jaakkola, Shiyu Chang. Towards Coherent Image Inpainting Using Denoising Diffusion Implicit Models
2. Lugmayr A., Danelljan M., Romero A., Yu F., Timofte R., Van Gool L. RePaint: Inpainting Using Denoising Diffusion Probabilistic Models // CVPR. 2022.
3. Mingxing Tan, Quoc V. Le, EfficientNet: Rethinking Model Scaling for Convolutional Neural Networks
4. Yuanzhi Zhu, Kai Zhang, Jingyun Liang, Jiezhong Cao, Bihan Wen, Radu Timofte, Luc Van Gool. Denoising Diffusion Models for Plug-and-Play Image Restoration

СЕКЦИЯ 4. ЛИНГВИСТИКА И ЖУРНАЛИСТИКА

Лингвистическая одаренность в составе редких форм одаренности младших школьников

*Алимпиева Алена Алексеевна,
Студент (бакалавриат)*

*Самарский государственный социально-педагогический университет, г.
Самара, Россия*

*факультет лингвистики
E-mail: klar1992@gmail.com*

Современная наука вплотную приблизилась к решению проблемы изучения одаренности нестандартных, относительно редко встречающихся форм. Так, лингвистическая одаренность детей может устойчиво проявляться вместе с музыкальной и творческой [2, 38-40].

В качестве базовой дефиниции в рамках настоящего исследования принимается позиция коллектива авторов – Г.В. Хитровой, Е.И. Гусевой, Н.Г. Тихомировой. Согласно их трактовке, лингвистическая одаренность представляет собой качественно своеобразное сочетание способностей, обеспечивающее успешность осуществления речевой деятельности. Данный феномен характеризуется «повышенным уровнем способностей к ускоренным процессам мышления на чужом языке, к активной познавательной деятельности в области теории и истории языка, к креативности в выборе способов общения на иностранном языке, к устойчивой мотивации в изучении языка» и, соответственно, относится к одному из видов специальной одаренности. Ключевым является внимание к единству мотивации и познавательных процессов, которое отличает подлинную одаренность от обычной академической успешности [5, 243].

Музыкально-лингвистическая аналогия замечена нами между интонационным слухом как точным распознаванием коммуникативных архетипов музыкально одаренными людьми [3, 90] и музыкальным слухом в проявлениях лингвистической одаренности [1, 112]. Младший школьник, обладающий музыкально-лингвистической одаренностью, быстрее своих ровесников учится понимать смыслы речи на родном и других языках.

Проведенный теоретический анализ позволяет резюмировать, что лингвистическая одаренность является междисциплинарной категорией, находящейся на стыке психолингвистики, психологии и педагогики. Сложность проверки ее достоверности возрастает из-за того, что в младшем школьном возрасте выявление особенностей возможно, как при прямом наблюдении за языковыми способностями, так и при отслеживании проявлений комплексной – синкретической, или «дуовекторной» - одаренности. Последняя, до сих пор недостаточно полно изученная и относящаяся к числу редких, часто скрывает лингвистическую составляющую, выражаясь через развитый музыкальный слух, чувство ритма или невербальную творческую активность.

Поэтому анализ языковых достижений вне контекста общей картины одаренности ребенка может привести к неполным или неточным результатам диагностики.

Соответственно, целесообразно использовать для диагностики лингвистической одаренности методики, которые позволяют не только определять специфические способности к освоению языков, но и оценивать творчество, наличие одаренности, «сопровождающей» лингвистическую. Применение комплексных методик позволяет зафиксировать предпосылки к формированию лингвистической одаренности в тех случаях, когда она еще не успела оформиться в явные академические достижения, но уже существует как потенциал. Подобный подход отвечает требованиям развивающего образования и обеспечивает прогнозирование перспектив успешной реализации ребенка в направлениях изучения родного и иностранных языков.

В соответствии с вышесказанным планируется проведение комплексной диагностики, направленной на верификацию взаимосвязей между лингвистической одаренностью, другими видами одаренности (прежде всего, музыкальной), творческими способностями младших школьников. В диагностический инструментарий мы включили следующие методики:

1. Методика исследования словесно-логического мышления Э.Ф. Замбацявичене, ориентированная на оценку сформированности вербальных мыслительных операций.
2. Тест лингвистической одаренности Г. Айзенка, используемый для оценки общих интеллектуальных способностей и, в частности, лингвистического потенциала.
3. Тест «Сигналы с другой планеты» Л.Ю. Калининой и Д.В. Иванова, предназначенный для выявления лингвистической одаренности в комплексе с музыкальной одаренностью и творческими способностями, адаптированный нами соответственно возрастным особенностям младших школьников.

Помимо перечисленных методик, исследование предусматривает анализ текущей успеваемости младших школьников с целью выявления корреляций между академической успешностью, проявлениями академической одаренности и наличием предпосылок к лингвистической одаренности. Дополнительным ресурсом выступает участие в работе онлайн-лаборатории «ЛАРНОД», предоставляющей доступ диагностическому инструментарию, позволяющему в дистанционном режиме определить признаки детской одаренности в различных сферах [4].

Дальнейший количественный и качественный анализ данных, полученных с помощью всех перечисленных методик, должен позволить не только проверить наличие лингвистической одаренности у детей, но и определить ее взаимосвязь с уровнем общего интеллектуального развития и творческими способностями. Такой подход, создаст основу для обоснования предпосылки о том, что лингвистическая одаренность в раннем школьном возрасте зачастую является элементом сложных, многоаспектных и редко выявляемых психологических структур, диагностика которых невозможна без использования комплексных, многокритериальных методов оценки.

Источники и литература

1. Игна О.Н. «Слагаемые» лингвистической одаренности и способностей к иностранным языкам // Актуальные проблемы лингводидактики,

- лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2012. № 10 (125). С. 109-113.
2. Калинина Л.Ю. Результативность диагностического инструментария на основе музыки в педагогической диагностике дуовекторной одаренности дошкольников // Музыкальное искусство и образование. 2025. Т. 13. № 3. С. 33–51.
  3. Кирнарская Д.К. Психология специальных способностей. Музыкальные способности. М.: Таланты - XXI век. 2004.
  4. Онлайн-лаборатория «ЛАРНОД»: Онлайн лаборатория ЛАРНОД
  5. Хитрова Г.В., Гусева Е.И., Тихомирова Н.Г. Психолого-педагогические условия развития лингвистических способностей младших школьников // Ярославский педагогический вестник. 2014. №4. С. 242-248.
  - 6.

Сохранение культурного кода при переводе реалий в пьесах А.П. Чехова «Три сестры» и «Вишнёвый сад» на английский и армянский языки

*Атаджанян Лаура Тиграновна
Студент (бакалавриат)*

*Филиал Московского государственного университета имени
М. В. Ломоносова*

Направление «Лингвистика»

Ереван, Армения

E-mail: lauraatadjanyan1@gmail.com

Перевод художественного произведения — это не просто перенос слов с одного языка на другой, но и сохранение культурного, исторического и социального контекста. В пьесах А.П. Чехова «Вишнёвый сад» [4,250] и «Три сестры» [5,121] содержится множество реалий, отражающих особенности русской жизни конца XIX — начала XX века. Эти реалии формируют атмосферу произведения, раскрывают характеры героев, социальные отношения и культурные особенности, а также несут символическое значение, которое необходимо учитывать при переводе.

Реалии представляют собой уникальные объекты, понятия или явления, характерные для конкретной культуры и не имеющие прямых эквивалентов в других языках [3,34]. Их перевод затруднён из-за необходимости передачи историко-культурной значимости, символики и эмоционального окраса слов и выражений. Даже при подборе близких по значению эквивалентов часть культурного смысла и эмоциональной насыщенности может быть утрачена. Кроме того, реалии часто многозначны и стилистически окрашены, что усложняет их адекватное воспроизведение

в другом языке. Одно и то же слово или выражение в разных контекстах может восприниматься по-разному, а попытка дословного перевода может привести к искажению смысла.

В данном исследовании анализируются основные проблемы и способы перевода реалий на английский [6,15] и армянский языки [8,28]. Основные трудности связаны с отсутствием эквивалентов, различиями в восприятии исторических, социальных и бытовых явлений, а также символическим значением ключевых объектов и образов. Так, «вишнёвый сад» в одноимённой пьесе — это не просто сад, а символ уходящей дворянской России, который должен быть передан не только на лексическом уровне, но и с учётом культурного контекста.

Пьесы Чехова насыщены различными типами реалий: историко-культурными (особенности дворянского уклада, привычки и традиции); социально-бытовыми (предметы повседневного обихода, одежда, мебель, развлечения); административно-правовыми (аспекты владения землей, аренды, положение крестьян) и литературно-художественными (цитаты, отсылки к фольклору)[2,75]. Каждая из этих категорий требует особого подхода при переводе, чтобы сохранить культурный код произведения.

Анализ показывает, что в английских переводах [7,15] основными способами передачи реалий являются транскрипция и транслитерация, позволяющие сохранить звучание оригинала и передать национальный колорит; калькирование, при котором слово или выражение переводится дословно; описательный перевод, раскрывающий смысл реалии через пояснение; а также подбор функционального аналога, заменяющего реалии на слова или выражения с близким значением в культуре целевого языка[1,89]. Такие приемы делают текст доступным для западного читателя, однако частично снижают точность передачи историко-культурного контекста и символического значения реалий.

В армянских переводах[9,802], благодаря культурной близости аудитории, применяются комбинации прямых соответствий, заимствований, функциональных аналогов и культурных замен. Это позволяет сохранить большую часть историко-бытового и социального контекста, обеспечивая естественное и органичное восприятие текста. Культурные и бытовые реалии передаются глубже, что способствует сохранению социально-культурной атмосферы произведений и более точной передаче символики.

Таким образом, сохранение культурного кода при переводе реалий требует комплексного подхода и глубокого понимания исходной культуры. Эффективный перевод возможен только при учёте символики, культурной значимости и особенностей восприятия аудитории целевого языка. Английские и армянские переводы демонстрируют разные стратегии адаптации: английские версии ориентированы на западного читателя и упрощают текст, армянские — благодаря культурной близости сохраняют большую часть социальной, бытовой и историко-культурной окраски.

Источники и литература

1. Беспалова О.Н. Проблемы перевода реалий русской литературы XIX века на английский язык // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2005. № 2. С. 88–95. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-problemnyh-aspektah-perevoda-problema-perevoda-realiy-v-hudozhestvennyh-proizvedeniyah>
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. С. 5-432. — URL: http://lib.yusu.am/disciplines_bk/b15a16a77c61f49f6da93583d3ebc30c.pdf
3. Гак В.Г. Реалии и их передача при переводе // Вопросы языкознания. 1977. № 2. С. 33–40. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dve-strategii-perevoda-realiy>
4. Чехов А.П. Вишневый сад / А.П. Чехов. — Москва : Издательство АСТ, 2023. - 352с.
5. Чехов А. П. Три сестры: пьеса / А. П. Чехов. — Мещерякова ИД, 2024. — 152 с.
6. Chekhov, Anton. The Cherry Orchard: A Comedy in Four Acts. Translated by Richard Nelson, Richard Pevear, and Larissa Volokhonsky, Theatre Communications 40Group, 2015.
7. Chekhov, Anton. Three Sisters: A Play in Four Acts. Translated by Sarah Ruhl. — New York: Concord Theatricals, 2015. — PDF.
8. Չեխով Ա. Պ. Բալննու այգի // Ընտիր երկեր: — Երևան: «Սովետական գրող», 1987: — էջ 717–793:
9. Չեխով Ա. Պ. Երեք քույր // Ընտիր երկեր: — Երևան: «Սովետական գրող», 1987: — էջ 793–864:

Рефлексия, автономия и обратная связь в университетском обучении иностранному языку: reworkive-подход

Ахмаджонов Авазбек Акмалжон угли

докторант третьего года обучения Кокандского Государственного

Университета

Коканд, Узбекистан

e-mail: aaxmadjonov77@gmail.com

Современная филология все чаще обращается к прикладным вопросам: как организовать обучение иностранному языку так, чтобы студент не только воспроизводил выученные структуры, но и становился субъектом собственной учебной деятельности. В вузовской аудитории эта задача особенно актуальна для уровней В2–

C1, когда накопленные языковые средства позволяют переходить к анализу, оценке и созданию сложных текстов. В прикрепленных тезисах предлагается «reworkive framework» — структурированный циклический подход, нацеленный на развитие автономии и повышение языковой компетентности иностранных студентов [1;1].

Концептуально модель строится вокруг четырех компонентов: reflection, work, innovative, feedback [1;1]. Важно, что это не перечень разрозненных методик, а повторяющийся учебный цикл, где каждый элемент поддерживает следующий. «Reflection» задает метакогнитивный ракурс: студент фиксирует трудности, формулирует цели и критерии успеха. «Work» обеспечивает регулярную работу с языковым материалом и академическими жанрами. «Innovative» (в тексте также IVE — innovative & engaging) переводит освоенные средства в продуктивную практику: проекты, дискуссии, проблемные задания. Наконец, «Feedback» замыкает цикл, превращая результаты деятельности в точные ориентиры для следующего витка обучения.

Рефлексия как основание автономии имеет прочную теоретическую опору в исследованиях саморегуляции. В обзоре Б. Циммермана саморегулируемое обучение описывается как процесс, включающий постановку целей, стратегическое планирование, мониторинг выполнения и последующую самооценку результатов [2; 64–66]. Для филологической подготовки это принципиально: освоение лексики, грамматики и дискурсивных норм требует длительного накопления «малых» улучшений, а без осознанных стратегий студенты часто остаются зависимыми от внешнего контроля.

Практическая реализация цикла в тезисах описана на уровне недельного планирования. На этапе reflection студенты заполняют направляемые самооценки «в конце каждого модуля», отмечая сильные и слабые стороны и используемые стратегии [1;2]. Этап work переносится в домашние задания: анализ академических текстов, подготовка аргументов для дебатов, написание критических откликов. Этап innovative организуется в классе (ролевые игры, совместные проекты, решение проблемных задач), что позволяет использовать язык как инструмент мышления и общения, а не как «объект» заучивания.

Ключевой механизм устойчивости цикла — обратная связь. В классическом обзоре Дж. Хэтти и Х. Тимперли подчеркивается, что feedback может быть «одним из самых сильных факторов», влияющих на обучение и достижения, однако его эффект зависит от качества и адресности [Hattie, Timperley 2007: с. 81]. В филологическом образовании это означает переход от оценивания «за ошибку» к формату «подсказки для следующего шага»: что именно улучшить в связности текста, в точности лексического выбора, в аргументации и жанровой уместности.

Отдельного внимания заслуживает заявленная в тезисах логика «подготовка — применение — переосмысление». Домашняя работа здесь не дублирует классную, а подготавливает материал для инновационных, «выводящих» заданий, где студент вынужден перестраивать знания под новую коммуникативную задачу. Такой перенос особенно ценен для формирования академического письма и устной аргументации:

студент учится управлять регистром, строить тезисно-доказательную структуру, использовать источники и метаязык анализа.

Эмпирические результаты, приведенные в прикрепленном тексте, указывают на рост языковой успешности и автономии. В экспериментальной группе после курса отмечено «заметное улучшение» навыков, особенно в письме и говорении, а также повышение точности, беглости и сложности высказывания по сравнению с контрольной группой. Отдельно фиксируется усиление метакогнитивных умений и уверенности студентов в управлении собственным обучением. Для филолога-практика это важный аргумент: автономия проявляется не как абстрактная ценность, а как измеряемое изменение в языковом продукте.

При этом внедрение подхода требует учета ограничений. Авторы отмечают начальные трудности студентов, связанные с самонаправленностью заданий, и необходимость методической подготовки преподавателя для поддержания инновационного компонента. Следовательно, в вузе целесообразно вводить цикл постепенно: начинать с кратких рефлексивных чек-листов и «микро-фидбэка», а затем расширять проектную часть и самостоятельное планирование.

В целом reworkive-подход можно рассматривать как филологически оправданную модель, соединяющую языковую практику, когнитивную работу и культуру академического взаимодействия. Его ценность — в повторяемой структуре: студент регулярно рефлексивует, выполняет осмысленную работу, применяет язык в «вызывающих» задачах и получает обратную связь, которая задает траекторию дальнейшего развития. Такой цикл способствует формированию устойчивой учебной автономии и повышает качество языкового высказывания в жанрах, значимых для университетской филологии.

Источники и литература

1. Ахмаджонов А.А. Implementing the Reworkive Framework for Independent Learning. Т. 2025.
2. Zimmerman B.J. Becoming a self-regulated learner: An overview. Л. 2002.
3. Hattie J., & Timperley H. The power of feedback. 2007.

Искусственный интеллект в формировании иноязычной коммуникативной компетенции: возможности и ограничения

Бабаян Адрине Бабкеновна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

*Ломоносова в г. Ереване
Ереван, Армения
E-mail: adrinbabayan@mail.ru*

Проблема формирования иноязычной коммуникативной компетенции рассматривается в современной методике как ключевая цель обучения иностранному языку. В рамках коммуникативного подхода компетенция понимается как совокупность лингвистических, социолингвистических и стратегических компонентов [3], а также как способность к эффективному и уместному речевому взаимодействию [7]. В общеевропейской традиции данное понимание закреплено в документах Council of Europe, где коммуникативная компетенция описывается как интегративная система знаний, умений и стратегий (Council of Europe, 2001).

В условиях цифровой трансформации образования особую актуальность приобретает вопрос о роли искусственного интеллекта (ИИ) в формировании данной компетенции. Современные исследования в области цифровой дидактики подчеркивают, что ИИ способен обеспечивать адаптивность обучения, анализ больших массивов учебных данных и персонализацию образовательных траекторий [6]. Систематический обзор исследований по применению ИИ в высшем образовании демонстрирует устойчивый рост интереса к интеллектуальным обучающим системам, автоматической проверке письменной речи и анализу устных высказываний [8].

Дидактический потенциал ИИ в обучении иностранным языкам проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, технологии адаптивного обучения позволяют реализовать принцип индивидуализации, о необходимости которого неоднократно писали методисты [1]. Во-вторых, автоматизированная обратная связь способствует развитию продуктивных видов речевой деятельности, обеспечивая оперативную коррекцию ошибок и стимулируя рефлексию (Chapelle, 2001). В-третьих, генеративные модели создают условия для моделирования квазиреальных коммуникативных ситуаций, что усиливает практико-ориентированную направленность обучения.

В то же время ряд исследователей подчеркивает необходимость критического осмысления внедрения ИИ в образовательную практику. Согласно рекомендациям UNESCO (UNESCO, 2023), использование генеративных систем требует соблюдения принципов академической честности, прозрачности алгоритмов и защиты персональных данных. Кроме того, существует риск формализации речевой деятельности при недостаточном учете социокультурного контекста коммуникации.

Таким образом, искусственный интеллект обладает значительным потенциалом в формировании иноязычной коммуникативной компетенции, обеспечивая персонализацию, интерактивность и расширение коммуникативной практики. Однако его применение должно быть методически обоснованным и интегрированным в систему смешанного обучения, где ведущая роль принадлежит преподавателю как медиатору межкультурного взаимодействия и организатору образовательного процесса.

Источники и литература

1. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. — М.: Просвещение, 1991.
2. Сафонова В. В. Социокультурный подход к обучению иностранным языкам. — М.: Высшая школа, 2004.
3. Canale M., Swain M. Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing // Applied Linguistics. 1980. Vol. 1 (1). P. 1–47.
4. Chapelle C. A. Computer Applications in Second Language Acquisition: Foundations for Teaching, Testing and Research. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
5. Council of Europe. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
6. Holmes W., Bialik M., Fadel C. Artificial Intelligence in Education: Promises and Implications for Teaching and Learning. — Boston: Center for Curriculum Redesign, 2019.
7. Hymes D. On Communicative Competence // Sociolinguistics. — Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 269–293.
8. Zawacki-Richter O., Marín V. I., Bond M., Gouverneur F. Systematic Review of Research on Artificial Intelligence Applications in Higher Education // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2019. Vol. 16.
9. Интернет-источники
10. UNESCO. Guidance for Generative AI in Education and Research. — Paris, 2023.

В лабиринтах памяти: взаимодействие времени и памяти в романе Орхана Памука «Музей невинности»

Бадеян А. А.

Студент (бакалавриат)

Ереванский государственный университет, факультет востоковедения

Кафедра: «Тюркологии»

Ереван, Армения

E-mail: anushikbadeyan1234@mail.ru

Роман Нобелевского лауреата Орхана Памука «Музей невинности» представляет собой исследование человеческой памяти и восприятия времени в контексте любви и утраты. Автор показывает, что время в произведении не является линейной категорией,

а превращается в пространство внутреннего переживания героя [2]. Главный персонаж, Кемаль, не способен примириться с течением времени и обращается к памяти как к единственному способу сохранить прошлое и собственную идентичность. Собирая предметы, связанные с любимой женщиной, он создает свой «музей памяти», где время как бы останавливается, превращаясь в символ человеческого стремления к бессмертию [3].

В данной работе рассматривается взаимодействие категорий времени и памяти в романе Орхана Памука «Музей невинности» через призму экфрасиса [5] и символического пространства музея. Особое внимание уделяется тому, как материальные объекты становятся носителями памяти и формируют индивидуальное восприятие прошлого [1]. Исследование основано на аналитическом методе, что позволяет глубже раскрыть внутреннюю логику художественного времени и психологическую структуру персонажей.

Анализ романа показывает, что Памук создает особую модель существования, в которой память становится не только формой художественного выражения, но и средством самосохранения личности. Главный герой использует воспоминания и собранные предметы как способ вернуть утраченную целостность своего «я» и противостоять разрушительному течению времени [4]. Таким образом, работа подчеркивает, что «Музей невинности» - это не просто история любви, а размышление о человеческой памяти как об инструменте восстановления утраченной идентичности.

Источники и литература

1. Korkut Naykı N., Edebiyat çalışmaları ve psikoloji // Pivolka. 2012. No. 22(7). С. 1-3.
2. Pamuk O. Masumiyet Müzesi. 8nd ed. Istanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2006.
3. Pamuk O., Şeylerin Masumiyeti. [Istanbul, 2012].
4. Masumiyet Müzesinin resmi sitesi: <https://www.masumiyetmuzesi.org>
5. Ekphrasis; Oxford Reference: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/oi/authority.20110803095745196>

Новая роль преподавателя иностранных языков в современном, цифровом образовании

Бондаренко Петр Андреевич

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Лингвистика»

Ереван, Армения

E-mail: petr.and.bondarenko@gmail.com

Главной темой научной статьи является подробный анализ современной роли преподавателя ИЯ как «архитектора цифрового пространства» через призму внедрения новейших технологий в образование и расширение профессиональных знаний и навыков, при этом учитываются как преимущества, так и сопутствующие сложности.

Актуальность данной темы заключается в том, что на сегодняшний день появляются все новые методы преподавания иностранного языка, онлайн-платформы и сайты, оценивающие уровень владения языком, и педагогам приходится постоянно развивать цифровую компетенцию для того, чтобы освоить новейшие технологии и научиться ими пользоваться при разработке персонализированных учебных планов.

Ещё одну немаловажную роль играет мотивационно-личностная компетенция, поскольку она включает в себя желание и мотивы осуществлять обучение иностранным языкам на основе цифровых материалов [2]. Образовательный процесс претерпевает существенные изменения в связи с информатизацией средств обучения, управления, инструментов, обеспечивающих взаимодействие между субъектами учебного и воспитательного процесса и т.д. [4].

На сегодняшний день наблюдается высокий спрос на обучение с использованием цифровых ресурсов как среди студентов, так и среди начинающих преподавателей. Это свидетельствует о том, что интеграция технологий в образовательный процесс в целом воспринимается как положительная тенденция. Вместе с тем следует учитывать, что избыточная технологизация процесса обучения иностранным языкам не всегда обеспечивает достижение планируемых образовательных результатов. Поэтому важной профессиональной задачей преподавателя является развитие у обучающихся цифровой компетентности.

Цель работы представляет собой подробный разбор особенностей цифрового преподавания, современных требований к учителям ИЯ и вызовов, с которыми те сталкиваются на сегодняшний день. В статье также рассматривается вопрос о том, будут ли образовательные технологии способствовать развитию профессиональной компетентности преподавателя иностранного языка или приведут к трансформации его профессиональной роли.

Теоретическая часть исследования включает междисциплинарный подход, анализ формирования цифровой компетентности и рассмотрение дидактического потенциала современных технологий.

Эмпирическая база представлена онлайн-опросом, посвящённым готовности преподавателей использовать технологии на основе искусственного интеллекта в современной образовательной практике. В качестве основы рассматривается исследование доктора педагогических наук С. В. Титовой (МГУ, 2025 г.), включавшее анкетирование и рефлексивный опрос. В исследовании приняли участие 110 респондентов. Анкетирование было направлено на оценку уровня информированности

и технологической компетентности преподавателей, тогда как рефлексивная часть позволила выявить их субъективное отношение к процессу цифровизации образования.

Результатом опроса стало структурирование компонентов цифровой компетентности и анализ этапов её формирования у преподавателей. Опрос показал, что большинство учителей ИЯ успешно применяют данную компетенцию в образовательном процессе.

Для эффективного и целесообразного преподавания иностранного языка педагогу недостаточно владеть лишь предметными, педагогическими и методическими знаниями и умениями. Современные условия образования требуют от преподавателя сформированной цифровой компетентности, предполагающей освоение новых электронных ресурсов, их грамотное применение в образовательном процессе, а также развитие персонализированного подхода к обучению. Также учителя должны постоянно обновлять свою общепрофессиональную и предметную подготовку [3].

Необходимо отметить, что технологии на основе искусственного интеллекта, обладающие высоким дидактическим потенциалом, способны оптимизировать процесс проектирования учебных программ за счёт автоматизации рутинных операций. [1].

Интеграция технологий в образовательный процесс не заменяет деятельность преподавателя, а расширяет её возможности, способствуя повышению качества подготовки будущих специалистов.

Источники и литература

1. Титова, С.В., Харламенко, И.В. Структура профессиональной компетенции педагога иностранных языков в области использования искусственного интеллекта. // Язык и культура. 2025. № 69. С. 220-246.
2. Кизрина, Н.Г., Левина, Е. А., Вишленкова С.Г. Формирование предметной цифровой компетенции будущего учителя иностранных языков // Перспективы науки и образования. 2022. № 2 (56). С. 183-199.
3. Майорко М.И. Учитель иностранного языка в эпоху цифровой трансформации образования. // Учёные записки Шадринского государственного педагогического университета. 2025. №2 (8) С. 199-205.
4. Гриншкун, В.В., Суворова, Т.Н. Особенности подготовки педагогов в условиях цифровой трансформации системы образования. // Вестник Московского университета. 2024. №1 С. 95-110.

Особенности культурной адаптации международных брендов на рынке Армении (на материале средств массовой информации)

Григорян Джулиана Артуровна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени

М.В.Ломоносова в г. Ереване,

Направление: «Лингвистика»

Ереван, Армения

E-mail: juligrig82@gmail.com

В условиях глобализации и унификации информационного поля адаптация коммуникативного контента международных брендов остается актуальным феноменом, требующим междисциплинарного осмысления. Изучение механизмов трансформации глобальных маркетинговых стратегий под влиянием национальных факторов и анализ функций, которые лингвистические и визуальные маркеры выполняют в медиaprостранстве, представляют собой значимый материал для исследования.

Актуальность данной работы заключается в исследовании культурной адаптации как сложного лингвосемиотического процесса, способствующего преодолению барьера «чужеродности» и установлению эмоциональной доверительной связи бренда с локальным потребителем, в анализе использования вербальных и визуальных кодов в глобальном и локальном контекстах для выявления уникальных лингвистических и концептуальных характеристик армянского медиaprостранства, рассмотрении адаптационных стратегий как носителей культурно-маркированной информации, важной для сохранения культурного многообразия и обеспечения эффективности межкультурной коммуникации в условиях современного рынка Армении.

Объектом исследования являются особенности культурной адаптации международных брендов на рынке Армении.

Предметом исследования выступают лингвистические, визуально-графические и концептуальные маркеры культурной адаптации, используемые международными брендами в средствах массовой информации Армении для преодоления культурной дистанции.

Цель настоящего исследования – провести комплексный анализ стратегий и методов культурной адаптации международных брендов в Армении и выявить специфику трансформации глобальных маркетинговых сообщений под влиянием национальных ценностных ориентиров и потребительского поведения.

Теоретическая основа исследования включает в себя труды таких ученых, как М.де Муй, Г.Хофстеде [1], Р.Робертсон, Ф.И.Шарков, П.Н.Шахирев, а также работы российских специалистов в области маркетинговых коммуникаций. Особое внимание уделяется влиянию социокультурного контекста на выбор стратегии продвижения,

выявляя, как национальные ценности, традиции и лингвистические особенности формируют способы интерпретации бренда локальным потребителем. Обобщены ключевые стратегии адаптации: от минимальной стандартизации до глубокой глокализации, предполагающей полную трансформацию сообщения под нужды принимающей культуры. Международный бренд нельзя представить без осознанной позиции в отношении своего позиционирования и его влияния на лояльность аудитории. Адаптационные механизмы являются неотъемлемой частью глобального медийного ландшафта. «Вступая в диалог с локальной культурой, бренд перестает быть внешним раздражителем и становится органичным элементом повседневного дискурса потребителя» [2]

В исследовании использованы методы семиотического и лингвокультурологического анализа, а также метод сплошной выборки при сборе и интерпретации рекламных и информационных материалов международных брендов, представленных в Армении. Анализируются различные типы маркеров (лингвистические, визуальные, концептуальные) адаптации, выявляется их связь с социокультурным контекстом региона, а также анализируются изменения в коммуникативных стратегиях компаний в зависимости от динамики развития армянского медиарынка.

Практическая значимость работы заключается в анализе влияния социального, культурного и ценностного контекста на выбор стратегий позиционирования международных брендов, что позволило выявить общие закономерности и национальные особенности адаптации маркетингового контента в армянском медиaprостранстве.

В качестве примера можно продемонстрировать кейс компании Coca-Cola, реализовавшей в Армении кампанию Share a Coke (Շիւժիր Coca-Cola-ի հետ) через глубокую лингвокультурологическую адаптацию [3]. Была произведена замена универсальных имен на традиционные и наиболее распространенные в стране Армянские имена, а также использовался армянский алфавит в рекламе в СМИ. Это позволило бренду трансформировать глобальный продукт в маркер лингвистической идентичности. Также были проанализированы кейсы Radisson Blu Hotel Yerevan, Activia Armenia, Glovo Armenia и других международных брендов.

Источники и литература

1. Hofstede, G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. — Sage Publications, 2001.
2. De Mooij, M. (2019). Consumer Behavior and Culture: Consequences for Global Marketing and Advertising. Sage.
3. <https://www.coca-cola.com/am/hyt>

**Фразеологические единицы, возникшие на основе свадебных обрядов:
сопоставительный анализ и проблемы перевода
(на материале армянского и русского языков)**

Давтян Арина Артаковна

Аспирант

*Ереванский государственный университет, факультет армянской
филологии*

Ереван, Армения

E-mail: arina.davtyan@ysu.am

Статья посвящена сопоставительному анализу армянских и русских фразеологических единиц (ФЕ), возникших на основе свадебных обрядов и ритуалов.

Цель данной статьи – выявить ФЕ, источником которых являются свадебные обряды и ритуалы, описать процессы их возникновения, а также осуществить сравнительный анализ армянских и русских «свадебных» ФЕ. Особое внимание уделяется проблемам перевода фразеологизмов, содержащих национально-культурный компонент.

Актуальность темы обусловлена возрастающим интересом к междисциплинарным исследованиям, вопросам межкультурной коммуникации и проблемам перевода.

Армянскому свадебному обряду посвящено достаточно много исследований, однако они имеют в основном этнографическую и/или культурологическую направленность [4, 5]. Научная новизна работы заключается в том, что армянская свадебная фразеология до настоящего времени не подвергалась детальному изучению; отсутствует также сопоставительный анализ армянских и русских свадебных фразеологизмов.

Методологическую основу исследования составило обобщение и систематизация существующих теоретических положений. В работе использованы исторический, описательный, аналитический, сопоставительный и сравнительный методы.

Язык и культура тесно взаимосвязаны: «В языке отражается самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, видение мира [3]. Особенно наглядно это проявляется во ФЕ: «Система образов, закреплённых в фразеологическом составе языка (...), так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о её культурно-национальном опыте и традициях» [2].

Свадебный обряд занимает важное место в жизни каждого народа. Первые упоминания об армянских свадебных обрядах и ритуалах дошли до нас благодаря историку Мовсесу Хоренаци (V век). В различных культурах свадебный обряд сопровождается особыми ритуалами, а также множеством поверий и примет. И в связи с тем, что в разных культурах различаются обряды, обычаи и поверья, ФЕ, возникшие

на их основе, зачастую не имеют аналогов в других языках и лингвокультурах. Подобные единицы, как правило, содержат ярко выраженный национально-культурный компонент, что существенно осложняет их перевод.

Как известно, большинство ФЕ не поддаются буквальному переводу, так как их значение не выводится из значений отдельных компонентов. В научной литературе выделяются несколько основных способов перевода ФЕ: 1) абсолютный или полный эквивалент; 2) аналог; 3) относительный эквивалент, а при отсутствии в языке перевода фразеологических соответствий ФЕ могут быть переведены калькой, описательным методом или лексическим способом [1].

Проведённое исследование показывает, что лишь в отдельных случаях свадебные ФЕ имеют абсолютные эквиваленты в исследуемых языках. К ним относятся единицы, восходящие к общему источнику (прежде всего к Библии), отражающие универсальные человеческие представления или заимствованные в результате культурных контактов.

Часть ФЕ, не имеющих абсолютных соответствий, может быть переведена посредством аналогов или относительных эквивалентов, поскольку отдельные свадебные ритуалы с определёнными вариациями повторяются в различных культурах.

Наконец, существует ряд ФЕ, не имеющих эквивалентов: они могут быть переданы описательным способом или отдельным словом и лишь в единичных случаях – путём буквального калькирования.

В условиях стремительного развития межкультурных коммуникаций лингвокультурологические исследования становятся важным инструментом анализа языковых и культурных взаимодействий. Сопоставительный анализ ФЕ способствует пониманию языковой картины мира носителей исследуемых языков, что важно с точки зрения перевода, межкультурной коммуникации, изучения языка и культуры.

Источники и литература

1. Влахов С.И., Флорин С.П. Непере译имое в переводе. М., 1980.
2. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
4. Լալայան Ե.Ա. Ընտանեկան բարք. Ամուսնութիւն և հարսանիքի սովորույթներ, Ազգագրական հանդէս, Գիրք 2, Թիֆլիս, 1900 (Лалаян Е.А. Брак и свадебные обычаи. Этнографический журнал, Тифлис, 1900, кн. VI):
5. Շաղոյան Գ.Հ. Յոթ օր, յոթ գիշեր, Երևան, 2011 (Шагоян Г.А., 7 дней и 7 ночей, Ереван, 2011):

Конфликтный дискурс в интервью: стратегии провокации

Егизарян Мариам Саргисовна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени

М. В. Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Лингвистика»

Ереван, Армения

E-mail: yegiazaryan2004@mail.ru

В условиях стремительной медиатизации общества и трансформации публичного пространства язык интервью становится не просто средством обмена информацией, а ареной острого коммуникативного противоборства. В современной медиасреде стратегии речевой провокации выступают ключевым инструментом формирования повестки дня, позволяя выявлять скрытые установки и влиять на общественное мнение. Изучение провокативного поведения как формы реализации конфликтного дискурса, выявление его лингвистических механизмов в роли трансформации жанра интервью представляет собой актуальный объект исследования. Особую значимость в этом контексте приобретает YouTube-формат, который, в отличие от традиционных медиа, характеризуется высокой степенью спонтанности, минимальным цензурированием и максимальной концентрацией конфронтационных тактик, что делает его наиболее репрезентативной площадкой для анализа современных речевых манипуляций.

Актуальность исследования обусловлена ростом конфликтности медиакommunikации, развитием цифровых форматов интервью и усилением роли провокативных стратегий как инструмента привлечения аудитории и формирования информационной повестки. Стратегии и тактики провокативного поведения в жанре интервью служат индикаторами коммуникативных целей субъектов и их стремления к доминированию, что делает их изучение актуальным для понимания механизмов манипулирования сознанием в информационном пространстве. Специфика реализации лингвистического конфликта в различных лингвокультурах и медиаформатах подчеркивает необходимость систематизации конкретных речевых приемов, что делает анализ тактик «коммуникативного капкана» в современном интервью востребованным и своевременным.

Объектом данного исследования является конфликтный дискурс в жанре журналистского интервью. Предметом исследования выступают лингвистические и прагматические средства реализации стратегий речевой провокации. Цель настоящей работы - выявить типологию стратегий речевой провокации и описать языковые средства их реализации в современном медиадискурсе интервью.

Теоретическая основа исследования включает в себя анализ научных работ, посвященных изучению конфликтного дискурса, который рассматривается как важный фактор, оказывающий влияние на трансформацию жанра интервью, выбор

провокативных стратегий, интерпретацию коммуникативных намерений, а также на развитие и современное состояние медиакommunikации. Эту основу составляют работы в области дискурс-анализа и прагмалингвистики (О. С. Иссерс, Тён ван Дейк, К. И. Белоусов и др.) [1;2;3]. Особое внимание уделяется репрезентации речевой провокации и механизмов манипулирования сознанием в публичном пространстве. Современный медиадискурс нельзя представить без сложной системы речевых тактик, отражающей стремление субъектов к доминированию и воздействию на аудиторию. Как отмечает К. И. Белоусов, известный специалист в области теории дискурса, «отличительной чертой прагматических отношений в конфликтном дискурсе является наличие явной или скрытой агрессивности» [1.34]. К ключевым характеристикам данного типа взаимодействия относятся прагматичность и интенциональность. Таким образом, речевая провокация является неотъемлемой частью конфликтного взаимодействия в жанре интервью.

Практическая значимость настоящей работы заключается в анализе речевых стратегий и тактик в современных интервью, вследствие чего были выявлены основные лингвистические и прагматические факторы, влияющие на формирование конфликтного дискурса.

В исследовании применены методы сплошной выборки, сравнительного анализа, дискурс-анализа и лингвопрагматического анализа для сбора данных о провокативных речевых актах в текстах современных интервью. Анализируются основные стратегии и тактики конфликтного поведения (дискредитация, подчинение, поляризация и др.), выявляется их связь с коммуникативными намерениями интервьюера и реакциями адресата, а также анализируются лексико-грамматические средства реализации провокации в различных медийных контекстах. Материалом исследования послужили интервью российских и зарубежных медиа – журналистские интервью Ксении Собчак и Пирса Моргана на платформе YouTube за период 2021-2025 гг.

При анализе эмпирического материала выявлены наиболее распространенные стратегии и тактики провокативного поведения в современных интервью. Одной из центральных групп являются тактики дискредитации, которые направлены на подрыв авторитета собеседника через актуализацию его прошлых ошибок или спорных высказываний. Реализация данных тактик осуществляется через специфический набор языковых средств: использование риторических вопросов и пресуппозиций, внедряющих скрытые утверждения, а также цитирование прошлых высказываний, создающее почву для приемов «ложной интерпретации» или «неудобного вопроса», вынуждающих адресата оправдываться. Основными семантическими и прагматическими группами речевых провокаций также выступают тактики поляризации (создание оппозиции «свой/чужой»), тактики обвинения, а также иронические тактики, отражающие специфику жанра интервью как инструмента психологического и коммуникативного давления.

Например, в интервью с Криштиану Роналду (2022) П. Морган в вопросе «You told me years ago that you wanted to finish your career at the top level with dignity. Not in Qatar

or Dubai. So, what happened? Why are we seeing these headlines now?», реализует стратегию дискредитации через актуализацию прошлых обещаний игрока, используя семантический маркер «dignity» (достоинство) для создания пресуппозиции о потере морального статуса адресата. Провокативный и, в каком-то смысле, риторический вопрос «So, what happened?» выступает в роли речевого капкана, который сталкивает личные принципы гостя с текущей реальностью и вынуждает его занимать оборонительную позицию. Данный прием эффективно переводит спортивную дискуссию в плоскость этического порицания [3. 56].

Изучение речевой провокации способствует более глубокому пониманию динамики современного конфликтного дискурса и механизмов медийного влияния. В работе представлен системный анализ стратегий и тактик провокативного поведения в жанре интервью, раскрыта их связь с прагматическими установками, коммуникативными целями и психологическим давлением на адресата. Анализ показал, что наиболее частотными являются тактики дискредитации и провокации оправдания, реализуемые посредством риторических вопросов, пресуппозиций и оценочной лексики. Выбор стратегии определяется коммуникативной установкой интервьюера и медижанром.

Научная новизна исследования заключается в систематизации стратегий речевой провокации в жанре интервью и выявлении их лингвистических механизмов в современном медиадискурсе. Литература

1. Белоус, Н. А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Наталья Анатольевна Белоус. – Краснодар, 2008. – 48 с
2. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.
3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — 5-е изд. — М. : ЛКИ, 2008. — 288 с
4. <https://www.youtube.com/watch?v=KewakhYqrts>

Типология и интерпретация речевых ошибок американских политиков в медийном дискурсе

Искандарян Давид

Студент(бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Лингвистика»

*Ереван, Армения
E-mail: davidiskandaryan235@gmail.com*

Современная политическая реальность неразрывно связана с медийным пространством. Любое публично сказанное слово государственного деятеля мгновенно фиксируется и анализируется миллионами людей. Особый интерес представляют моменты коммуникативных сбоя и незапланированных отклонений от языковой нормы [2;34]. Сегодня речевые ошибки превратились в мощный инструмент политической борьбы и формирования имиджа [3;23].

Было проанализировано множество публичных выступлений, предвыборных дебатов и сообщений в социальных сетях в рамках избирательных кампаний Дональда Трампа и Джо Байдена. Несмотря на то, что оба политика занимали высший государственный пост, они демонстрируют совершенно разные подходы к коммуникации и допускают разные типы речевых ошибок.

При рассмотрении выступлений Дональда Трампа было выявлено, что его речь характеризуется радикальным разрывом с классическими риторическими канонами. Он активно использует лексику, которая провоцирует разногласия, и часто применяет антагонистические высказывания для нападков на своих оппонентов [4]. Фрагментарность синтаксической организации речи и элементы языковой игры выполняют важную функцию в конструировании образа политического аутсайдера.

В речи Джо Байдена преобладает лексика объединения и эмпатии. Однако его стратегия регулярно сталкивается с психолингвистическими сбоями во время неподготовленного общения. Запланированный смысл часто теряется за паузами и неудачно подобранными словами. Хотя медицинские эксперты и неврологи отмечают, что подобные публичные моменты путаницы сами по себе не являются признаком когнитивных нарушений [5], медиа активно используют их для нагнетания обстановки.

Эти выступления были рассмотрены с точки зрения их репрезентации в средствах массовой информации. Анализ показал наличие глубоко поляризованного фрейминга. Одно и то же коммуникативное событие описывается конкурирующими телеканалами диаметрально противоположными способами. Интерпретация ошибок достигла такого уровня политической важности, что из-за неудачных высказываний возникают конфликты вокруг изменения официальных стенограмм Белого дома [6].

По итогам данного анализа можно сделать вывод о том, что речевая ошибка обретает свое подлинное политическое значение только после того, как она попадает в медийную среду [1;26]. В зависимости от того, как средства массовой информации перекодируют исходный текст, аудитория воспринимает сбой как невинную случайность или как пугающий симптом.

Сравнение медийных реакций показывает, что оценка правильности высказывания сегодня ставится в жесткую зависимость от политических предпочтений журналистов и пользователей сети. Эффективность политического общения определяется не только

соблюдением строгих грамматических правил, но и множеством социальных факторов, которые активно конструируют новую реальность.

Источники и литература

1. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
2. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М., 1982.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000.
4. Zhou K., Meitus A. A., Chase M., Wang G., Mykland A., Howell W., Tan C., Ognyanova K. Quantifying the uniqueness and divisiveness of presidential discourse // PNAS Nexus. 2024. Vol. 3. No. 10.
5. Boston University: <https://www.bu.edu/articles/2024/trump-biden-signs-of-cognitive-decline/> (дата обращения: 24.02.2026).
6. The First Amendment Encyclopedia: <https://firstamendment.mtsu.edu/post/ap-sources-white-house-altered-record-of-bidens-garbage-remarks-despite-stenographer-concerns/> (дата обращения: 24.02.2026).

Гороскопы как тексты малого формата в американских средствах массовой информации

Израелян Алина Камоевна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Лингвистика»

Ереван, Армения

E-mail: liakais@mail.ru

В условиях цифровой медиасреды наблюдается устойчивый рост текстов малого формата, ориентированных на быстрое восприятие и эмоциональное вовлечение аудитории. К числу таких текстов относятся краткие информационные сообщения, рекламные слоганы, колонки советов и гороскопы. Несмотря на развлекательную направленность, гороскопы сохраняют стабильное присутствие в американских средствах массовой информации, что позволяет рассматривать их как самостоятельный объект филологического анализа.

Актуальность исследования определяется нацеленностью современной лингвистики на раскрытие особенностей жанровых моделей медиатекста в условиях

трансформации коммуникационных практик. Цель работы — выявить структурные и прагматические особенности гороскопов как текстов малого формата в американских СМИ. В исследовании использованы методы дискурсивного и прагмалингвистического анализа. Эмпирическую базу составили 72 текста ежедневных гороскопов, опубликованных в онлайн-версиях изданий *The New York Times*, *Los Angeles Times* и *USA Today* в период с марта по апрель 2026 года.

Тексты малого формата характеризуются лаконичностью, жанровой стандартизованностью и высокой степенью смысловой концентрации. По мнению Ю. М. Лотмана, краткий текст способен аккумулировать значительный объём информации при минимальной протяжённости [4]. В системе массовой коммуникации подобные тексты выполняют функцию установления быстрого контакта с адресатом и ориентированы на фрагментарное потребление информации.

Гороскоп в медиадискурсе представляет собой краткий астрологический прогноз, структурированный по знакам Зодиака и адресованный неопределённому кругу читателей. Как отмечает Н. Кэмпбелл, астрология в англо-американской культуре прочно интегрирована в популярные медиаформаты и функционирует как часть повседневной символической практики [1].

Проведённый анализ показал, что жанровая модель гороскопа строится по устойчивой схеме: апеллятивное высказывание (императив или характеристика личности) + неопределённое прогностическое утверждение + позитивная интерпретация. Например: “Take initiative today. A conversation you’ve been avoiding could lead to unexpected opportunities.” Использование императива формирует иллюзию персонального обращения, а неопределённость формулировок обеспечивает универсальность текста.

Подобная универсальность соотносится с феноменом, описанным Б. Р. Форером как эффект личностной валидации (эффект Барнума) — склонностью индивида воспринимать общие утверждения как адресованные лично ему [2]. Гороскопические формулы типа “Your adaptability will be your greatest strength this week” апеллируют к положительной самооценке адресата и создают эффект психологической поддержки.

С точки зрения медиалингвистики, гороскоп обладает ярко выраженной прагматической направленностью. По наблюдениям А. Белла, язык новостных и сопутствующих медиатекстов формируется с учётом предполагаемой аудитории и её ожиданий [3]. В гороскопах активно используются местоимения второго лица, оценочная лексика, неопределённые временные маркеры (“soon”, “this week”), что усиливает эффект диалогичности и снижает степень конкретизации.

В исследовании гороскоп рассматривается не только как культурный феномен, но и как устойчивая жанровая модель текста малого формата, функционирующая в системе американского медиадискурса. Анализ показал, что устойчивость жанра обеспечивается сочетанием стандартизированной структуры и высокой адаптивности содержания. Таким образом, гороскопы в американских СМИ представляют собой специфический тип медиатекста, характеризующийся краткостью, клишированностью,

универсальностью формулировок и выраженной прагматической направленностью. Ему присущи развлекательная, психологическая и коммуникативная функции. Стабильное присутствие гороскопов в авторитетных изданиях подтверждает их институционализированный статус в структуре современной массовой коммуникации.

Источники и литература

1. Campion N. Astrology and Popular Media. — New York: Routledge, 2012.
2. Forer B. R. The fallacy of personal validation: A classroom demonstration of gullibility // Journal of Abnormal and Social Psychology. — 1949. — Vol. 44. — P. 118–123.
3. Bell A. The Language of News Media. — Oxford: Blackwell, 1991.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. — СПб.: Искусство, 1998.
5. McQuail D. McQuail's Mass Communication Theory. — London

Социокультурные особенности педагогической коммуникации в классе в России и Казахстане.

Карапетян Р. Г.

Студент(бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени

М.В.Ломоносова в г. Ереване,

Направление: «Лингвистика»

Ереван, Армения

E-mail: razmikkarapetyan2@mail.ru

В настоящее время существует множество различных подходов к процессу обучения иностранным языкам. Данные подходы отличаются значительным разнообразием. В зависимости от того, в какой культурной среде преподаватель находится – он должен уметь подобрать тот или иной подход. Было проанализировано множество уроков в рамках двух стран – Россия и Казахстана. Несмотря на соседство данных держав, преподаватели по-разному подходили к своему делу. При рассмотрении Казахстана был взят урок с Алматы, проходивший в 8 классе.

В России было взято больше уроков, а именно - Ямало-Ненецкий автономный округ, Челябинск, Севастополь и Ессентуки. Тут уже было больше вариативности, из-за чего присутствуют, как и классы помладше (5 класс), так и взрослые ученики (11 класс). Все эти уроки были рассмотрены с точки зрения культурной классификации Герта Хофстеде, помимо этого критерии будут предоставлены ниже: План урока, присутствие

игр, дистанция власти, уровень дисциплины в классе, фокус работы, заинтересованность учеников, были ли подведены итоги, частота дискуссий, атмосфера на уроке, обратная связь, предоставлена ли была возможность выбора, интерес к теме, множество материала, поощрение вопросов и что являлось основным средством обучения.

Исходя из данных критериев было подведено несколько выводов. Один из таковых – преподаватель является основой всего урока. В зависимости от того, как он себя ведет на протяжении урока, так и будет идти дальнейшее обучение. Так, например, в Челябинской области преподаватель активно взаимодействует с аудиторией, однако сохраняет лидерскую позицию. [2] Такое отношение позволяет ученикам осознавать, что с преподавателем можно вести диалог, но не выходить за рамки дозволенного.

Помимо преподавателя как ключевой фигуры, организующей учебный процесс, важную роль играют и сами обучающиеся. В данном случае значимое влияние оказывает их возраст. Чем старше был класс, тем более заметными становились заинтересованность учащихся и уровень их дисциплины. В городе Ессентуки обучающиеся относились к младшим классам, поэтому преподавателю приходилось регулярно напоминать им о необходимости соблюдать рамки учебного занятия.[3] Также были зафиксированы отдельные нежелательные моменты, когда учитель перебивал учащихся или подсказывал им слова, не предоставляя достаточного времени для самостоятельного формулирования ответа.

В Казахстане взаимоотношения между преподавателем и учениками были более мягкими и менее формализованными по сравнению с большинством регионов России [1]. Это проявлялось в более свободной атмосфере на уроке, открытости обучающихся к диалогу и их большей готовности вступать в обсуждение учебного материала. Учащиеся чаще проявляли инициативу, задавали вопросы и активнее участвовали в совместной работе, что способствовало более динамичному и вовлечённому характеру занятия.

На основании выполненной работы можно сделать вывод о том, что характер образовательного процесса во многом определяется совокупностью нескольких факторов. Сравнение российских регионов и Казахстана показывает, что более мягкий и менее формализованный формат взаимодействия создаёт условия для большей открытости и вовлечённости обучающихся. Таким образом, эффективность урока определяется не только выбранной методикой, но и множеством различных факторов, которые я описывал выше.

Источники и литература

1. YouTube. English Lesson — Travelling and Transport [Электронный ресурс]. - YouTube. - URL: <https://www.youtube.com/watch?v=e3LxHQL6FiM> (дата обращения: 24.02.2026).
2. YouTube. Урок английского языка, Мушкарина В. С. [Электронный ресурс]. - YouTube. - URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nPcDxWIfKcU> (дата обращения: 24.02.2026).

3. YouTube. Урок английского языка на федеральном этапе Всероссийского конкурса «Учитель года России-2018» [Электронный ресурс]. - YouTube. - URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Sz2BHMUBs-Y> (дата обращения: 24.02.2026).

Речевой портрет телеведущего-интеллектуала (на примере Ивана Урганта)

Маргарян Милена Гагиковна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени

М.В.Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Лингвистика»

Ереван, Армения

E-mail: milena.margaryan04@mail.ru

В современном медиaprостранстве телеведущие играют важную роль в формировании речевых норм и моделей публичного общения. Их речь становится образцом коммуникации для широкой аудитории и оказывает влияние на языковую культуру общества. Особый интерес для лингвистических исследований представляет речевое поведение телеведущих-интеллектуалов, которые сочетают элементы разговорной речи, юмора, культурных аллюзий и интеллектуальной игры. В связи с этим изучение речевого портрета телеведущего позволяет выявить особенности функционирования языка в медиадискурсе и определить специфику современной публичной речи. Анализ речевого поведения Ивана Урганта представляет особый интерес, поскольку его коммуникативный стиль отличается яркой индивидуальностью, иронией и высоким уровнем языковой культуры. Этим заключается актуальность исследования.

В исследовании была проанализирована речевая деятельность Ивана Урганта на материале выпусков телепередачи «Вечерний Ургант». В ходе анализа рассматриваются особенности использования лексики, стилистических средств, юмора, иронии и языковой игры, а также способы взаимодействия ведущего с гостями программы и аудиторией. Это позволяет выявить характерные черты речевого портрета телеведущего-интеллектуала и определить его роль в формировании современного медиадискурса.

В современной лингвистике важным понятием при изучении речевого поведения человека является концепция языковой личности. Как отмечает Ю.Н. Караулов,

«языковая личность — это углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще». Исследователь подчеркивает, что личность формируется через сложное взаимодействие устойчивых и изменчивых характеристик, а также через способность человека реагировать на внешние воздействия и преобразовывать их в собственной речевой практике. Эти процессы проявляются на различных уровнях организации личности — семантическом, когнитивном и мотивационном. Таким образом, изучение языковой личности позволяет рассматривать речевое поведение человека как многогранное явление, в котором отражаются как индивидуальные особенности говорящего, так и влияние социальной и культурной среды. Данный подход является особенно значимым при анализе речевого портрета медийных личностей, поскольку их речь демонстрирует взаимодействие личностных характеристик и особенностей публичного коммуникационного пространства [4, 33].

Лексикон является важным элементом структуры языковой личности, однако его нельзя рассматривать изолированно от других компонентов речевой деятельности. Как отмечает Ю.Н. Караулов, сам по себе лексикон выполняет лишь вспомогательную роль и не дает полного представления о речевом поведении человека. Поэтому более продуктивным является изучение лексики в процессе её функционирования — в связи со всем дискурсом языковой личности и её когнитивными и мотивационными уровнями. [4,89]

Язык средств массовой информации отличается как целостностью, так и функционально-стилистическим разнообразием. С одной стороны, его единство обусловлено особенностями массовой коммуникации, устойчивыми формами и тематической структурой. С другой стороны, язык СМИ характеризуется стилистической неоднородностью, поскольку взаимодействует с различными сферами речевого употребления. Именно сочетание конструктивного единства и стилистического разнообразия является важной особенностью языка массовой информации [2,259]

Речевой портрет включает совокупность индивидуальных особенностей речевой деятельности человека. К его основным компонентам относятся лексические особенности (выбор слов), грамматические характеристики, стилистические средства, коммуникативные стратегии и индивидуальные речевые привычки. Анализ речевого портрета позволяет выявить индивидуальный стиль речи человека, определить уровень его языковой культуры и лучше понять коммуникативные цели говорящего [1].

В телевизионной коммуникации речь телеведущего имеет ряд специфических особенностей, обусловленных ориентацией на массовую аудиторию и условиями медиадискурса. Для неё характерно сочетание разговорного и литературного стилей, высокая экспрессивность, использование юмора и элементов импровизации, а также интерактивность общения с гостями программы и зрителями. Кроме того, телеведущий формирует собственный медийный образ, который проявляется в интонации, выборе лексики, манере общения и используемых речевых стратегиях [3].

В ходе исследования был проанализирован речевой портрет телеведущего-интеллектуала Ивана Урганта. Его речь отличается высоким уровнем языковой культуры, разнообразной лексикой, умелым использованием стилистических средств, а также богатой культурной и литературной эрудицией. Ургант активно использует юмор, иронию и интеллектуальные аллюзии, что предполагает определённый уровень культурной и интеллектуальной подготовки аудитории и делает коммуникацию более содержательной. Именно сочетание языковой культуры, эрудиции и способности к сложным речевым конструкциям позволяет отнести Урганта к типу телеведущего-интеллектуала, формируя образ интеллигентного и обаятельного коммуникатора, способного устанавливать доверительный контакт с аудиторией и поддерживать популярность благодаря индивидуальному стилю общения.

Источники и литература

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // БЭС Языкознание. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 682с.
2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. - М. : Флинта: Наука, 2008. - 263 с. - библиогр. : С. 257-261
3. Дмитриева О.А., Карасик В.И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград: Парадигма. 2005: 5-20с.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 27-110с.

Гендерные стереотипы в языке телерекламы

Мхоян Мэри Залибековна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени

М.В.Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Лингвистика»

Ереван, Армения

E-mail: merimkhoyan6@gmail.com

Тема гендерных стереотипов в языке телерекламы является актуальной для современной лингвистики, поскольку она затрагивает вопросы взаимодействия языка,

культуры и социальных ролей. В условиях активного развития медиа и массовых коммуникаций телевизионная реклама выступает важным инструментом формирования общественных представлений о «мужском» и «женском». Она не только отражает существующие в обществе гендерные установки, но и способствует их закреплению и распространению в массовом сознании. В связи с этим исследование языковых механизмов репрезентации гендерных стереотипов в рекламном дискурсе приобретает особую научную значимость.

Особую роль в данном процессе играет язык телерекламы, представляющий собой специфическую форму медиадискурса, в которой сочетаются вербальные и невербальные средства воздействия. Вербальная составляющая рекламного сообщения включает лексику, грамматические конструкции, интонационные модели, а также различные стилистические и прагматические средства. Именно через эти языковые элементы формируются определённые представления о социальных ролях мужчин и женщин.

В лингвистическом аспекте гендерные стереотипы проявляются прежде всего в выборе лексических и грамматических средств. Так, реклама товаров, ориентированных на женскую аудиторию, часто использует эмоционально окрашенную лексику, эпитеты, связанные с красотой, заботой, нежностью и семейными ценностями. В таких текстах нередко встречаются уменьшительно-ласкательные формы, метафоры, а также выражения, акцентирующие внимание на внешности, комфорте и гармонии. Напротив, реклама, адресованная мужской аудитории, чаще опирается на лексику, связанную с силой, уверенностью, рациональностью, профессиональной компетентностью и лидерством. Подобные языковые средства формируют образ мужчины как активного субъекта действия, принимающего решения и стремящегося к достижению целей.

Гендерная маркированность проявляется и в типичных речевых моделях. Женские образы в рекламе нередко ассоциируются с ролями заботливой матери, хозяйки дома или привлекательной женщины, тогда как мужские персонажи чаще представлены как успешные профессионалы, лидеры или эксперты. Таким образом, языковые и коммуникативные стратегии рекламного дискурса способствуют воспроизводству традиционных социальных ролей и формированию устойчивых когнитивных схем восприятия гендера.

Эмпирическую основу исследования составили тексты телевизионной рекламы, транслируемой на популярных телеканалах «Первый канал», «Россия 1», «ТНТ» и «СТС» в период 2023-2024 гг., включая рекламные ролики различных товарных категорий: косметической продукции, бытовых товаров, продуктов питания, техники и автомобилей.

Анализ данного материала позволяет выявить типичные языковые модели и стратегии, с помощью которых конструируются гендерные образы.

Методологическую основу исследования составляют методы дискурс-анализа, лингвистического анализа и концептуального анализа, применяемые для выявления языковых средств репрезентации гендерных стереотипов. При анализе

учитываются лексические, грамматические и прагматические особенности рекламных высказываний, а также коммуникативные стратегии, используемые для воздействия на целевую аудиторию. Критерием отнесения того или иного языкового элемента к стереотипному выступает его устойчивое соотношение с традиционными социальными ролями мужчин и женщин.

Современные исследования в области социолингвистики и медиалингвистики показывают, что рекламный дискурс выполняет двойственную функцию: с одной стороны, он отражает существующие социальные нормы, а с другой - активно участвует в их конструировании и закреплении [1;2]. В последние годы наблюдается тенденция к пересмотру традиционных гендерных моделей и появлению более нейтральных или инклюзивных формулировок. Под нейтральными формулировками понимаются языковые средства, не акцентирующие внимание на гендерной принадлежности адресата, тогда как инклюзивные формулировки направлены на представление разнообразия социальных ролей и отказ от жестких гендерных рамок [3;4;5;6]. Подобные тенденции чаще проявляются в рекламе технологических товаров, образовательных сервисов и некоторых социальных кампаний, тогда как в рекламе косметики или товаров для дома традиционные стереотипные модели сохраняются значительно чаще.

Несмотря на постепенное распространение гендерно-нейтральных коммуникативных стратегий, стереотипные языковые модели по-прежнему остаются широко представленными в рекламном дискурсе. Их анализ позволяет выявить механизмы формирования гендерных представлений и оценить степень их влияния на массовое сознание.

В целом исследование гендерных стереотипов в языке телерекламы имеет важное теоретическое и практическое значение. Оно способствует более глубокому пониманию взаимодействия языка, культуры и общества, а также позволяет разработать рекомендации для создания более этичных и сбалансированных рекламных текстов. В частности, при разработке рекламных сообщений копирайтерам целесообразно избегать закрепления узких гендерных ролей, использовать более нейтральные номинации и разнообразные модели представления социальных ролей мужчин и женщин.

Источники и литература

1. Горошко Е.И. Особенности мужских и женских вербальных ассоциаций: (Опыт качественной интерпретации) // Гендер: Язык, культура, коммуникация: Докл. Второй междунар. конф. – М., 2002. – С.77–86
2. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., Институт социологии РАН, 1999. 189 .
3. Cameron, D. Gender and Language Ideologies. In J. Holmes & M. Meyerhoff (Eds.), *The Handbook of Language and Gender*. Oxford: Blackwell. 2003
4. Coates, J. *Women, Men and Language: A Sociolinguistic Account of Gender Differences in Language* (3rd ed.). London: Routledge. 2015
5. Lakoff, R. *Language and Woman's Place*. New York: Harper & Row. 1975

6. Tannen, D. You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation. New York: Ballantine Books. 1990

Специфика передачи безэквивалентной лексики в авторском переводе (на материале романа Н. Федоровой «Семья»)

Оганнисян Сусанна Армановна

Студент(бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени

М.В.Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Лингвистика»

Ереван, Армения

E-mail: susiksusik2004susik@icloud.com

Литература русского зарубежья «первой волны» и творчество писателей-билингвов представляют особый интерес для современного переводоведения. Роман Нины Федоровой «Семья» (The Family) является показательным примером двуязычного авторского письма: произведение было первоначально написано на английском языке (1940 г.), а впоследствии воссоздано автором на русском. Изучение феномена авторского перевода позволяет рассматривать текст не как механическую копию оригинала, а как динамическую систему. В этом процессе автор выступает одновременно создателем и интерпретатором, обладающим уникальным правом на «пересоздание» текста и потому не связанным жесткими требованиями инвариантности [4, 5].

Наибольший исследовательский интерес в контексте смены языкового кода и адресата перевода представляет передача безэквивалентной лексики (БЭЛ). На уровне трансляции этнографических, общественно-политических и локальных (китайских) реалий наиболее ярко проявляется конфликт между сохранением национального колорита и необходимостью адаптации смысла для иноязычного читателя [2;65].

В рамках исследования передача БЭЛ рассматривается с применением интегративного подхода. Вслед за В. Н. Комиссаровым к безэквивалентной лексике относятся не только классические реалии, но и структурные экзотизмы, а также имена собственные [1;23]. Так, упоминаемые в тексте топонимы («Харбин», «Гири») и названия улиц («Син-стрит», «Конг-стрит») выполняют не только номинативную, но и мощную смыслообразующую функцию, выступая символами особого хронотопа — пространства изгнания и временного пристанища.

Анализ материала показывает, что в английской и русской версиях романа наблюдаются различия в способах передачи культурно маркированной лексики. Эти различия отражают стратегию автора, направленную на сохранение культурной специфики текста при одновременной адаптации его для новой языковой среды.

В процессе автоперевода писатель вынужден постоянно балансировать между стратегиями форенизации (сохранение формы) и доместикации (адаптация смысла). Работа с реалиями превращается в сложный процесс «вторичной культурной перекодировки» [3]. Для этого используются различные переводческие приемы: транскрипция, калькирование, использование функциональных аналогов и др. Их выбор определяется прагматической установкой автора и фоновыми знаниями целевой аудитории.

Можно сделать вывод, что применительно к эмигрантской литературе авторский перевод выполняет специфическую функцию культурной реституции [6]. Автор намеренно переносит в русский текст иноязычные вкрапления (варваризмы и англицизмы), маркирующие чужеродную среду и создающие атмосферу языковой интерференции. Различия в передаче лексики в английской и русской версиях романа не являются переводческими «вольностями», а представляют собой результат осознанного выбора писателя. Русский текст выступает не тенью оригинала, а его полноправным двойником, реконструирующим картину мира беженцев средствами родного языка.

Источники и литература

1. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. 4-е изд. М., 2009.
2. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие. М., 2002.
3. Попович А. Проблемы художественного перевода. М., 1980.
4. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учебное пособие. 5-е изд. М., 2002.
5. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
6. Beaujour E.K. Alien Tongues: Bilingual Russian Writers of the "First" Emigration. Ithaca, 1989.

Средства выражения источника движения в русском и китайском языках

У Сяохэо

Студент (бакалавриат)

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Факультет иностранных языков и регионоведения

Москва, Россия

E-mail: wuxiaohao2022@126.com

Категория источника движения отражает универсальные пространственные представления, но реализуется в языках по-разному. Русский (флективный) и китайский (изолирующий) демонстрируют противоположные стратегии: синтетизм (приставки, наречия) vs. аналитизм (предлоги, послелого). Изучением этого вопроса занимались такие российские лингвисты, как В. Г. Гак [1], А. А. Зализняк [2], Т. В. Шмелёва [7] и др., а также китайские: Люй Шусян [3], Чжао Юаньжэнь [6] и др. Целью исследования было выявить типологические различия в выражении источника движения (пространственного начала перемещения) в русском и китайском языках на основе словарей и корпусных данных (НКРЯ и ВСС), включая не только глагольные приставки, но и наречия, предлоги и глагольные комплементы.

В русском языке источник движения будет выражаться с помощью приставок глаголов вы- (вышел), с- (сошёл), от- (отошёл), предлогов из (иду из дома), от (иду от друга), с (спускаюсь с горы), наречий отсюда, оттуда, сверху, снизу и др. В китайском – синтаксически с помощью предлога 从 [cóng] (из) + локатива (например, с помощью глаголов 出来 [chūlai] – наружу, 下来 [xiàlai] – вниз и др., например: 从家里 [cóng jiā lǐ] – из дома. (предлог 从 + 处所), 从这里 (分析性结构) [cóng zhèlǐ] – отсюда, 跑出来 [pǎo chūlai] – он выбежал из дома.

Русский язык использует синтетические средства: глагольные приставки морфологически кодируют источник, предлоги требуют определённого падежа (родительного). Китайский язык использует аналитические конструкции: источник выражается предлогом 从, а направление уточняется комплементами.

В русском языке предлоги из, с, от дифференцируют типы источника (внутри, поверхность, отправная точка), в то время как в китайском универсальный предлог 从 не различает эти значения, их конкретизируют локативы (里, 上, 边 и др.).

В русском языке наречия (отсюда, сверху, издалека) выступают как самостоятельные лексемы, тогда как в китайском аналогичные значения передаются аналитически: 从 + локатив (从这里, 从上面, 从远处).

Таким образом, русский язык тяготеет к синтетизму (глагольные приставки, падежные формы, наречия), китайский – к аналитизму (предложные конструкции с 从, послелого). Эти различия отражают типологические особенности языков и требуют учёта при преподавании и переводе.

Источники и литература

1. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология / В. Г. Гак. — М.: Международные отношения, 1989.
2. Зализняк, А. А. Семантика предлогов / А. А. Зализняк // Труды по акцентологии. М.: Языки славянской культуры, 2018. С. 305–320.
3. Люй Шусян. Очерк грамматики китайского языка / Люй Шусян; пер. с кит. М., 1965.
4. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. Режим

доступа: <https://ruscorpora.ru/>

5. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1.
6. Чжао Юаньжэнь. Грамматика разговорного китайского языка / Чжао Юаньжэнь; пер. с англ. М., 2003.
7. Шмелёва, Т. В. Семантика глагольных приставок в русском языке // Вопросы языкознания. 2009. № 4. С. 56–78.
8. BCC Corpus (Beijing Language and Culture University Corpus) [Electronic resource]. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/>

Исследование конструирования цифровой идентичности в контексте социальных сетей: перспектива теории социальной идентичности

Ван Сяньжэ

Аспирант 3 год обучения

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва, Россия

E-mail: wangxianzhe5566@mail.ru

В контексте современной теории коммуникации и исследований новых медиа цифровые медиа перестали быть просто традиционным средством передачи информации, эволюционировав в центральную среду конструирования цифровой идентичности на индивидуальном и групповом уровнях. В данном исследовании рассматриваются глубинные механизмы взаимодействия, посредством которых индивиды через сложные практики онлайн-коммуникации осуществляют конструирование цифровой идентичности, ищут чувство групповой принадлежности и стремятся поддерживать позитивную социальную оценку себя и своей группы в сетевом пространстве.

Теоретической основой выступает теория социальной идентичности, согласно которой в процессе повседневной коммуникации индивиды непрерывно подвергают себя категоризации (разделяя на «мы» и «они») и путем сравнения различных групп стремятся поддерживать позитивную социальную оценку. Поскольку в процессе сравнения невозможно сохранять постоянное преимущество, когда личная идентичность или оценка группы подвергаются вызову, пользователи прибегают к различным стратегиям для конструирования границ групповой идентичности: они усиливают использование символов, применяют коммуникативные стратегии, основанные на "конфронтации", обращаются к моральной аргументации и формируют

чувство собственного превосходства за счет принижения других групп. В данном контексте сетевые дискуссии на платформах социальных медиа представляют собой не столько рациональный обмен мнениями, сколько "конкуренцию идентичностей" ради поиска групповой принадлежности и самоутверждения, а цель споров зачастую сводится лишь к поддержанию социальной оценки самого индивида или группы.

Исследования показывают, что медийные характеристики социальных медиа обеспечивают технологические условия для вышеупомянутых механизмов: посредством алгоритмического и функционального руководства платформы поощряют пользователей к постоянному участию в интеракциях, стимулируют их непрерывно корректировать способы самопрезентации и поддерживать социальную оценку группы, тем самым удовлетворяя их психологическую потребность в обретении позитивной социальной идентичности. Таким образом, причина, по которой социальные сети стали пространством формирования идентичности пользователей, заключается не в их функциональной способности разрушать "информационные коконы" и обеспечивать информационное равенство между различными группами, а в том, что они поощряют пользователей постоянно участвовать в процессах социального взаимодействия и сравнения групп. В ходе данного процесса групповая поляризация выступает не случайным феноменом, а предсказуемым следствием сравнения идентичностей, стимулируемого платформой. Групповая поляризация, со своей стороны, вновь погружает пользователей в частые кризисы идентичности и ситуацию непрекращающегося давления обратной связи, тем самым дополнительно стимулируя их укреплять собственную идентичность в социальных сетях посредством самопрезентации и интеракций.

Источники и литература

1. Tajfel H.E. (1978). *Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations*. London: Academic press.
2. Turner J.C., Oakes P.J., Haslam S.A., McGarty C. (1994). Self and Collective: Cognition and Social Context. *Personality and Social Psychology Bulletin* 20(5), 454-463.
3. Lüders, A., Dinkelberg, A., & Quayle, M. (2022). Becoming "us" in digital spaces: How online users creatively and strategically exploit social media affordances to build up social identity.. *Acta psychologica*, 228, 103643.
4. Bail, C. (2022). *Breaking the social media prism: How to make our platforms less polarizing*. Princeton University Press.
5. E., H. (2021). Self-Presentation in Social Media: Review and Research Opportunities. *Review of Communication Research*.
6. Gündüz, U. (2017). The Effect of Social Media on Identity Construction. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 8, 85 - 92.

Этножурналистика как инструмент сохранения языкового разнообразия

Гудевич Юлия Витальевна

Выпускница (бакалавр)

*Филиал Московского государственного университета имени М.В.
Ломоносова в г. Ереване, направление подготовки «Журналистика»
Ереван, Армения*

E-mail: yuliagudevich@gmail.com

В ходе исследования были выявлены факты, подтверждающие тезис о том, что этническая журналистика ориентирована прежде всего на представителей конкретных этнических групп, использующих соответствующие языки, и играет важную роль в сохранении их языковой и культурной самобытности.

Язык достаточно хрупкий ресурс, так как он требует постоянной поддержки, возрождения и продвижения. Если этого не делать, то в ближайшее время планета лишится носителей многих уникальных языков народов мира. Согласно исследованию ЮНЕСКО, около 97% населения планеты говорит примерно на 4% мировых языков. При этом количество говорящих на остальных 96% языков мира составляет от силы 3% населения. Это подразумевает сокращение числа носителей для половины из более чем 6000 языков. Исходя из этого, к концу XXI века около 90 % языков могут быть заменены каким-либо из доминирующих языков [1]. Лингвисты полагают, что за день каждые две недели в среднем исчезает один язык. Есть и другие мнения, что процесс вымирания языков имеет более низкий темп развития и ограничивается десятью языками в год [2].

Уровень жизнеспособности языков оценивает и присваивает ЮНЕСКО, добавляя язык в «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» в соответствии с 9 критериями, из которых наиболее важным считается передача языка между поколениями. Так, на схеме 1 (см. Приложение 1) представлена карта мира с информацией о языках, которые находятся в различных ситуациях, как угрозы вымирания, так и возрождения.

«Другой язык - это другое видение жизни», именно эту цитату произнесли носители языков из разных регионов мира для проекта «ENDANGEAED LANGUAGES», чтобы сохранить звучание родного им языка, который находится в зоне опасности скорого неиспользования или на грани исчезновения (данные по этим 25 языкам были получены от ЮНЕСКО). Примером таких языков могут служить: вираджури (Австралия, осталось 30 говорящих); науат, также известный как пипиль (Сальвадор, осталось 30 говорящих); аймара (Боливия, Чили, Перу - осталось 2 000 000 говорящих) и многие другие языки, которые представлены в списке (см. Приложение 2) [3].

Группа учёных из различных научных комитетов, работающая над сборником «Net.lang: на пути к многоязычному киберпространству» при поддержке ЮНЕСКО, провела ряд исследований, посвящённых проблемам и способам продвижения родного

языка народов в разных сферах жизни, пришла к выводу, что глобализация стремительно сокращает культурное разнообразие и создает угрозу сохранению миноритарных языков. Если их не поддерживать, то в ближайшее время планета лишится носителей многих уникальных языков народов мира. Однако, среди негативной информации об исчезновениях разных языков найдётся и место позитивным примерам. Так иногда мертвые или умирающие языки обретают новую жизнь. Ярким примером может служить Израиль, где иврит, на протяжении веков считавшийся мертвым, сегодня является официальным языком страны [4]. Примером мультиэтнического и мультиязыкового общества, объединяющего представителей различных этнических групп, выступает Россия. Развитие СМИ на языках народов России в значительной степени обусловлено активной государственной политикой в области поддержки этнических СМИ, выражающейся в ряде официальных документов и целенаправленной политике РФ поддержки и сохранения культур народов России, в том числе и языков этнических групп.

Анализ научных исследований показал, что число СМИ на языках этнических групп демонстрирует стабильный рост, а их жанровая и тематическая палитра расширяется за счет создания не только общественно-политических изданий, теле- и радиоканалов, веб-сайтов, но и ресурсов с другой тематической направленностью. Несмотря на достаточно большое количество теле- и радиоканалов, газет и журналов, веб-сайтов на языках народов России, доступных сегодня широкой аудитории, их число по-прежнему существенно уступает аналогичному числу СМИ на русском языке. Авторы связывают этот факт со стремлением редакций оптимизировать затраты на создание и работу за счет расширения аудитории, получать большую прибыль от рекламы и использования эффективных способов продвижения СМИ на рынке. Интересно, что в силу больших финансовых затрат, требуемых для создания телеканала и адаптации его для двуязычной аудитории число радиостанций на языках этнических групп превалирует над телеканалами. Проведенные исследования в силу ориентации преимущественно на количественные, а не качественные характеристики этнических СМИ России, а также ограниченную выборку, едва ли отражают в полной мере специфику российского этнического медиапространства. Тем не менее некоторые результаты, полученные в ходе исследований, могут способствовать лучшему пониманию особенностей функционирования СМИ на языках народов России, а также трудностей, с которыми эти СМИ сталкиваются в современных условиях. Так можно определить общие тенденции для большинства этнических СМИ России: а) превалирование русскоязычного контента над контентом на других языках, б) преимущество государственной формы собственности, в) прямая зависимость между численностью этнической группы и количеством СМИ, выпускаемых на языке этой группы.

Улучшение ситуации вполне предсказуемо и может быть отчасти связано с государственными дотациями на развитие СМИ этнических групп, и государственными инициативами по стимулированию увеличения выпусков СМИ на языках народов

России. Процессы коммерциализации СМИ ведут к появлению крупных игроков в лице медиахолдингов, усиливают отчуждение журналистов от интересов гражданского общества. А зависимость от диктата рынка рекламы превращает концепцию демократического участия в идеологию, не способствующую балансу интересов. Это одно из дисфункциональных состояний массмедийного пространства. Российский ученый по этническим проблемам современных СМИ Малькова В.К. в ходе исследования высказала мнение, что этническая информация, нарастающим потоком идущая в последние десятилетия через СМИ, может играть как конструктивную, так и деструктивную роль в обществе. Для освещения этнических проблем необходима выработка четкой концепции миграционной политики в регионе, ее интеграционной направленности, связанной не только с социально-экономическими аспектами, но и серьезной идеологической деятельностью всех общественных институтов, включая прессу [5]. В новых этнокультурных условиях, сложившихся под влиянием миграционного кризиса, меняются способы взаимодействия с аудиторией. Участвуя в организации контента, аудитория становится одновременно и объектом воздействия СМИ, и активной стороной диалоговых отношений и является составляющей успеха иммигрантских СМИ.

Российские и зарубежные исследователи подчёркивают важную роль средств массовой информации в укреплении межнациональных отношений. Полученные ими результаты могут быть использованы научно-исследовательскими центрами, изучающими коммуникативные процессы, в том числе особенности освещения межэтнического и межконфессионального взаимодействия в СМИ, и способствовать разработке новых подходов к анализу межнациональных отношений.

Этномиграционные процессы во всём мире будут сопровождаться увеличением числа этнически ориентированных средств массовой информации, обновлением их содержания и возрастанием их роли как в жизни этнических меньшинств, так и в общественных процессах в целом.

Источники и литература

1. NET.LAND towards the multilingual cyberspace; Edition and coordination: Laurent Vannini, Hervé LeCrosnie; C&F éditions, 2012; URL: <https://ifap.ru/library/book520.pdf> «Preserving and promoting linguistic diversity», by Irina Bokova General Director, UNESCO. P.13.
2. NET.LAND towards the multilingual cyberspace; Edition and coordination: Laurent Vannini, Hervé LeCrosnie; C&F éditions, 2012; URL: <https://ifap.ru/library/book520.pdf> «Language Presence in the Real World and Cyberspace», Daniel Prado. P. 37.
3. Информация взята из проекта «ENDANGEAED LANGUAGES» URL:<https://www.gocompare.com/travel-insurance/endangered-languages/>
4. Информация взята на сайте издания «Российская газета», материал «Подавляющее меньшинство» _ Факультативный русский_Текст: Захар Гельман URL:<https://rg.ru/2010/09/20/menshinstvo.html>

5. Малькова В.К. Этнические аспекты журналистики: из опыта анализа российской прессы – М.: Информполиграф, 2004. – 280 с.

Применение искусственного интеллекта для анализа редакционной политики telegram-каналов (на примере армянских медиаресурсов)

Ерицян Давид Егишевич

Студент (бакалавриат)

Российско-армянский университет, Институт медиа, рекламы и кино

факультет журналистики

Ереван, Армения

E-mail: dav.eritsyan@mail.ru

В условиях цифровизации медиaproстранства Telegram-каналы становятся ключевой площадкой формирования общественного мнения и ведения информационных кампаний. Целью работы является выявление особенностей редакционной политики и эмоциональной окраски контента ведущих армянских Telegram-каналов «Баграмян 26» [1] и «Инфотека24» [2] в отношении Российской Федерации за период с 01.01.2024 по 31.12.2025 гг. с применением метода автоматизированного сентимент-анализа. Для проведения анализа было выполнено дообучение модели обработки естественного языка «ai-forever/sbert_large_nlu_ru» (архитектура Sentence-BERT, модель взята из онлайн-репозитория моделей ИИ Hugging Face [3]), выбранной благодаря устойчивости к длинным и слабо структурированным текстам. Процесс подготовки включал формирование корпуса из 1032 вручную промаркированных сообщений канала «Баграмян 26» по тернарной шкале (нейтральный, негативный, позитивный сентимент [4]). Нейтральный сентимент присваивался объективным сообщениям без авторской оценки, позитивный — сообщениям с положительной оценкой или поздравлениям, негативный — публикациям с оскорблениями и выраженной негативной коннотацией. В результате разметки обучающей выборки выявлено преобладание нейтральных публикаций (937), негативных было 77, позитивных — 18. Модель была дообучена на размеченном корпусе с тремя выходными классами после предварительной очистки текстов от эмодзи и указаний авторства.

В ходе автоматизированного анализа всего массива публикаций за 2024–2025 гг. получены следующие данные. Telegram-канал «Баграмян 26» опубликовал 26 952 записи, из которых нейтрально — 25 558, негативно — 1 142, позитивно — 252. Telegram-канал «Инфотека24» опубликовал 27 851 запись, из которых нейтрально — 27

360, негативно — 252, позитивно — 239. При фильтрации публикаций с упоминанием России (РФ, Российская Федерация) в канале «Баграмян 26» выявлено 3 460 нейтральных, 411 негативных и 5 позитивных публикаций. В канале «Инфотека24» соответствующие показатели составили 3 258 нейтральных, 124 негативных и 7 позитивных публикаций. Также рассмотрено упоминание государственных и политических деятелей России, где в канале «Баграмян 26» наиболее частой мишенью негативных публикаций стали М.В. Захарова (84 негативных упоминания), В.В. Путин (62), С. В.Лавров (51), М. Симоньян (23).

Содержательный анализ текстов, классифицированных как негативные, выявил системную работу по формированию отрицательного образа России и её политических представителей. Выявлено активное использование эмоционально окрашенной лексики, брани и оскорблений. Зафиксировано 94 использования хештега «#предатель». Ключевые маркеры негатива включают слова «предательство» (107 упоминаний), «манкурты» (135 упоминаний с учетом морфологических вариаций), «уродцы». Термин «манкурт» применяется для дискредитации лиц армянской национальности, поддерживающих интересы РФ. Эксплуатируется тема «трех предательств» России (отказ от помощи по ОДКБ, непоставка оружия, нарушение трехстороннего заявления 2020 г.). Публикации подчинены жесткой риторической системе, включающей фиксацию вины, эмоциональное заражение и мобилизацию аудитории. Выявлены манипулятивные техники, такие как интерпретационная надстройка с искажением смысла высказываний официальных лиц, аудиовизуальная модификация с намеренным ускорением видео выступлений М. Захаровой для искажения голоса и создания комического эффекта, а также редактирование изображений для усиления негативного восприятия.

Анализ реакций показывает поляризацию аудитории: публикации о помощи Украине получают положительные реакции, тогда как новости о военном сотрудничестве Армении с Россией — отрицательные. Зафиксировано наличие положительных реакций на новости о катастрофах с участием РФ. Выявлен эффект «многовекторного воздействия» [5], когда канал «Инфотека24» транслирует нарративы «Баграмян 26» через репосты, усиливая доверие к информации за счет множественности источников. Автоматизированный сентимент-анализ на базе дообученной модели SBERT продемонстрировал высокую эффективность для выявления редакционной политики и скрытых манипулятивных техник в Telegram-каналах. Исследование подтвердило, что канал «Баграмян 26» ведет целенаправленную работу по формированию негативного имиджа России, используя широкий арсенал средств от лексики ненависти до технологической модификации контента, а канал «Инфотека24» выступает ретранслятором данных нарративов. Дальнейшее совершенствование модели позволит повысить точность классификации и глубже изучить механизмы информационного воздействия.

Источники и литература

1. <https://t.me/bagramyan26> (Telegram-канал «Баграмян 26»).

2. <https://t.me/infoteka24> (Telegram-канал «Инфотека24»).
3. <https://huggingface.co/> (Платформа нейросетевых моделей).
4. Басина Полина Александровна, Дунаева Дарья Олеговна, Саркисова Анна Юрьевна «Валидация моделей машинного обучения для автоматизированного определения тональности русскоязычных текстов // Вестн. Том. гос. ун-та. 2022. №485.
5. Кихтан В. В., Качмазова З. Н. Информационная война: понятие, содержание и основные формы проявления // Вестник ВУиТ. 2018. №2.

Медиа как ключевые PR-каналы для международных организаций

Закарян Изабель Арменовна

Студент (бакалавр)

*Российско-Армянский (Славянский) университет, Институт медиа,
рекламы и кино,
факультет журналистики.*

Ереван, Армения

E-mail: izabelzakaran@gmail.com

Данная научная работа направлена на анализ средств массовой информации как одного из важнейших PR-каналов, способных привлечь внимание к социально значимым международным организациям. В качестве примера была рассмотрена деятельность благотворительной организации «World Vision» и её информационное сопровождение. Цель исследования заключается в изучении характерных особенностей PR-технологий в международных организациях (на примере специфики работы пресс-службы World Vision Armenia) и рассмотрение подходов различных СМИ к освещению неправительственной организации. Для осуществления работы были выбраны методы, обеспечивающие наиболее результативную и объективную подачу материала: обзор специальной научной литературы, мониторинг СМИ, а также контент-анализ.

World Vision — это христианская ориентированная на детей организация, которая работает с детьми, семьями и сообществами для преодоления бедности и несправедливости. World Vision впервые пришла в Армению с экстренной помощью жертвам разрушительного землетрясения в декабре 1988 года. Сегодня программы World Vision Armenia сосредоточены на здоровье и развитии детей, защите детей, молодёжи и экономическом развитии.

World Vision Armenia старается информировать общественность о своей деятельности через разные платформы для большего охвата аудитории. Так, у

организации есть официальный сайт и аккаунты в социальных сетях. Worldvision.am (ранее donate.am) — это онлайн-платформа, на которой размещена информация о мероприятиях, организованных World Vision Armenia, а также о принятых мерах по оказанию помощи нуждающимся. В ходе контент-анализа за 2024-2025 г. было выявлено, что организация старается осуществлять полноценную информационную деятельность, что позволяет ей зачастую обходиться и без помощи СМИ. На сайте World Vision Armenia размещаются материалы в различных рубриках, привлекающие внимание аудитории за счёт живых историй о семьях и детях, находящихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в поддержке.

Исходя из проведённого контент-анализа деятельности World Vision Armenia и её информационного сопровождения, мы пришли к выводу, что организация стремится охватывать публикациями широкие массы общественности. Она продвигает свою деятельность как с помощью официальной страницы, так и социальных сетей. Наиболее активна организация в соц. сетях, преимущественно в Фейсбуке, где World Vision Armenia регулярно делится своими достижениями, событиями и предоставляет отчётность о проделанной работе.

Важно отметить, что одним из ключевых пунктов при составлении PR-стратегии для какой-либо организации, является выбор соответствующего средства массовой информации. Это объясняется тем, что СМИ, как правило, имеют разные точки финансирования, что оказывает влияние на их редакционную политику. К примеру, у World Vision финансирование поступает из США, соответственно, в освещении деятельности организации будет больше заинтересовано то СМИ, которое также получает зарубежное финансирование.

Для освящения деятельности World Vision Armenia, мы выбрали несколько СМИ, включая: Armenpress [2], финансируемый Арменией; Sputnik Армения [3], получающий российское финансирование и CivilNet [4], финансируемый Западом. В результате контент-анализа данных СМИ, мы пришли к выводу, что финансирование действительно играет большую роль в подаче информации о деятельности международных организаций. В случае с World Vision Armenia такая новостная платформа, как CivilNet проявляет большую заинтересованность в освещении организации, также получающей зарубежное финансирование. А Sputnik Армения освещает организацию довольно редко и некоторые материалы касательно World Vision представляют критическую оценку деятельности организации.

Проведённый контент-анализ показал, что World Vision Armenia придерживается чёткой PR-стратегии, в рамках которой организация разрабатывает для каждой целевой аудитории свои инструменты и платформы, адаптируя их для разных стран. Также организация стремится налаживать связь со СМИ, чтобы иметь надёжный источник информирования. Важную роль в повышении узнаваемости организации играют в том числе коллаборации с другими крупными организациями, а также с популярными людьми, например, артистами.

Таким образом, можно заключить, что эффективное использование различных каналов распространения информации является одним из секретов успеха международных организаций. Это позволяет международным организациям не только информировать общественность о своей деятельности, формировать позитивный имидж, но и привлекать внимание к важным социальным вопросам.

Источники и литература

1. Официальная страница World Vision Armenia: <https://worldvision.am/>
2. Армянское государственное информационное агентство Armenpress: <https://armenpress.am/ru>
3. Официальный сайт армянского новостного интернет-издания Sputnik Армения: <https://am.sputniknews.ru/>
4. Официальный сайт армянской новостной платформы CivilNet: <https://www.civilnet.am/ru/>

Феномен фейковых новостей и методы их распознавания в современной журналистике (анализ реальных случаев и стратегии борьбы с дезинформацией)

Минасян Эмма Вардановна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в г. Ереване.

Направление: «Журналистика»

Ереван, Армения

E-mail: emma.minasyan2005@mail.ru

В условиях стремительного развития цифровых технологий и социальных сетей проблема распространения фейковых новостей становится одной из наиболее актуальных в современной медиасреде. Интернет значительно ускорил процесс распространения информации и изменил характер медиапотребления. Сегодня практически любой пользователь может не только получать, но и распространять новости, что существенно влияет на структуру информационного пространства.

Понятие «фейковые новости» в научной литературе трактуется по-разному. В широком смысле под фейковыми новостями понимаются намеренно искажённые или полностью вымышленные сообщения, распространяемые с целью введения аудитории в заблуждение и манипуляции общественным мнением. По мнению А. В. Атанесяна,

фейковые новости представляют собой форму информационного воздействия, при которой ложные или искажённые сведения подаются в формате новостного сообщения и имитируют журналистский контент [1].

Распространение фейковых новостей во многом связано с особенностями современной медиасреды. Социальные сети и цифровые платформы значительно ускоряют циркуляцию информации, а алгоритмы новостных лент способствуют быстрому распространению резонансных сообщений. Исследователи отмечают, что ложная информация нередко распространяется быстрее достоверной, поскольку она часто содержит эмоционально окрашенные формулировки и сенсационные заголовки, привлекающие внимание аудитории [2].

Для современной журналистики проблема дезинформации связана не только с необходимостью оперативного освещения событий, но и с обеспечением достоверности публикуемых сведений. В этих условиях особое значение приобретает фактчекинг — процесс проверки информации перед публикацией. Как отмечает Д. В. Соколова, фактчекинг является важной частью профессиональных стандартов журналистики и включает проверку источников, сопоставление данных из различных каналов и анализ первичных документов [3].

Одним из наиболее распространённых методов распознавания фейковых новостей является анализ источника информации. Отсутствие ссылок на первоисточники, использование анонимных сообщений или публикации на сомнительных интернет-ресурсах часто свидетельствуют о недостоверности информации. Кроме того, признаки дезинформации могут проявляться в использовании манипулятивных заголовков, искажении контекста и чрезмерно эмоциональной подаче материала.

Анализ реальных случаев распространения фейковых новостей показывает, что дезинформация особенно активно распространяется в период кризисных ситуаций и общественно значимых событий. В таких условиях возрастает потребность аудитории в оперативной информации, что нередко приводит к публикации неподтверждённых сведений. Именно поэтому важным условием противодействия фейковым новостям является соблюдение профессиональных стандартов журналистики и развитие систем проверки информации в редакциях.

Помимо профессиональной деятельности журналистов, важную роль играет повышение уровня медиаграмотности аудитории. Способность критически оценивать источники информации и анализировать содержание сообщений позволяет пользователям самостоятельно выявлять признаки дезинформации. Борьба с фейковыми новостями требует комплексного подхода, включающего развитие фактчекинга, соблюдение журналистских стандартов и повышение медиаграмотности общества.

Список использованной литературы

1. Атанесян А. В. Опыт определения и типологии «фейковых новостей» // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 5. С. 55–67.
2. Самородова Э. Особенности современного регулирования фейковых новостей: российский и зарубежный опыт // Медиаскоп. 2020. № 2.

3. Соколова Д. В. Фактчекинг и верификация информации в российских СМИ: результаты опроса // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2018. № 4. С. 3–25.

Журналистика как инструмент дипломатии: теоретико-методологические подходы к исследованию

Симович Диана Дмитриевна

Студент (бакалавриат)

*Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Ереване. Направление подготовки «Журналистика»
Ереван, Армения*

E-mail: dianasimovich@mail.ru

В условиях глобализации и развития цифровых коммуникаций журналистика всё чаще рассматривается не только как социальный институт, обеспечивающий общество информацией, но и как важный элемент международных коммуникаций. Средства массовой информации способны формировать образ государства, влиять на интерпретацию международных событий и участвовать в формировании общественного мнения за пределами национальных границ. В этом контексте журналистика становится частью механизмов публичной дипломатии, через которые государства стремятся донести свою позицию до зарубежной аудитории.

Современные исследования медиа и международных отношений показывают, что информационные потоки оказывают заметное влияние на внешнеполитические процессы. Как отмечает Е. Л. Вартанова, средства массовой информации в условиях глобальной медиасистемы становятся важным фактором формирования международной повестки дня и интерпретации мировых событий [1;45]. СМИ не только передают информацию, но и структурируют её, определяя, какие события получают наибольшее внимание аудитории. Таким образом, журналистика участвует в формировании символического пространства международной политики.

В научной литературе журналистика рассматривается как элемент «мягкой силы», позволяющей государствам воздействовать на международное общественное мнение посредством культурных и информационных ресурсов. По мнению М. М. Лебедевой, информационное измерение мировой политики играет всё более значимую роль в условиях конкуренции интерпретаций международных событий [2;112]. Теоретические основания анализа международных процессов также представлены в работах Э. Г.

Соловьёва, где подчёркивается значение информационного фактора в системе международных отношений [3;87].

Журналистика в данном контексте выполняет несколько взаимосвязанных функций. Она формирует информационную повестку, определяя значимые события; интерпретирует происходящее, предлагая объяснительные модели; способствует формированию международного имиджа государства. Как подчёркивает Я. Н. Засурский, медиасистема оказывает существенное влияние на общественное восприятие политических процессов [4;64]. С. А. Муратов рассматривает журналистику как социальный институт, тесно связанный с общественными трансформациями и коммуникационными процессами [5;29].

Важным элементом исследования является анализ коммуникативных стратегий, используемых в медиапространстве. По мнению Г. В. Лазутиной, журналистский текст всегда отражает определённую систему ценностных ориентиров, обусловленных социальным и политическим контекстом [6;53]. В международной коммуникации эти ориентиры нередко связаны с представлением национальных интересов и внешнеполитических приоритетов.

В связи с этим возникает необходимость разработки методологических подходов к исследованию журналистики как инструмента дипломатии. Одним из направлений анализа может быть изучение того, каким образом медиатексты отражают внешнеполитическую позицию государства и какие интерпретационные рамки используются при освещении международных событий. Для решения этой задачи целесообразно применять метод контент-анализа, позволяющий выявлять ключевые темы, оценки и дискурсивные стратегии в журналистских материалах [1; 5].

Методологическая схема исследования может включать определение корпуса медиатекстов, анализ тематической структуры публикаций, выявление смысловых акцентов и способов представления информации. Такой подход позволяет проследить, каким образом журналистика участвует в формировании образа государства и интерпретации международных процессов [2; 3].

Таким образом, рассмотрение журналистики в контексте дипломатии позволяет выявить её роль в системе международной коммуникации. Теоретический анализ показывает, что СМИ участвуют не только в распространении информации, но и в создании интерпретационных рамок восприятия международных событий.

Источники и литература

1. Варганова Е. Л. Теория СМИ: актуальные вопросы. — М.: Аспект Пресс, 2019.
2. Засурский Я. Н. Система средств массовой информации России. — М.: Аспект Пресс, 2001.
3. Лазутина Г. В. Профессиональная этика журналиста. — М.: Аспект Пресс, 2008.
4. Лебедева М. М. Мировая политика. — М.: Аспект Пресс, 2020.
5. Муратов С. А. Журналистика и общество. — М.: Издательство МГУ, 2010.
6. Соловьёв Э. Г. Теория международных отношений. — М.: Юрайт, 2018.
- 7.

Инклюзивная культура в российском медиапространстве: контент-анализ на основе мониторинга СКАН-Интерфакс

Слюнько Анастасия Олеговна

Студент (бакалавриат)

*Российский государственный университет социальных технологий,
факультет социологии и журналистики, Москва, Россия*

E-mail: slyunkoo96@gmail.com

В современном российском обществе понятие «инклюзивная культура» выходит за рамки сугубо образовательной или реабилитационной повестки, становясь неотъемлемой частью корпоративной политики, государственных программ, бизнеса и социально-культурных инициатив [2]. Под инклюзивной культурой понимается система ценностей, установок и практик, обеспечивающих равное участие всех людей, включая лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), в жизни общества [5]. В связи с активизацией государственной политики в области поддержки инвалидов и развития доступной среды особый интерес представляет то, как данная тема репрезентируется в информационном пространстве.

Настоящее исследование посвящено анализу формирования и распространения информационной повестки, связанной с инклюзивной культурой, в российских официальных источниках (порталы, сайты государственных учреждений и организаций). Эмпирической базой работы послужили данные системы мониторинга официальных источников СКАН-Интерфакс за период с ноября 2024 по ноябрь 2025 года [3].

Цель работы – выявить ключевые инфоповоды, институциональных акторов и тематические доминанты, формирующие образ инклюзивной культуры в российском медиапространстве. Теоретическую основу составили работы, рассматривающие инклюзию как социальный процесс и объект медийного конструирования [1; 4].

Анализ массива данных показал, что основными генераторами контента по теме инклюзивной культуры выступают три категории источников: порталы государственных учреждений (124 упоминания), пресс-релизы организаций (100 упоминаний) и порталы организаций (36 упоминаний). В географическом разрезе лидируют Москва (69), Свердловская область (53) и Тюменская область (40), что свидетельствует о высокой активности данных регионов в продвижении инклюзивных практик.

Содержательный анализ инфоповодов позволил выделить как «сквозные» темы (например, общая поддержка инвалидов – 80 публикаций), так и конкретные событийные проекты. Особый интерес представляет статистика наиболее заметных инфоповодов, отражающих специфику освещения инклюзивной культуры.

Инфоповоды в сфере инклюзивной культуры за период
20.11.2024–20.11.2025

Инфоповод	Количество публикаций	Охват	Заметность
МТС разработала инструмент диагностики уровня инклюзивной культуры	5	39565	263
Инклюзивная культура специалистов музейного и туристического пространства	1	89168	63
Смешанные коллективы: как строится коммуникация между глухими и слышащими	1	66349	379
Творчество без границ: в СКФУ завершился первый фестиваль для участников с ОВЗ	1	22616	49
Приглашаем принять участие в круглых столах проекта «Инклюзивный дом искусств»	13	21307	828

Источник: составлено автором на основе данных аналитической панели СКАН-Интерфакс: <https://scan-interfax.ru/media-monitoring>

Данные таблицы показывают, что наибольший охват аудитории получил инфоповод, инициированный коммерческим сектором (ПАО «МТС»), что говорит о значительном влиянии крупного бизнеса на формирование общественной повестки в сфере инклюзивности. Высокая «заметность» темы круглых столов проекта «Инклюзивный дом искусств» (828) при относительно невысоком единичном охвате свидетельствует о глубине проработки темы в профессиональной среде и ее резонансе в узкопрофильных медиа.

В разрезе организаций-лидеров по частоте упоминаний в контексте инклюзивной культуры выделяются крупные федеральные структуры: РАНХиГС (82 упоминания), РЖД (80), Российская государственная специализированная академия искусств (33), а также Министерство культуры РФ (30) и Министерство науки и высшего образования РФ (23). Среди вузов особо активную позицию занимает Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ), который не только фигурирует в инфоповодах (фестиваль «Творчество без границ»), но и имеет высокий индекс упоминаемости (19), что подтверждает его роль как одного из флагманов инклюзивного высшего образования в России.

Анализ упоминаемых персон показывает, что ключевыми спикерами темы выступают как федеральные чиновники (Министр труда А. О. Котяков – 14 упоминаний), так и представители педагогического и академического сообщества (педагоги, преподаватели вузов, ученые).

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о формировании в российском медиапространстве устойчивого дискурса об инклюзивной культуре. Ключевыми драйверами этой повестки выступают государство (в лице министерств и региональных администраций), система высшего образования и крупный бизнес. При этом наблюдается переход от общих лозунгов о поддержке инвалидов к конкретным

инструментальным решениям (диагностика культуры МТС) и обсуждению инклюзивных практик в профессиональных сообществах (проект «Инклюзивный дом искусств», форумы СКФУ).

Источники и литература

1. Брызгалова С.О., Кубасов А.В. Роль СМИ в формировании инклюзивной культуры в социуме (на материале интернет-публикаций) // Педагогическое образование в России. 2015. № 5. С. 141–145.2026).
2. Зезаев М. Р., Казова З. М., Циканова Л. М. Инклюзивный бизнес как драйвер развития предпринимательства // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2024. №5. С. 184–191.
3. Исследование СКАН-Интерфакс СМИ и Официальные источники. Аналитическая панель «Инклюзивная культура» [Электронный ресурс] // Система комплексного анализа новостей. Режим доступа: по подписке.
4. Курнакова Д.А., Беленко В.Е. Инклюзия в информационной повестке общественно-политических СМИ и СМИ, специализирующихся на социальной журналистике // Динамика медиасистем. 2025. Т. 4, № 2. С. 434–443.
5. Ярская-Смирнова В.Н., Ярская-Смирнова Е. Р. Инклюзивная культура социальных сервисов // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 133–140.

Редактирование текстов, созданных нейросетями: проблемы достоверности и смысловой точности

Тишкина Вероника Федоровна

Студент (бакалавриат)

*Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Ереване. Направление подготовки «Журналистика»
Ереван, Армения*

E-mail: tiskina0302@gmail.com

Нейросетевые инструменты в последние годы всё чаще используются при создании журналистских, рекламных и корпоративных текстов, а также материалов для цифровых медиа и интернет-платформ. Развитие технологий автоматической генерации текста существенно трансформирует процессы производства медиаконтента и влияет на традиционные профессиональные практики редакционной деятельности.

Актуальность исследования обусловлена активным внедрением генеративных моделей искусственного интеллекта в сферу профессиональной коммуникации. Современные языковые модели позволяют быстро создавать большие объёмы текстовой

информации, что делает их востребованными в медиасфере, маркетинге и интернет-журналистике. Вместе с тем использование подобных технологий ставит перед редакторами новые профессиональные задачи, связанные с проверкой достоверности, логической последовательности и смысловой точности генерируемых материалов.

Объектом исследования являются тексты, созданные с использованием нейросетевых технологий и применяемые в профессиональной коммуникации.

Предмет исследования составляют особенности редакторской проверки таких текстов, а также типичные ошибки, возникающие в процессе нейросетевой генерации.

Современные языковые модели способны создавать связные, грамматически корректные и стилистически выверенные тексты. Однако при этом они не гарантируют фактической достоверности представленной информации. В ряде исследований медиатекста отмечается, что внешняя логичность и структурированность материала могут формировать у читателя иллюзию экспертности и убедительности, тогда как фактическая точность текста остаётся недостаточно проверенной. В подобных случаях нейросетевой текст может содержать неточные данные, логические ошибки или некорректные обобщения.

В условиях цифровой медиасреды, особенности функционирования которой рассматриваются в работах Е. Л. Вартановой и С. Г. Корконосенко, проблема проверки информации и обеспечения достоверности медиатекста становится одной из ключевых задач современной редакционной практики. [1;2]. Расширение использования технологий искусственного интеллекта в журналистике и медиакоммуникациях усиливает необходимость разработки эффективных методов редакторской проверки подобных текстов.

Использование нейросетевых технологий приводит к изменению профессиональных функций редактора. Если ранее редакторская деятельность была направлена преимущественно на языковую и стилистическую корректуру текста, то в современных условиях она включает также логическую, фактическую и смысловую экспертизу материала. В исследованиях по теории журналистики подчёркивается, что редактор выступает посредником между технологией автоматизированного создания текста и требованиями профессиональной коммуникации, обеспечивая точность и достоверность информации [3;4;5].

В связи с этим можно выделить ряд рекомендаций по редакторской проверке текстов, созданных с использованием нейросетевых технологий.

Прежде всего необходимо осуществлять фактологическую проверку информации. Нейросетевые модели способны генерировать убедительно звучащие, но не всегда достоверные сведения. Поэтому редактору необходимо сверять данные текста с авторитетными источниками, официальными сайтами организаций, научными публикациями и статистическими материалами.

Следующей важной задачей является проверка логической структуры текста. В нейросетевых материалах нередко встречаются смысловые повторы, избыточные формулировки или нарушения последовательности изложения. Редактор должен

оценивать логические связи между частями текста и при необходимости перестраивать композицию материала.

Отдельного внимания требует смысловая точность формулировок. Нейросети могут использовать слишком общие или абстрактные выражения, создающие впечатление информативности без достаточного содержания. В таких случаях редактор уточняет формулировки, конкретизирует информацию и устраняет возможные смысловые неточности.

Важным этапом является стилистическая редакция текста. Материалы, созданные нейросетями, могут содержать клишированные обороты, чрезмерно формальные конструкции или смешение различных функциональных стилей. Задача редактора состоит в приведении текста к единому стилю, соответствующему жанру публикации и требованиям медиакommunikации [6;78].

Кроме того, необходимо обращать внимание на корректность использования терминологии. Нейросетевые системы иногда применяют неточные или некорректные профессиональные термины. Редактор должен проверять их соответствие принятым отраслевым стандартам и профессиональной практике.

Таким образом, работа редактора с нейросетевыми текстами предполагает комплексную проверку содержания, включающую фактологический анализ, логическую и смысловую экспертизу, а также стилистическую корректировку материала. В современных условиях редактор становится ключевым участником процесса подготовки медиатекста, обеспечивающим его достоверность и соответствие профессиональным требованиям.

Источники и литература

1. Варганова Е. Л. Медиасистема России. — Москва: Аспект Пресс, 2019.
2. Корконосенко С. Г. Основы журналистики. — Москва: Аспект Пресс, 2018
3. Колесниченко А. В. Практическая журналистика.—Москва: Издательство Московского университета, 2020.
4. Лазутина Г. В. Профессиональная этика журналиста. — Москва: Аспект Пресс, 2018.
5. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. — Москва: Аспект Пресс, 2017.
6. Чернышова Т. А. Редактирование медиатекстов. — Москва: Флинта, 2021.
7. Виноградова С. М., Мельник Г. С. Психология массовой коммуникации. — Санкт-Петербург: Питер, 2019.

СЕКЦИЯ 6. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Защита прав детей в период вооруженного конфликта

Авагян Норайр Араевич

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Юриспруденция»

Ереван, Армения

E-mail: norayravagyan05@mail.ru

Вооруженные конфликты в современном мире неизбежно сопровождаются многочисленными нарушениями прав человека, и наиболее уязвимой категорией пострадавших становятся дети. Помимо физического вреда [1], который нередко оказывается в центре внимания гуманитарных миссий и правозащитников, дети в зонах конфликтов подвергаются тяжелейшим формам психологического насилия: они становятся свидетелями разрушений, насилия, теряют близких, переживают вынужденное перемещение, вербовку в вооруженные формирования, угрозы, изоляцию и постоянное чувство страха. Эти формы воздействия наносят глубочайшие травмы, последствия которых могут сохраняться на протяжении всей жизни.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью системного анализа как международно-правового, так и существующих доктринальных и практических подходов к защите детей от психологического насилия [2] в условиях вооруженных конфликтов. Важно не только оценить эффективность существующих правовых норм, но и выявить наиболее действенные механизмы профилактики, помощи и реабилитации, а также обозначить направления их совершенствования.

Цель научной статьи заключается в исследовании международно-правовых и практических мер защиты детей от психологического насилия и травм в условиях вооруженного конфликта.

Задачи:

1. Изучить международно-правовые документы, регулирующие защиту прав детей в условиях вооруженных конфликтов.
2. Проанализировать научные подходы к понятию психологического насилия и его проявлениям в контексте войны.
3. Рассмотреть реальные практики противодействия психологическому насилию и оказания помощи детям.
4. Сформулировать выводы и предложения по усилению защиты детей в указанной сфере.

Как повысить эффективность защиты детей от психологического насилия в условиях вооруженных конфликтов?

1. Имплементация и конкретизация международных норм в национальное законодательство. Несмотря на наличие фундаментальных

международных документов (Конвенция ООН о правах ребенка, Женевские конвенции), их положения часто носят декларативный характер. Ключевым направлением является их адаптация и внедрение в национальные правовые системы государств, участвующих в конфликте, включая криминализацию психологического насилия над детьми как отдельного военного преступления.

2. Создание специализированных программ психосоциальной поддержки [3] и «зеленых коридоров». Необходима разработка и внедрение механизмов быстрого реагирования для эвакуации детей из зон боевых действий с обязательным сопровождением психологов. Важно создавать защищенные пространства (например, «дружественные к ребенку зоны») в лагерях для перемещенных лиц, где дети могли бы получать первичную психологическую помощь и возвращаться к рутинным занятиям (игре, учебе).

3. Профилактика вербовки и реинтеграция. Усиление мер по предотвращению вербовки детей вооруженными группами через образовательные и экономические программы в уязвимых сообществах. Для детей, которые были освобождены или сбежали, критически важны долгосрочные программы реинтеграции, направленные не только на социализацию, но и на проработку травмы, чтобы избежать стигматизации и повторной травматизации.

4. Подготовка кадров и обучение участников конфликта. Проведение обязательного обучения для миротворцев, военнослужащих, сотрудников гуманитарных миссий и волонтеров методам выявления симптомов психологического насилия у детей и алгоритмам действий при контакте с травмированными несовершеннолетними. Это включает в себя знание принципов «не навреди» и основ травма-информированного подхода.

5. Использование цифровых технологий [4] для мониторинга и фиксации. Применение спутниковых снимков, данных из открытых источников (OSINT) и защищенных цифровых платформ для документирования случаев психологического насилия, разрушения школ и больниц. Собранные данные могут быть использованы не только для привлечения виновных к ответственности в международных судах, но и для более точного планирования гуманитарной помощи.

Решение проблемы требует консолидации усилий международного сообщества, государств и неправительственных организаций, направленных не только на спасение физической жизни детей, но и на сохранение их психического здоровья, что является залогом будущего устойчивого мира.

Источники и литература

1. Конвенция о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года) // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи ООН.

2. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах (принят резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 мая 2000 года) // ООН. – 2000.
3. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним // Международный Комитет Красного Креста.
4. Ульянина О.А., Никифорова Е.А., Александрова Л.А. Особенности переживания детьми прямого и опосредованного травматического опыта, связанного с вооруженными конфликтами, насилием и вынужденной миграцией // Современная зарубежная психология. – 2025. – Том 14. – № 4.

Способы защиты вещных прав: проблема систематизации

Аветисян Давид Гагикович

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Юриспруденция»

Ереван, Армения

E-mail: dav.avetisyan777@gmail.com

Актуальность данной проблемы заключается в том, что вещные права традиционно считаются фундаментом имущественного оборота, так как именно они закрепляют статику отношений и принадлежность имущества к конкретному лицу. Однако в условиях современного усложнения объектов гражданских прав и формирования гибридных правоотношений действующий механизм их охраны выявил серьезные внутренние противоречия. Основная проблема заключается в отсутствии в цивилистике единой, законодательно закрепленной и доктринально непротиворечивой системы способов защиты. Это порождает опасную неопределенность: от терминологической путаницы в категориях «охрана» и «защита» до глубоких коллизий между вещно-правовыми и обязательственными средствами. В условиях, когда абсолютная природа вещного права требует иерархичности и логической завершенности, нынешняя фрагментарность законодательства, ограничивающаяся лишь виндикационным и негаторным исками, которые закреплены в главе 20 Гражданского Кодекса РФ (далее – ГК РФ) [1], становится барьером для эффективного правоприменения. Недостаточная синхронизация норм с законодательством о регистрации недвижимости и отсутствие фактического владения создают правовой

вакуум, который требует немедленного научного осмысления и законодательной реформы.

Цель данного исследования – проведение комплексного анализа системных дефектов механизма защиты вещных прав через призму законодательства, актуальной судебной практики и существующих в доктрине подходов. Работа направлена на то, чтобы преодолеть жесткое противопоставление формально-догматического и функционально-прагматического подходов к систематизации, найдя баланс между чистотой цивилистических конструкций и практической эффективностью. В рамках исследования также ставится амбициозная задача не просто выявить проблему, но и сформулировать концептуальные предложения по модернизации Гражданского кодекса.

Особое внимание уделяется необходимости легитимации тех способов защиты, которые уже выработаны практикой (например, иск о признании права), но до сих пор не нашли своего четкого места в структуре специальных вещно-правовых норм. Итогом работы должна стать модель целостной, логичной и адаптивной системы, способной гарантировать восстановление прав в условиях современного динамичного оборота.

Для достижения поставленных целей в данной работе последовательно решается ряд исследовательских задач:

1. проводится анализ соотношения категорий «охрана» и «защита», что необходимо для определения границ будущей систематизации и устранения терминологической неопределенности;
2. исследуется проблема конкуренции вещных и обязательственных исков, которая является центральным узлом системных противоречий в судебной практике;
3. анализируется специфика защиты прав на недвижимость и ее зависимость от административно-регистрационных процедур.
4. исследуется «дилемма владения» — вопрос о необходимости введения самостоятельной защиты фактического владения, не опирающегося на титул.

Также в задачи входит критическое сопоставление подходов ведущих цивилистов, таких как Е. А. Суханов [2] и К. И. Скловский [3], для наиболее адекватных критериев классификации способов защиты (от восстановительных до пресекательных).

Предложения по устранению проблем предлагаются на основе анализа в виде трехступенчатой реформы системы защиты вещных прав.

1. Необходима законодательная консолидация: главу 20 ГК РФ следует дополнить исками о признании вещного права и об освобождении имущества от ареста, а также дать легальное определение виндикационному и негаторному искам.
2. Предлагается трансформировать жесткий запрет конкуренции исков в принцип субсидиарности обязательственных средств защиты. Это позволит предъявлять вещно-правовой иск даже при наличии договорных

отношений, если они прекратились или если нарушение представляет собой прямое посягательство на имущество (например, уничтожение вещи).

3. Введение института посессорной защиты через новую статью 305.1 ГК РФ. Такой иск позволит добросовестному владельцу оперативно пресекать самоуправство третьих лиц в упрощенном порядке, не доказывая титул, что стабилизирует гражданский мир.

Предложенные выше меры превратят фрагментарный набор исков в гибкую систему, где защита прав собственности гармонично сочетается с защитой добросовестного владения.

Источники и литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 21.10.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. В ред. от 31.07.2025.
2. Суханов Е. А. Гражданское право. 2-е изд. Москва: Статут, 2019.
3. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. 4-е изд. Москва: Первая юридическая консультация, 2022.

Дискуссионные вопросы понятия личности преступника

Григорян Ирина Самвеловна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в городе Ереване

Направление: «Юриспруденция»

Ереван, Армения

E-mail: irishkagrigoryan@gmail.com

В современной криминологии центр научного анализа все чаще смещается от описания самого преступления к исследованию личности лица, совершившего преступление [4]. Такой подход обусловлен тем, что юридическая характеристика субъекта преступления не исчерпывает вопрос о причинах противоправного поведения: преступник рассматривается как человек, чье поведение формируется совокупностью индивидуальных, психологических и социальных факторов, что имеет прямое прикладное значение для профилактики, индивидуализации наказания и ресоциализации [4;7].

Однако, несмотря на важность определения понятия личности преступника, в научной литературе существует позиция, согласно которой понятие личности преступника является условным и формальным. Как объясняют сторонники данной

позиции, само понятие «личность преступника» состоит из двух компонентов: социологического – «личность» и юридического – «преступник». Они считают, что понятие личности преступника в большей мере условно, поскольку признать действия преступными можно только в зависимости от действующего законодательства [6].

Также, анализируя подходы к определению понятия личности преступника, интересным представляется подход, согласно которому более корректно использовать не категорию «личность преступника», а понятие «криминогенная личность». Обосновывается это тем, что при создании криминологической характеристики преступлений определенного вида изучается личность преступника, на основании собранных сведений формируются типологические схемы (в дальнейшем – типологии и классификации). Однако профилактическое воздействие должно осуществляться на криминогенную личность – человека, имеющего недостатки, которые при стечении определенных обстоятельств могут привести к совершению им преступления [5].

Показано, что структура личности преступника в криминологии не является единой: наряду с подходами, исключающими биологические признаки, обоснована позиция о необходимости рассматривать личность преступника как многослойную систему, включающую социально-демографический, социально-психологический, уголовно-правовой, индивидуально-психологический, иногда биофизиологический блоки, взаимодействие которых способно формировать устойчивую криминогенную направленность [2; 3].

Отдельное внимание уделено разграничению классификации и типологии: классификация группирует правонарушителей по формальным критериям и удобна для статистического анализа, тогда как типология ориентирована на выявление устойчивых моделей поведения и внутренних мотиваций, что делает её более продуктивной для криминологического объяснения и профилактики. В результате предлагается рассматривать типологию как инструмент прикладной криминологии, который должен быть «привязан» к конкретным мерам предупреждения или ресоциализации, а не существовать как абстрактная схема [1].

Анализ распространённых типологий (в т. ч. подходов А. Б. Сахарова, С. В. Познышева, Ю. М. Антоняна, А. И. Алексеева) показывает их научную значимость, но выявляет общую проблему: статичность многих моделей и недостаточную пригодность для описания новых форм преступности (киберпреступности, экономических и технологически опосредованных деяний), когда преступник может иметь высокий уровень образования и не обладать «классическим» криминальным прошлым. [1; 2; 4]

В качестве направления обновления предложено развивать типологические модели через учёт технологического фактора и динамики личности (изменяемости под влиянием среды и жизненных обстоятельств), а также включать параметры, связанные с самоконтролем, мотивацией к исправлению и готовностью к ресоциализации, – как практико-ориентированные критерии риска рецидива.

Проведённая работа подтверждает, что комплексное криминологическое изучение личности (и, шире, криминогенной личности) повышает эффективность профилактики

и коррекционных мер, а предложенная динамическая модель позволяет адаптировать типологический подход к современным социальным и цифровым условиям, тем самым усиливая предупреждение преступности.

Источники и литература

1. Алексеев А.И., Сахаров А.Б. Причины преступлений и их устранение органами внутренних дел. М., 1982.
2. Антонян Ю.М. Изучение личности преступника. М., 1982.
3. Криминология / Под ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005.
4. Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 1992.
5. Новикова Ю.В. Типологические схемы личности преступника в структуре криминологической характеристики преступности преступлений // CyberLeninka: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskie-shemy-lichnosti-prestupnika-v-strukture-kriminologicheskoy-harakteristiki-prestupnosti-prestupleniy> (дата обращения: 07.03.2026).
6. Салохутдинова О.С., Андреева Л.А. Личность преступника: понятие в криминологии и уголовном праве // CyberLeninka: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-prestupnika-ponyatie-v-kriminologii-i-ugolovnom-prave> (дата обращения: 07.03.2026).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 20.02.2026) // КонсультантПлюс.

Функции нотариата в современном обществе

Есян Ева Ваграмовна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета

имени М. В. Ломоносова в г. Ереване,

Направление: «Юриспруденция»

Ереван, Армения

E-mail: esayan.eva@gmail.com

Нотариат в современном обществе выступает одним из ключевых институтов, обеспечивающих правовую определённость и безопасность гражданского оборота, выполняя не только удостоверительную, но и превентивно-правозащитную роль [3]. В

условиях усложнения имущественных и личных неимущественных отношений, роста числа сделок, расширения наследственных и корпоративных процедур, а также активной цифровизации юридически значимых действий возрастает значение функций нотариата как механизма предупреждения правовых конфликтов, обеспечения достоверности юридических фактов и укрепления доверия к правовым инструментам [1; 2; 3]. Функциональная характеристика нотариата позволяет выявить его место в системе публично-правовых и частноправовых средств защиты прав, определить практическую ценность нотариальной формы и обозначить направления её развития в условиях цифровой трансформации [1; 3; 4].

Цель настоящей статьи состоит в раскрытии содержания основных функций нотариата в современном обществе, обосновании их значения для обеспечения правовой безопасности и стабильности гражданского оборота, а также определении перспектив развития нотариальной деятельности в условиях цифровизации правовых процессов [1; 3; 4].

В рамках достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

1. Охарактеризовать правовую природу нотариата и определить его место в механизме правовой охраны и защиты прав участников гражданского оборота [1; 2];
2. Раскрыть содержание превентивно-профилактической функции нотариата как инструмента предупреждения правовых споров и минимизации рисков оспаривания сделок [1; 3];
3. Проанализировать доказательственную (удостоверительную) функцию нотариата, включая обеспечение достоверности юридических фактов, подтверждение волеизъявления и придание документам повышенной доказательственной силы [1; 2; 4];
4. Рассмотреть гарантийную (публично-правовую) функцию нотариата, выражающуюся в обеспечении законности нотариальных действий и соблюдении обязательных требований к юридически значимым процедурам [1; 3];
5. Определить влияние цифровизации на реализацию функций нотариата и обозначить ключевые направления модернизации нотариальной деятельности с учётом требований безопасности, идентификации и защиты нотариальной тайны [1; 3; 4].

Каждая из поставленных задач направлена на формирование целостного представления о функциональном назначении нотариата в современном обществе и выявление практических механизмов укрепления правовой защищённости субъектов гражданских правоотношений [1; 2; 3].

Основные направления функционального анализа.

1. Превентивно-профилактическая функция. Рассмотрение нотариата как механизма предупреждения правовых конфликтов: проверка дееспособности

и полномочий, установление действительной воли сторон, разъяснение правовых последствий, устранение дефектов формы и содержания юридических действий до возникновения спора [1; 3].

2. Правозащитная функция. Анализ роли нотариуса в обеспечении охраны субъективных прав и законных интересов граждан и организаций, включая снижение риска злоупотреблений и обеспечение баланса интересов сторон в юридически значимых ситуациях [1; 2; 3].

3. Доказательственная (удостоверительная) функция. Оценка значения нотариальных актов как источника повышенной достоверности: удостоверение сделок и юридических фактов, свидетельствование подлинности подписи и копий документов, обеспечение доказательств, формирование устойчивой доказательственной базы [1; 2; 4].

4. Гарантийная (публично-правовая) функция. Сопоставление нотариальной деятельности с задачами обеспечения законности гражданского оборота: соблюдение требований закона, выполнение публичных полномочий нотариусом и укрепление доверия к юридически значимым действиям [1; 3].

5. Цифровизация нотариата и трансформация функций. Оценка внедрения электронных сервисов и информационных систем, развития дистанционных процедур, а также рисков цифровой среды (идентификация личности, кибербезопасность, неизменность электронных документов, защита конфиденциальности) и необходимых гарантий их правовой устойчивости [1; 3; 4].

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что функции нотариата в современном обществе имеют комплексный характер и направлены на укрепление правовой определённости, снижение конфликтности и обеспечение стабильности гражданского оборота; при этом ключевым системообразующим элементом выступает превентивно-профилактическая функция, а цифровизация расширяет возможности нотариата, одновременно повышая требования к юридическим и технологическим гарантиям безопасности нотариальных процедур [1; 3; 4]

Источники и литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // [сайт] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 24.02.2026).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // [сайт] <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.02.2026).
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (действующая редакция) // [сайт] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 24.02.2026).

4. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // [сайт] <http://pravo.gov.ru>(дата обращения: 24.02.2026).

Развитие бухгалтерского учета в современных экономических условиях *Кузьмина Ксения Михайловна*

Магистрант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Высшая школа государственного аудита (факультет)

Москва, Россия

E-mail: miss.kolrij@yandex.ru

Переход мирового технологического уклада к цифровому формату, определяемому как «экономика данных», коренным образом трансформирует роль традиционных экономических институтов [1]. Россия, интегрируясь в это пространство, сталкивается с необходимостью переосмысления функций бухгалтерского учета. Из инструмента фиксации хозяйственных операций он превращается в базовый элемент системы экономической безопасности, обеспечивающий прозрачность, достоверность и сопоставимость финансовой информации [1, 2].

Актуальность исследования обусловлена тремя ключевыми факторами. Во-первых, необходимостью гармонизации национальной учетной системы с Международными стандартами финансовой отчетности (МСФО) для интеграции предприятий в глобальную экономику [1]. Во-вторых, усилением роли учета как механизма предотвращения экономических угроз: качественная информация позволяет своевременно выявлять риски хищений и злоупотреблений. В-третьих, цифровизацией учетных процессов, создающей как возможности для повышения эффективности, так и новые требования к компетенциям специалистов [1, 4].

Проблемное поле формируется вокруг противоречия между задачами модернизации и сохраняющимися недостатками практики. Согласно Концепции развития бухгалтерского учета, к ним относятся формальный подход регулирующих органов к применению стандартов и низкая квалификация части бухгалтеров [3]. Внедрение МСФО сопряжено с конкретными трудностями: корректное определение справедливой стоимости активов, формирование резервов и адаптация международных норм к российской специфике [1].

Проведенный анализ позволяет выделить следующие положения. Во-первых, бухгалтерский учет обоснованно рассматривается как фундамент экономической

безопасности. Элементы его метода работают на создание достоверной информационной базы для выявления угроз: документация фиксирует операции, инвентаризация подтверждает наличие активов, оценка влияет на достоверность капитала и обязательств, а калькуляция обеспечивает правильное формирование себестоимости. Бухгалтерская отчетность служит ключевым источником для оценки уровня защищенности предприятия [2].

Во-вторых, детализированы риски современной учетной практики: искажение первичных данных, неверное толкование законодательства и ошибки профессионального суждения бухгалтера. Минимизация этих рисков требует не только совершенствования методологии, но и постоянного повышения квалификации кадров.

В-третьих, анализ цифровизации на примере программы «1С: Бухгалтерия» показал, что автоматизация позволяет экономить до 40% рабочего времени персонала за счет сокращения рутинных операций [4]. Освободившиеся ресурсы могут быть направлены на решение стратегических, аналитических задач. При этом сделан вывод, что технологии не заменяют бухгалтера полностью: задачи, требующие интерпретации нестандартных ситуаций и профессионального суждения, остаются прерогативой человека. Современный специалист трансформируется в аналитика, обладающего цифровыми компетенциями и глубоким знанием законодательства [4].

Бухгалтерский учет в России динамично развивается, адаптируясь к вызовам глобализации, цифровизации и требованиям экономической безопасности [1, 4]. Теоретическая значимость работы заключается в углублении понимания учетной функции как активного элемента управления рисками.

Практическая значимость результатов состоит в возможности их использования в нескольких направлениях. Руководством организаций – для совершенствования учетной политики и оптимизации распределения трудовых ресурсов. Образовательными учреждениями – при разработке программ подготовки кадров со смещением акцента на формирование цифровых компетенций и аналитического мышления. Регулирующими органами – для уточнения методических рекомендаций по адаптации МСФО к российской экономической реальности.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой методологии учета новых объектов цифровой экономики (криптовалюты, цифровые активы) и созданием методик оперативной оценки экономической безопасности на основе данных учета в режиме реального времени [1, 4].

Источники и литература

1. Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее: монография / И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина и др.; под ред. И.И. Кучерова, Н.А. Поветкиной. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ИД «Юриспруденция», 2022. – С. 272
2. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете»

3. Приказ Минфина РФ от 01.07.2004 № 180 «Об одобрении Концепции развития бухгалтерского учета и отчетности в Российской Федерации на среднесрочную перспективу»
4. Самойлова Т. Д., Полухина О. А. Цифровизация финансовых услуг: новый виток в fin tech // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2020. № 1. С. 518–520

О некоторых особенностях организации прокуратуры в РФ и РА

Ламбарян Давид Арменович

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Юриспруденция»

Email: lambaryandavid@gmail.com

Организация прокуратуры как единого централизованного института является ключевым элементом обеспечения законности в постсоветских государствах. Сравнение прокуратур Российской Федерации (РФ) и Республики Армения (РА) позволяет выделить общие черты и специфические особенности, обусловленные конституционным устройством и эволюцией правовых систем и национального права. Полномочия и функции прокуратуры Российской Федерации, ее организация и порядок деятельности определяются федеральным законом и в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1 прокуратура РФ представляет собой единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции. Принципы организации и деятельности прокуратуры РФ закреплены в ст. 4 указанного закона: законность, единство, централизация, независимость прокуроров от органов государственной власти, общественных и политических организаций.[3]

Система органов прокуратуры РФ включает Генеральную прокуратуру РФ, прокуратуры субъектов РФ, районные (городские) прокуратуры, а также специализированные прокуратуры (военные и другие). Назначение Генерального прокурора РФ осуществляется Президентом РФ после консультаций с Советом Федерации Федерального Собрания РФ, срок полномочий — 5 лет. [3] Это отражает федеративный характер государства, где прокуратура интегрирована в систему

разделения властей, но с акцентом на исполнительную ветвь. Нижестоящие прокуроры назначаются и освобождаются Генеральным прокурором РФ и подчинены ему по вертикали.

В Республике Армения деятельность прокуратуры регулируется Законом от 17 ноября 2017 г. № ЗР-198 «О Прокуратуре» (с изменениями, в т. ч. от 24 марта 2023 г. № ЗР-58) Согласно ст. 1 Закона прокуратура РА является единой системой, возглавляемой Генеральным прокурором. В отличие от РФ, полномочия прокуратуры РА не включают общий надзор за исполнением законов: они закреплены в Конституции РА и сосредоточены на возбуждении уголовного преследования, надзоре за законностью досудебного уголовного производства, поддержании обвинения в суде, опротестовании решений, приговоров и постановлений судов, а также осуществлении надзора за законностью применения наказаний и иных мер принуждения. Принципы деятельности прокуратуры РА подчеркивают публичность, самостоятельность каждого прокурора (осуществление полномочий на основе закона и внутреннего убеждения без вмешательства, ст. 6), деполитизацию (запрет членства в партиях и политической деятельности, ст. 7) и строгую иерархию (нижестоящие прокуроры подчинены вышестоящим, ст. 31).

Система прокуратуры РА включает Генеральную прокуратуру, прокуратуру г. Еревана, прокураторы муниципалитетов города Еревана, прокуратуры областей, военные прокуратуры гарнизонов и центральную военную прокуратуру в столице. Генерального прокурора по предложению Президента Республики назначает Национальное Собрание. Срок пребывания Генерального прокурора в должности 6 лет. Одно и то же лицо не может назначаться Генеральным прокурором более чем два раза подряд. Нижестоящие прокуроры назначаются Генеральным прокурором с учетом квалификационной комиссии.[2; 4]

Прокуратура Республики Армения обладает исключительным правом на возбуждение уголовного преследования, в то время как прокуратура Российской Федерации такого полномочия лишена уже почти двадцать лет.[4] Это полномочие прокуратура РФ утратила в 2007 году в результате реформы, проведенной Федеральным законом № 87-ФЗ, когда был создан самостоятельный Следственный комитет. Главными целями реформы стали разделение надзорных и обвинительных функций, повышение независимости предварительного следствия и устранение конфликта интересов, при котором один орган одновременно выступал и надзирателем, и расследователем. В настоящее время постановление о возбуждении уголовного дела выносит орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа и следователь. В Республике Армения, напротив, в соответствии со ст. 24 Закона «О прокуратуре» возбуждение уголовного преследования является исключительной компетенцией прокурора, который принимает соответствующее постановление и полностью контролирует все досудебное производство.[4]

Сравнивая организации прокуратур в РФ и РА, можно отметить общие черты: единство системы, централизация и независимость. Однако в РФ структура более

разветвленная из-за федерализма, с большим количеством специализированных прокуратур, в то время как в унитарной Армении акцент на компактной иерархии с фокусом на столичных и региональных органах. Различия в порядке назначения Генпрокурора отражают конституционные модели: президентская в РФ с элементами парламентского контроля и парламентская в РА с сильным влиянием законодательной власти. [3; 4] Эти особенности обеспечивают адаптацию прокуратуры к национальным правовым традициям, способствуя эффективности надзора за законностью.

Источники и литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм.) <http://www.constitution.ru/>
2. Конституция Республики Армения (принята 06.12.2015, с изм.) // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus>
3. «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1 https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/
4. Закон Республики Армения от 17 ноября 2017 г. № ЗР-198 «О прокуратуре» (с изм. от 24.03.2023 № ЗР-58 https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=113216

Общие и специальные условия применения принципа «ne bis in idem»

Минасян Давид Айкович

Аспирант, 1 год обучения

Российско-Армянский университет

Ереван, Армения

E-mail: david.minasyann@gmail.com

Принцип запрета двойного наказания (ne bis in idem) традиционно рассматривается как одна из ключевых гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве. Его содержание сводится к недопустимости повторного привлечения лица к ответственности за одно и то же деяние после вынесения окончательного решения по делу. Данный принцип закреплен как в национальных правовых системах, так и в международном праве. В частности, он предусмотрен в статье 4 Протокола № 7 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., а также в статье 14 (п. 7) Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. В российском праве соответствующая гарантия вытекает из статьи 50 Конституции РФ, устанавливающей запрет повторного осуждения за одно и то же преступление.

К числу общих условий применения принципа *ne bis in idem* относится наличие окончательного и вступившего в законную силу решения по делу. Именно окончательность (*finality*) акта правосудия обуславливает возникновение запрета повторного преследования. Европейский суд по правам человека подчеркивает, что решение должно обладать качеством *res judicata*, то есть быть обязательным и не подлежать обычному пересмотру. Кроме того, необходимым условием является тождество лица (*idem persona*): повторное производство должно касаться того же субъекта. Третьим ключевым элементом выступает идентичность фактических обстоятельств (*idem factum*). В Постановлении Большой палаты по делу *Zolotukhin v. Russia* [1] Европейский суд сформулировал подход, согласно которому определяющим является совпадение совокупности конкретных фактов, а не их юридическая квалификация. Тем самым был закреплен материальный, а не формально-правовой критерий «*idem*».

Особое значение имеет вопрос о том, подпадает ли производство под категорию «уголовного» в контексте Конвенции. Суд выработал автономные критерии уголовного характера обвинения (критерии Энгеля) [2], учитывающие правовую квалификацию деяния в национальном праве, его природу, а также характер и степень строгости санкции. Это позволяет распространить действие принципа не только на классические уголовные дела, но и на квазиуголовные административные производства, если санкции носят карательный и превентивный характер.

Специальные условия применения принципа связаны с допустимыми исключениями и особенностями его реализации. Так, в Постановлении по делу *A and B v. Norway* [3] Европейский суд допустил возможность параллельных налоговых и уголовных производств при условии наличия между ними достаточной материальной и временной связи. Суд указал, что подобные процедуры могут рассматриваться как элементы единой комплексной реакции государства на правонарушение, если они взаимодополняют друг друга и не приводят к чрезмерному бремени для лица.

Допускается также возобновление производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, что прямо предусмотрено статьей 4 Протокола № 7 к Конвенции. В этом случае речь не идет о повторном наказании за то же деяние, а о пересмотре в рамках установленной законом процедуры.

Отдельно следует отметить значение принципа *ne bis in idem* для правопорядка Республики Армения. Являясь участницей Европейской конвенции и находясь под юрисдикцией Европейского суда по правам человека, Армения обязана учитывать правовые позиции Суда при формировании национальной практики. Конституция Республики Армения закрепляет запрет повторного осуждения за одно и то же деяние, а положения уголовно-процессуального законодательства предусматривают обязательность прекращения производства при наличии вступившего в законную силу решения по тем же фактам и в отношении того же лица [4; 5]. В условиях реформирования судебной системы и обновления уголовного и уголовно-

процессуального законодательства Армении значение принципа *ne bis in idem* возрастает как гарантия правовой определенности и доверия к правосудию.

Таким образом, применение принципа *ne bis in idem* предполагает одновременное наличие общих условий — окончательного решения, тождества лица и идентичности фактических обстоятельств — и учет специальных критериев, связанных с характером производства и допустимыми исключениями. Современная практика Европейского суда ориентирует правоприменителя на содержательный анализ конкретной ситуации, что способствует укреплению баланса между публичными интересами государства и необходимостью эффективной защиты прав человека.

Источники и литература

1. Постановление Большой палаты Европейского суда по правам человека по делу *Zolotukhin v. Russia* [Электронный ресурс]. – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22001-119738%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22001-119738%22]%7D)
2. *Ne bis in idem and Multiple Sanctioning Systems. A Case Law Study of the European Court of Human Rights and the Court of Justice of the EU* [Электронный ресурс]. – URL: <https://doi.org/10.1007/978-3-031-16556-6>
3. Постановление Европейского суда по правам человека по делу *A and B v. Norway* [Электронный ресурс]. – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/tur#%7B%22itemid%22:\[%22001-168972%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/tur#%7B%22itemid%22:[%22001-168972%22]%7D)
4. Շահնագարյան Ա., Հարությունյան Ա., Սերյանյան Լ. Եվրոպական դատարանի վճռի կամ որոշման հիման վրա ներպետական մակարդակում գործերի վերաբացման ինստիտուտի և դրա գործնական կիրառման առանձնահատկությունները / Ա. Շահնագարյան, Ա. Հարությունյան, Լ. Սերյանյան.- Եր.: 2025.-82 էջ:
5. Կրկին անգամ չդատվելու և չպատժվելու իրավունք. Մարդու իրավունքների եվրոպական կոնվենցիայի թիվ 7 արձանագրության 4-րդ հոդվածի վերաբերյալ ուղեցույց // Եվրոպայի խորհուրդ/Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարան, 2020թ., 51 էջ:
- 6.

Криминалистика вне уголовного процесса: теория и практика применения

Никогосян Нелли Тиграновна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Юриспруденция»

Ереван, Армения

E-mail: nelli.nikogosyan2004@mail.ru

Актуальность расширения сферы применения криминалистики подтверждается позицией ведущих ученых. Как отмечает Н.П. Яблоков, криминалистические методы и технологии столь же значимы для других видов юридической деятельности, как и для уголовной, но из-за недостаточной осведомленности они редко используются вне расследования преступлений [1]. Е.Р. Россинская прямо указывает, что одной из главных задач современной криминалистики стала разработка криминалистического обеспечения доказывания в различных процессах [2]. Вместе с тем существуют и скептические взгляды: например, А.С. Подшибякин считал тенденцию расширения предмета криминалистики за пределы уголовно-правовой сферы нежелательной, полагая, что это размывает ее основы [3]. Представляется обоснованным признать универсальный характер криминалистики, позволяющий адаптировать ее методы к специфике разных отраслей права. На наш взгляд, использование криминалистических знаний повышает качество правосудия в любой юрисдикции.

Цель работы – показать возможности применения криминалистических знаний в различных видах юридической деятельности вне уголовного процесса, обосновать теоретическую базу такого применения и проиллюстрировать практические примеры внедрения криминалистических методов в иных процессуальных средах.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть теоретические основы использования криминалистики вне уголовно-правовой сферы, опираясь на концепцию единства процесса доказывания;
2. Проанализировать историческое развитие идеи интеграции криминалистических знаний в гражданское и административное судопроизводство;
3. Выявить современные направления адаптации криминалистической техники и тактики при рассмотрении гражданских и арбитражных дел;
4. Оценить практику применения криминалистических методов в производстве по делам об административных правонарушениях;
5. Изучить зарубежный опыт использования цифровой криминалистики и психологических методик в гражданском процессе;
6. Сформулировать предложения по решению эффективности применения специальных знаний.

Как повысить эффективность использования криминалистических знаний вне уголовно-правовой сферы?

– Разработка частной теории криминалистического обеспечения цивилистического процесса (М.В. Жижина) позволит адаптировать методы идентификации, диагностики и ситуационного анализа к специфике гражданского и арбитражного судопроизводства [4].

– Базовые знания судей о технико-криминалистическом исследовании документов и вещественных доказательств, правилах назначения экспертиз позволяют правильно

обнаруживать признаки подделки, грамотно формулировать вопросы экспертам и оценивать заключения.

– Адаптация тактических приемов допроса (индивидуальный подход, недопустимость наводящих вопросов, последовательность) способствует более полному и достоверному установлению фактических данных в гражданском и административном процессе.

– Использование криминалистической идентификации, технических средств фиксации и ситуационного подхода в административном расследовании (таможенная, налоговая сферы) повышает эффективность выявления правонарушений. Опыт таможенных органов подтверждает рост раскрываемости дел благодаря криминалистическим алгоритмам [5].

– Внедрение методов цифровой криминалистики (анализ метаданных, восстановление удаленной информации, ИИ) и психодиагностики (оценка морального вреда) в практику стран англосаксонской правовой семьи требует разработки отечественных стандартов и регламентов [6]. Важно расширить применение комплексных экспертиз с участием криминалистов, как это было успешно реализовано в деле о подлинности хачкара в Армении, где трасологический и химико-минералогический анализы позволили выявить подделку и защитить права добросовестного приобретателя [7].

– Совершенствование КоАП РФ нормами об обязательном назначении экспертизы по отдельным категориям дел (таможенные, финансовые нарушения) и расширение применения комплексных экспертиз в гражданском процессе обеспечат объективное выяснение обстоятельств.

– Введение в программы повышения квалификации сотрудников правоприменительных органов курсов по основам криминалистики позволит эффективнее использовать специальные знания в повседневной деятельности.

Рассмотренные теоретические положения и практические примеры показывают, что потенциал криминалистических знаний не ограничивается уголовно-правовой сферой. Использование криминалистической техники, тактики и методик в гражданском, арбитражном и административном процессе уже сегодня дает ощутимые результаты. Дальнейшая интеграция криминалистики с другими отраслями права требует разработки частных теорий, адаптации методов, совершенствования законодательства и подготовки кадров. Такой подход будет способствовать формированию научно обеспеченной системы доказывания во всех видах юридической деятельности, что в конечном счете служит укреплению законности и справедливости.

Источники и литература

1. Яблоков Н. П. Аспекты применения криминалистики в юридической деятельности // URL: <https://sarjurcomp.ru/index.php/stati/51-aspekty-primeneniya-kriminalistiki-v-yuridicheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 25.02.2026).
2. Россинская Е. Р. Вектор развития криминалистики и криминалистической дидактики в русле современных технологий. С. 311–313. // URL:

- 60_let_kafedre_rriminalistiki_URGU_Sbornik_2017.pdf (дата обращения: 25.02.2026).
3. Подшибякин А. С. О сущности и предмете криминалистики и основных направлениях ее разрушения. С. 6, 27. // URL: Sokol_2017.pdf (дата обращения: 24.02.2026).
  4. Жижина М.В. Частная Теория криминалистического обеспечения гражданского процесса // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2017. №5 (33). С. 104-105. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chastnaya-teoriya-kriminalisticheskogo-obespecheniya-tsivilisticheskogo-protssessa> (дата обращения: 24.02.2026).
  5. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации // URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovaniy-i-doznaniya> (дата обращения: 23.02.2026).
  6. The Role of Forensic Science in Civil Litigation Explained // URL: <https://lawhub.blog/forensic-science-in-civil-litigation/> (дата обращения: 20.02.2026).
  7. Информация с официального сайта Национального бюро экспертиз РА // URL: <http://www.nbe.am/> (дата обращения: 20.02.2026).

Сравнительно-правовой анализ полномочий органов конституционного контроля в Республике Армения и Российской Федерации

Петросян Карен Артурович

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в городе Ереване

Направление «Юриспруденция»

E-mail: karpetrosyan79@gmail.com

Институт конституционного контроля является ключевым элементом современного правового государства, поскольку именно он обеспечивает верховенство конституции, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также стабильность всей правовой системы. В условиях развития конституционализма и усиления роли судебной власти особую научную значимость приобретает сравнительное исследование

полномочий органов конституционного контроля Республики Армения (РА) и Российской Федерации (РФ). В этом и заключается актуальность данной темы.

В обеих странах функции конституционного контроля осуществляют специализированные судебные органы — Конституционные суды (КС). Они не входят в систему судов общей юрисдикции и занимают особое место в механизме разделения властей. Их основная задача заключается в проверке нормативных актов на соответствие конституции и разрешении конституционно-правовых споров.

Основное сходство заключается в том, что эти органы выступают гарантами Конституции и обладают исключительным правом официального толкования её норм. Их решения имеют обязательную силу и не подлежат обжалованию, что подчеркивает их высший юридический статус [1; 2].

Предварительный контроль. Конституционный суд Армении наделен полномочием проверять международные договоры до их ратификации, предотвращая тем самым принятие государством неконституционных обязательств. В России такой механизм тоже нормативно регламентирован [1; 3]. Вместе с тем, несмотря на общность нормативных моделей, практика реализации данного полномочия в обеих странах имеет существенные различия.

Субъекты. В Армении Защитник по правам человека может оспаривать законы и нормативные акты, обращаясь в Конституционный Суд. В РФ Уполномоченный по правам человека тоже вправе обратиться в КС РФ, но со следующей особенностью: он вправе подать жалобу в случае, если в отношении гражданина было принято судебное решение на основании закона, который, по мнению заявителя, противоречит Конституции, что и послужило поводом для его обращения к Уполномоченному.

Различия касаются также процессуальных аспектов деятельности конституционных судов: сроков рассмотрения дел, порядка принятия решений, требований к обращениям и юридических последствий вынесенных постановлений. Сроки рассмотрения обращений в КС РФ зависят от их типа: предварительное изучение жалобы судьями занимает до одного месяца с момента регистрации, а общее рассмотрение жалобы — от 2,5 месяцев и более. Предварительное изучение занимает от 2 до 30 дней, а решение о принятии к производству выносится в течение 3 дней после доклада. Итоговое рассмотрение обычно начинается не позднее 20 дней после регистрации. Эти особенности отражают специфику национального законодательства и подходы законодателя к определению роли конституционного контроля в системе государственной власти. [2; 4]

Различия в полномочиях показывают, что каждая страна формирует собственную модель конституционного контроля. Например, у КС РФ есть право законодательной инициативы, а у КС РА таких полномочий нет. [1; 3]

Таким образом, органы конституционного контроля в Армении и России имеют общую правовую природу и выполняют похожие задачи, но при этом отличаются полномочиями. Эти различия не означают, что одна система лучше другой — они отражают особенности развития государств и их правовых традиций. Изучение и

сравнение таких институтов помогает улучшать защиту прав граждан и укреплять принцип верховенства конституции.

Список использованной литературы:

1. Конституция Республики Армения (с изменениями) от 5 июля 1995 года – сайт: <https://www.arlis.am/hy/acts/78870>
2. Конституционный закон от 27 января 2018 года ЗР-42-Н «о Конституционном суде Республики Армения» – сайт: <https://www.arlis.am/hy/acts/126176>
3. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года – сайт: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&dst=100001#oGikMCVI5DEG7TYV1>
4. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» – сайт: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/

Гражданско-правовая охрана жизни и здоровья граждан

Празян Арминэ Арамовна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени

М.В.Ломоносова

Направление: «Юриспруденция»

Ереван, Армения

E-mail: armineprazyann@gmail.com

Статья посвящена вопросу гражданско-правовой охраны жизни и здоровья граждан, что обуславливает высокую актуальность исследуемой темы. Право на жизнь в гражданско-правовом аспекте представляет собой абсолютное субъективное право человека, которое порождает у неопределенного круга лиц обязанность воздерживаться от действий, направленных на лишение человека жизни.

С.В. Коврижкина подчеркивает, что право на распоряжение жизнью в российском правовом поле имеет существенные ограничения, поскольку ни эвтаназия, ни иные формы добровольного прекращения жизни не получили легального признания [1].

Современная правоприменительная практика демонстрирует множественность ситуаций, когда жизнь и здоровье граждан подвергаются опасности, что актуализирует вопрос о совершенствовании механизмов защиты данных благ. По мнению Т.А. Скворцовой и Г.С. Працко, данные механизмы нуждаются в постоянном развитии в связи с появлением новых вызовов и угроз [2].

Целью исследования является комплексный анализ гражданско-правовых механизмов охраны жизни и здоровья граждан и разработка рекомендаций по совершенствованию нормативно-правовой базы в данной сфере.

Каждое направление исследования ориентировано на поиск оптимальных решений и формирование комплексного подхода к более эффективному гражданско-правовому регулированию охраны жизни и здоровья граждан. Решение выявленных проблем требует системного подхода, включающего совершенствование действующего законодательства, усиление государственных гарантий защиты, повышение доступности и оперативности правоприменения, а также формирование высокого уровня доверия граждан к механизмам правовой защиты.

Как повысить эффективность гражданско-правовой охраны жизни и здоровья граждан в Российской Федерации?

1. Необходимость перехода от преимущественно реактивной модели возмещения вреда к проактивной модели охраны посредством активного применения ст. 1065 ГК РФ, которая предусматривает возможность предупреждения причинения вреда до его наступления. Однако на практике данная норма используется крайне редко. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2021 году дела о предупреждении причинения вреда составили менее 0,5 % от общего числа гражданских дел, связанных с возмещением вреда жизни и здоровью.

2. Развитие и законодательное стимулирование института медиации как приоритетного досудебного способа урегулирования споров, связанных с причинением вреда жизни и здоровью, с возможным введением обязательной медиации по отдельным категориям дел (медицинские споры, вред от источников повышенной опасности) [3].

3. Третье направление связано с возможностью создания специализированных компенсационных фондов для возмещения вреда в отдельных видах деятельности с повышенным общественным риском, по аналогии с уже существующими фондами в других сферах. Опыт функционирования Фонда защиты прав граждан – участников долевого строительства наглядно демонстрирует эффективность такого механизма.

Таким образом, повышение эффективности гражданско-правовой охраны жизни и здоровья граждан требует комплексных и скоординированных мер, сочетающих совершенствование нормативной базы, развитие альтернативных способов защиты прав, усиление страховых и компенсационных механизмов, а также переход к проактивному подходу в правовом регулировании. Только при реализации системного подхода возможно обеспечение реальной, своевременной и справедливой защиты этих высших нематериальных благ в современных условиях.

Источники и литература

1. Коврижкина, С. В. Гражданско-правовая охрана жизни и здоровья граждан / С. В. Коврижкина, Н. А. Малышева // Научные дискуссии талантливой молодежи: Материалы Всероссийского круглого стола, Иркутск, 24 октября 2024 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2024. – С. 152-154
2. Скворцова, Т. А. К вопросу о гражданско-правовых механизмах охраны жизни и здоровья гражданина/ Т. А. Скворцова, Г. С. Працко // Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2023. – С. 92-98.
3. Фицай, Д. А. Гражданско-правовые способы защиты экологических прав в Российской Федерации / Д. А. Фицай // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 4. – С. 157-168.

Правовое регулирование правопреемства в гражданском праве

Саакян Элен Самвеловна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени

М.В.Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Юриспруденция»

Армения, Ереван

E-mail: elencb97@gmail.com

Статья посвящена институту правопреемства в гражданском праве и особенностям его нормативного регулирования. Гражданское право охватывает широкий спектр юридических процессов, регулирующих правоотношения, но правопреемство имеет особое значение для правовой системы. Правопреемство существовало как в Древнем Риме [1], где были заложены его основы, так и в современный период, что подтверждает устойчивость данного института на протяжении длительного времени. В отечественной доктрине исследование института ведётся ещё с дореволюционного периода, продолжалось в советское время и активно осуществляется в настоящее время. [2].

Целью статьи является изучение сущности правопреемства как института гражданского права. Основное внимание уделяется изучению процесса развития данного института и его целей. Отдельно рассматривается практика его законодательного регулирования в российском законодательстве, а также правоприменительная практика судов. Несмотря на длительное развитие института правопреемства, в современной правовой практике существует ряд проблем, связанных с его реализацией. Одна из острых проблем – это недостаточно чёткое разграничение

универсального и сингулярного правопреемства [5], а также определение объёма прав и обязанностей переходящих к правопреемнику. [3]

На практике это приводит к возникновению споров, связанных с переходом прав и обязанностей к правопреемнику, особенно в обязательственных правоотношениях и при реорганизации юридических лиц. [4]

Задачи исследования:

1. Определение понятия «правопреемство»;
2. Исследование теорий о его правовой сущности;
3. Изучение процесса исторического развития правопреемства в российском гражданском законодательстве;
4. Анализ оснований классификации и видов правопреемства.
5. Установление существующих проблем применения института правопреемства на практике;
6. Разработка предложений по совершенствованию регулирования правопреемства.

Каждая из поставленных задач направлена на раскрытие и анализ правовой сущности института правопреемства.

Разрешению выявленных проблем и совершенствованию института правопреемства будут способствовать:

1. Исследование истории развития института.
2. Анализ современной доктрины правопреемства и её развития.
3. Изучение основных черт правопреемства в гражданском праве.
4. Анализ нормативно-правовых актов, закрепляющих сущность правопреемства.
5. Более чёткое законодательное разграничение универсального и сингулярного правопреемства.
6. Закрепление объёма прав и обязанностей при правопреемстве.
7. Развитие и систематизация судебной практики.

Таким образом, комплексное исследование данного института поможет раскрыть теоретические, правовые и практические характеристики для анализа понятия и усовершенствования правопреемства в гражданских правоотношениях, обеспечивая её стабильность в практике.

Источники и литература

1. Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве: опыт исторического исследования, теоретической и догматической конструкции и обобщения российской судебной практики. 3-е издание, стер. М.: Центр ЮрИнфор-Пресс, 2002, С.298.
2. Анастасьев Ю. Краткий обзор русского гражданского права. Спб.: Типография А. Вайсберга и П. Гершунина, 1909. С.215.
3. Суханова Е.А. Гражданское право: учебник. – М.: Статус, 2019.

4. Брагинский М.И., Витрянский В.В., Договорное право. Общие положения. – М.: Статус, 2011.
5. Комментарии к Гражданскому кодексу Российской Федерации / под ред. О.Н. Садикова. – М.: Норма, 2019.

Конституционно-правовые проблемы ограничения информационных прав детей в Российской Федерации и Республике Армения

Симонян Алёна Симоновна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени

М. В. Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Юриспруденция»

Ереван, Армения

e-mail: alyonaofficialsimonyan@mail.ru

Статья посвящена исследованию конституционно-правовых проблем ограничения информационных прав детей в Российской Федерации и Республике Армения. В условиях стремительного развития цифровых технологий и расширения информационного пространства вопросы обеспечения доступа детей к информации и одновременно их защиты от информации, способной причинить вред физическому, психическому и нравственному развитию, приобретают особую актуальность.

Право на получение и распространение информации относится к числу фундаментальных прав человека и закреплено в конституциях современных государств. В частности, положения Конституция Российской Федерации закрепляют право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Аналогичные положения содержатся в Конституции Республики Армения. Однако реализация информационных прав детей имеет свою специфику, поскольку государство одновременно обязано обеспечивать защиту несовершеннолетних от вредной информации. По мнению Л.А. Букалеровой, правовое регулирование информационных отношений должно обеспечивать баланс между свободой информации и защитой несовершеннолетних [4].

Как отмечает Г.У. Солдатова, дети являются активными участниками цифровой среды, однако остаются наиболее уязвимой категорией пользователей интернета [5].

Важную роль в формировании правовых стандартов играет Конвенция о правах ребенка, принятая под эгидой Организации Объединенных Наций. Согласно статье 13

Конвенции ребенок имеет право свободно искать, получать и распространять информацию, однако осуществление данного права может подлежать определенным ограничениям, необходимым для защиты прав других лиц, общественной нравственности и безопасности.

Цель научной статьи заключается в анализе конституционно-правовых механизмов ограничения информационных прав детей в Российской Федерации и Республике Армения, выявлении существующих проблем правового регулирования и разработке предложений по их совершенствованию.

Задачи исследования:

1. анализ конституционно-правовых основ реализации информационных прав детей;
2. исследование законодательства Российской Федерации и Республики Армения, регулирующего защиту детей от вредной информации;
3. выявление правовых коллизий и пробелов в регулировании ограничений информационных прав несовершеннолетних;
4. анализ международных стандартов защиты детей в информационной сфере;
5. разработка предложений по совершенствованию правового регулирования.

Сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Республики Армения показывает, что обе правовые системы признают необходимость ограничения доступа детей к информации, способной причинить вред их развитию. В Российской Федерации действует специальное законодательство, направленное на защиту детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, тогда как в Республике Армения регулирование данной сферы осуществляется преимущественно в рамках общего законодательства об информации и защите прав ребенка.

Вместе с тем возникает проблема определения границ допустимого ограничения информационных прав несовершеннолетних. Чрезмерные ограничения могут привести к неоправданному ограничению свободы информации, тогда как недостаточные меры способны создать угрозу для нормального развития ребенка.

В условиях цифровизации и широкого распространения интернет-ресурсов ребенок становится активным субъектом информационных отношений, что требует совершенствования механизмов правового регулирования. Представляется целесообразным разработать единые конституционно-правовые критерии допустимости ограничения информационных прав детей, основанные на принципах необходимости, соразмерности и приоритета наилучших интересов ребенка.

Таким образом, эффективное регулирование ограничений информационных прав детей требует комплексного подхода, включающего развитие законодательства, учет международных стандартов и совершенствование механизмов защиты несовершеннолетних в информационном пространстве.

Источники и литература

1. Конституция Российской Федерации.
2. Конституция Республики Армения.
3. Федеральный закон РФ от 29.12.2010 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».
4. Букалерева Л.А. Научная публикация по вопросу информационного права и защиты детей, 2019г.
5. Солдатова Г.У. Статья персональные данные и дети: Вопросы безопасности, 12.12.2017г.

Особенности досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних

Хачатрян Элен Гамлетовна

Студент (бакалавриат)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в г. Ереване

Направление: «Юриспруденция»

Ереван, Армения

E-mail: elen.khachatryan2004@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Данная тема обладает высокой актуальностью, поскольку несовершеннолетние являются особой категорией участников уголовного судопроизводства и требуют повышенных гарантий защиты их прав и законных интересов. Учитывая возрастные, психологические и социальные особенности несовершеннолетних, уголовно-процессуальное законодательство предусматривает специальные правила расследования таких дел, направленные на обеспечение справедливости и гуманизма уголовного процесса.[1]

Проблема эффективной организации досудебного производства по делам несовершеннолетних привлекает значительное внимание ученых и практиков. В научной литературе отмечается, что особый порядок уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних направлен не только на установление обстоятельств преступления, но и на защиту личности несовершеннолетнего, его воспитание и предупреждение повторных правонарушений. Так, Ф. Багаутдинов указывал, что ювенальная юстиция фактически начинается на стадии предварительного расследования, где закладываются основные гарантии защиты прав

несовершеннолетнего и формируются условия для его дальнейшей социальной реабилитации. [3]

Целью настоящего исследования является анализ особенностей досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, а также выявление проблем правового регулирования и правоприменительной практики в данной сфере. Особое внимание уделяется специфике расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, особенностям предмета доказывания по таким делам, а также кругу участников уголовного судопроизводства, принимающих участие в досудебном производстве.

Одной из ключевых особенностей производства по уголовным делам данной категории является расширенный предмет доказывания. Помимо обстоятельств, предусмотренных общими нормами уголовно-процессуального законодательства, подлежат установлению возраст несовершеннолетнего, условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, а также влияние взрослых лиц и иных обстоятельств, способствовавших совершению преступления.[4] Установление указанных обстоятельств имеет важное значение для правильной юридической оценки деяния, выбора мер процессуального принуждения и определения дальнейшей судьбы несовершеннолетнего.

Существенное значение в досудебном производстве по делам несовершеннолетних имеет участие специальных субъектов уголовного судопроизводства. Закон предусматривает обязательное участие законных представителей несовершеннолетнего, а также возможность привлечения педагога или психолога при проведении следственных действий. Однако на практике возникают определенные проблемы, связанные с обеспечением их фактического участия, а также с определением их процессуального статуса и объема полномочий.[2]

Особую специфику имеет и проведение следственных действий с участием несовершеннолетних. Допрос, очная ставка и иные процессуальные действия должны проводиться с учетом возрастных и психологических особенностей несовершеннолетнего, в условиях, исключающих психологическое давление и способствующих получению достоверных показаний. Вместе с тем в правоприменительной практике нередко возникают трудности, связанные с соблюдением указанных требований, что может негативно сказаться на обеспечении прав несовершеннолетнего участника уголовного процесса.

Отдельного внимания заслуживает вопрос применения мер процессуального принуждения в отношении несовершеннолетних. Законодательство предусматривает особый подход к выбору таких мер, отдавая приоритет мерам, не связанным с изоляцией от общества. Однако на практике нередко возникает необходимость поиска баланса между обеспечением целей уголовного судопроизводства и соблюдением принципа гуманизма при применении соответствующих мер.

Таким образом, исследование особенностей досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних имеет важное значение для

повышения эффективности уголовного судопроизводства и обеспечения надлежащей защиты прав несовершеннолетних. Выявление существующих проблем правового регулирования и правоприменительной практики позволяет определить возможные направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения, направленные на создание более справедливой и гуманной системы расследования преступлений с участием несовершеннолетних.

Источники и литература

1. Андриянова О. Ю. Особенности судопроизводства по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних: дис. канд. юрид. наук. – Москва, 2006. – 189 с.
2. Бабаев М. М. Общественно-психологические компоненты детерминации криминального поведения молодежи // Русский криминологический взор. – 2012. – № 1. – С. 62–75.
3. Багаутдинов Ф. Ювенальная юстиция начинается с предварительного следствия // Российская юстиция. – 2002. – № 9. – С. 33–38.
4. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России. – М.: Кнорус, 2010. – 496 с.

Проблема признания сторон вооруженного конфликта в международном праве (на примере Судана)

Харатян А.А., Мхоян Д.А.

магистранты

Российско-Армянский (Славянский) университет,

Институт права (ИП)

Ереван, Армения

E-mail: anahitkharatyan93@gmail.com , dianamkhoyan2121@gmail.com

В статье кратко анализируется проблема квалификации сторон в немеждународных вооруженных конфликтах и ее практическая реализация на примере Судана. Международное гуманитарное право ориентируется на объективно-фактические критерии (интенсивность боевых действий, уровень организации, контроль над территорией, способность соблюдать МГП), а не на политическое признание; это закреплено в общей статье 3 Женевских конвенций [4] и Дополнительном протоколе II [3]. В случае Судана конфликт между SAF и RSF соответствует признакам немеждународного вооруженного конфликта: масштабные столкновения, контроль RSF над значительными территориями и элементы гражданского управления, что

зафиксировали международные гуманитарные организации и Совет Безопасности ООН. [1; 5]

Однако фактическое признание сторон порождает правовую асимметрию: негосударственные формирования обязаны соблюдать МГП, но не получают привилегий и гарантий комбатантов, что снижает их мотивацию к выполнению обязательств и усложняет гуманитарный доступ. Внешняя материально-техническая поддержка сторон усиливает интенсивность конфликта, но, как правило, не достигает уровня «эффективного контроля», переключая характер противостояния в международный конфликт.

Для уменьшения неопределенности предлагается создать независимый механизм верификации фактов при ООН или МККК (по примеру комиссии по установлению фактов, ст. 90 Доп. протокола I [2]): сбор и анализ данных, правовое заключение о характере конфликта и рекомендация минимальных гарантий гуманного обращения. Такой механизм должен иметь рекомендательный характер и не наделять акторов международной правосубъектностью, но повысит прозрачность правоприменения и облегчит доступ гуманитарным организациям. Дополнительно целесообразно разработать модель минимальных гарантий для бойцов негосударственных формирований (условная защита/ограниченная амнистия при соблюдении МГП) в качестве стимула к исполнению норм гуманитарного права.

Источники и литература

1. Доклад Генерального секретаря ООН по Сирии S/2014/244 от 3 апреля 2014 г. URL: <https://docs.un.org/ru/S/2014/244>
2. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов (Протокол I). – Женева: Международный комитет Красного Креста, 2024. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/2024-10/AP_I_Rus.pdf
3. Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооружённых конфликтов. – Женева: МККК, 1977 (рус. изд. МККК, 2024). URL: <https://www.icrc.org/sites/default/files/2024-10/>
4. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года. Конвенция III относительно обращения с военнопленными. – Женева: МККК, 1949 (рус. изд. МККК, 2024). URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/2024-10/AP_II_Rus.pdf
5. OCHA – Sudan Humanitarian Situation & Access Report (June–July 2023). URL: https://www.unocha.org/attachments/0bb7c0cd-7e12-4fb2-8de4-da4c1ebc301e/SDN_Hum_Situation_Access_Report_Jun_Jul_report%202023_15082023.pdf

Евразийский путь развития Республики Армения: интеграционно-правовой аспект

Хачатрян Эрик Артурович

Аспирант

Московский государственный юридический университет имени О.Е.

Кутафина (МГЮА)

Кафедра «Интеграционного и европейского права»

Москва, Российская Федерация

E-mail: e.a.khachatryan@gmail.com

Создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС) стало важнейшим событием на постсоветском пространстве, которое впоследствии объединило пять стран-союзников [3].

10 октября 2014 года в столице Беларуси был подписан Договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [5], а уже со 2 января 2015 года Республика Армения стала новым полноправным членом Союза.

Присоединение Армении к евразийскому интеграционному проекту послужило доказательством того, что страна сделала свой выбор в пользу евразийской интеграции.

Одна из основных задач создания ЕАЭС заключается в том, чтобы сформировать вокруг России новый полюс геополитического притяжения и иной, альтернативный американскому и европейскому, центр силы [1].

В контексте глобальных вызовов Россия, как великая суверенная держава, поставила вопрос об укреплении собственных интеграционных проектов, их потенциальной роли в новом миропорядке и возможных путях укрепления российских позиций [4].

Наиболее важной особенностью участия Армении в евразийской модели интеграции является географическое положение страны. Республика Армения – единственное из пяти государств-членов интеграционного объединения, которое не имеет общих сухопутных границ ни с одним из них.

Для решения данной проблемы было принято Приложение № 5 к Договору о присоединении Армении к Договору о ЕАЭС. В соответствии с п. 5 указанного приложения товары Союза при передвижении с одной части таможенной территории ЕАЭС на другую ее часть через территории третьих государств (в режиме транзита) сохраняют статус товаров интеграционного объединения.

Таким образом, после присоединения к ЕАЭС Армения, находившаяся в условиях транспортно-логистической изоляции, получила доступ к глобальным рынкам и важнейшим международным транспортным коридорам. При этом сама страна,

расположенная в южной части Кавказского региона, способна играть роль важного связующего звена в развитии отношений государств – членов ЕАЭС с Ираном [2].

Особая актуальность выбранной темы доклада обусловлена резко меняющейся геополитической ситуацией вокруг ЕАЭС и общими тенденциями развития торгово-экономических и политических связей Республики Армения с западными государствами.

Институционализация интеграционных процессов Евразийского экономического союза является одним из приоритетных направлений его главных участников. В Концепции внешней политики Российской Федерации повышенное внимание уделяется укреплению потенциала и повышению международной роли ЕАЭС.

Одну из ключевых и наиболее важных проблем для евразийской интеграции представляет собой вопрос соотношения Договора о Евразийском экономическом союзе с иными международными договорами государств-членов интеграционного объединения. Для Армении такого рода документом является Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между Республикой Армения и Европейским Союзом [7]. Кроме того, Армения, как официальный член Всемирной Торговой Организации, добровольно присоединилась к Соглашению по правительственным закупкам [6], основной целью которого является взаимное открытие рынков государственных закупок между странами участницами.

В условиях беспрецедентного санкционного давления на российскую экономику со стороны коллективного Запада, анализ противоречивых векторов развития в рамках ЕАЭС носит первостепенный характер.

Для дальнейшего развития и углубления интеграции, а также для продвижения формирования взаимовыгодного сотрудничества ЕАЭС с третьими странами необходимо внедрение эффективного нормативно-правового регулирования, направленного на обеспечение соблюдения права Союза государствами-участниками.

Вышеизложенное объективно обуславливает актуальность темы исследования и подтверждает необходимость научного обобщения данной проблематики.

Источники и литература

1. Буторина О.В., Захаров А.В. О научной основе Евразийского экономического союза // Евразийская Экономическая Интеграция. 2015. № 2 (27). С. 53.
2. Дживанян Д.А. Армения в ЕАЭС: перспективы постсоветской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 3. С. 99.
3. Евразийская экономическая интеграция: теория и практика: учебное пособие. - Москва: Проспект, 2023. С. 47.
4. Смирнов В.А., Сутырин В.В. Евразийский интеграционный проект России: перспективы симметричной модели развития // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 12. С. 122-123.
5. Договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (Подписан в г. Минске 10.10.2014г.)

- (ред. от. 14.04.2020г.) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_169854/ (дата обращения: 20.02.2026г.).
6. Agreement on Government Procurement (Geneva, 30 March 2012) [Электронный ресурс] // URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/rev-gpr-94_01_e.pdf (дата обращения: 21.02.2026г.).
  7. Comprehensive and enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part [Электронный ресурс] // URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/agree_internation/2018/104/oj/eng (дата обращения: 20.02.2026г.).

Права человека в условиях цифровизации общества

Шабоян Ани Артаковна

Магистрант

Филиал Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова в г. Ереване

Направление «Юриспруденция»

Ереван, Армения

E-mail : Ani.Shaboyan2018@gmail.com

Актуальность работы заключается в том, что развитие цифровых технологий существенно усиливает их влияние на права и свободы человека, формируя как положительные, так и негативные последствия в данной сфере. Цифровые технологии, с одной стороны, упрощают жизнь человека, повышают доступность услуг и расширяют возможности взаимодействия в обществе. С другой стороны, они могут оказывать и негативное воздействие на права человека, создавая новые риски и проблемы в сфере их обеспечения и защиты.

Целью данной работы является изучение и анализ влияния цифровизации на права человека, выявление способов защиты этих прав в современную эпоху, а также установление возможности возникновения новых прав человека под воздействием технологического прогресса.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

1. Рассмотрение, изучение национальной и зарубежной нормативно-правовой базы в сфере защиты прав человека.
2. Рассмотрение и изучение судебной практики по вопросам защиты прав человека в период цифровизации.

3. Разработка предложений, направленных на совершенствование законодательного регулирования прав человека в период цифровизации.

На сегодняшний день интернет-пространство представляет собой отдельный цифровой мир, который не имеет территориальных границ. Безусловно, такое пространство выступает важнейшим средством реализации ряда прав человека – в частности, права свободно искать, получать и распространять информацию. Однако функционирование всемирной сети сопряжено с многочисленными угрозами для реализации и защиты основных прав и свобод личности.

В первую очередь необходимо рассмотреть предусмотренное ст. 21 Конституции РФ право на достоинство личности [1]. С развитием технологий, а именно с расширением сети интернет, можно утверждать, что данное право подвергается нарушению одним из первых. Всё чаще среди молодежи наблюдается тенденция, когда достоинство человека, его внутренняя самооценка, становятся зависимой от популярности в социальных сетях. По сути, понятие достоинства личности начинает ошибочно отождествляться с количеством поставленных «лайков».

Справедливо отметить, что такого рода заблуждение наиболее часто проявляется у детей, подростков и у молодых лиц.

Во вторую очередь можно рассмотреть предусмотренный частью второй ст. 21 Конституции РФ запрет на унижение человеческого достоинства. Безусловно, данное право также часто подвергается различным нарушениям.

Часто в социальных сетях публикуется информация, которая всячески может унижить достоинство любого человека. Является ли такая информация правдивой или нет – вопрос второстепенный, ведь когда речь идет о достоинстве человека, оно должно защищаться в первую очередь.

В третью очередь можно рассмотреть установленное ст. 23 Конституции РФ право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Часто такого рода информация может изыматься государственными органами. Согласно ст. 186 УПК возможен контроль и запись переговоров обвиняемого, если есть достаточное основание полагать, что в ней содержится информация, необходимая уголовному делу [2]. Такие действия возможны по решению суда при расследовании преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких.

На первый взгляд, данное вмешательство в права человека является обоснованным, ведь упоминается необходимость данных для уголовного дела. Однако по своей правовой природе контроль и запись переговоров представляют собой прямое вмешательство в сферу частной жизни лица и, соответственно, ограничение конституционных прав. В одном из дел Европейский суд по правам человека признал, что хранение отпечатков пальцев и образцов ДНК лиц, впоследствии оправданных, представляет собой вмешательство государства в их право на уважение частной жизни. Суд указал, что подобная практика нарушает баланс между публичными интересами и правами личности [3].

В заключение отметим важность правового регулирования защиты прав человека в период цифровизации. Несмотря на достаточно высокий уровень действующего законодательства, считаем необходимым сформулировать ряд предложений, направленных на совершенствование механизмов охраны прав личности в цифровую эпоху.

Во-первых, представляется целесообразным проведение комплекса правопросветительских и ознакомительных мероприятий среди молодежи, направленных на повышение уровня правосознания в цифровой среде. Подобные мероприятия помогут лицам глубже осознать важность охраны своих прав, а также освоить практические инструменты их реализации и защиты.

Во-вторых, представляется необходимым внесение изменения в ст. 186 УПК РФ, согласно которому контроль и запись переговоров допускается исключительно в рамках расследования тяжких и особо тяжких преступлений.

Список использованной литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ(ред. от 29.12.2025г.)// СЗ РФ. 24.12.2001. № 52(ч.1), ст.4921.
3. S. and Marger против Соединенного Королевства: постановление Европейского суда по правам человека от 4.12.2008, жалобы № 30562/04, 30566/04.